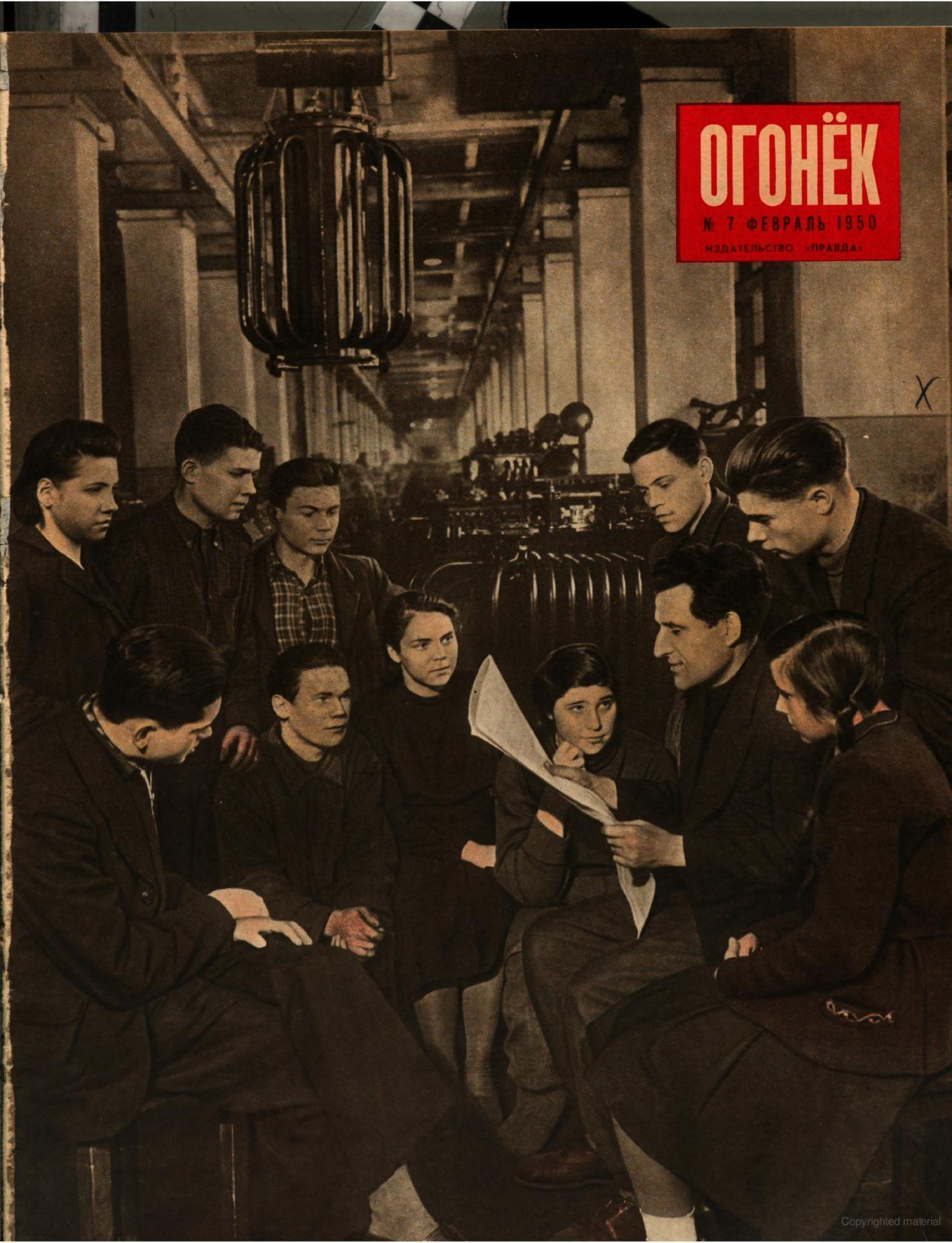

ОГОНЁК
№ 7 ФЕВРАЛЬ 1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

К ВЫБОРАМ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

ПЛАКАТЫ, ВЫПУСКАЕМЫЕ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ «ИСКУССТВО»

Я БУДУ ГОЛОСОВАТЬ
ЗА КАНДИДАТОВ БЛОКА
КОММУНИСТОВ И БЕСПАРТИЙНЫХ!

Художник В. Иванов.

СТРАНА РАСЦВЕТАЕТ ВСЕ ЯРЧЕ И КРАШЕ,
И ПЕСНЯ О СТАЛИНЕ В КАЖДОЙ ГРУДИ!
ЗА ПАРТИЮ НАШУ, ЗА РОДИНУ НАШУ
МЫ ВСЕ, КАК ОДИН, ГОЛОСА ОТДАДИМ!

Художник Н. Жуков.

Художник В. Иванов.

Художник М. Соловьев.

На первой странице обложки: в цехе московского Трансформаторного завода имени В. В. Куйбышева. Слесарь А. Шаров, выдвинувший в январе 1946 года по поручению электрозаводцев Иосифа Виссарионовича Сталина кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР, беседует с молодыми рабочими-избирателями, которые будут голосовать впервые.

Фото А. Гостева

На последней странице обложки: в Измайловском детском доме № 13 (Москва). В часы досуга.

Фото Э. Евзерихина и Н. Киреева (ТАСС)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 7 (1184) 12 ФЕВРАЛЯ 1950

28-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Предвыборное собрание рабочих и служащих Московского электрозавода, посвященное выдвижению кандидата в депутаты Верховного Совета СССР. Собрание единодушно выдвинуло Иосифа Виссарионовича СТАЛИНА кандидатом в депутаты Совета Союза Верховного Совета СССР.

Фото Дм. Бальтерманца

КАНДИДАТЫ НАРОДА

Миллионы граждан нашей социалистической страны сходились в эти дни на предвыборные собрания в цехах индустриальных гигантов, в дворцах культуры и залах театров, в аудиториях университетов и научных институтов, в колхозных клубах и красных уголках частей Советской Армии. Советские люди осуществляли свое священное право, предоставленное Сталинской Конституцией. Они называли имена лучших из лучших сынов и дочерей Родины, которых народ хочет видеть своими избранниками, своими представителями в высшем органе советской власти — Верховном Совете СССР.

И повсюду на этих собраниях, многолюдных, праздничных, полных воодушевления, безраздельно господствовало одно чувство—всенародной любви и преданности партии Ленина — Сталина, одна воля — идти вперед к победе коммунизма. Каждое слово ораторов, выдвигающих и поддерживающих кандидатов в Верховный Совет, каждый взрыв аплодисментов, каждая фраза принимаемых решений говорили о главном, что является незыблемой основой советского строя: о нерушимом морально-политическом единстве всех слоев советского общества, о силе и прочности сталинского блока коммунистов и беспартийных.

Сознание неисчерпаемой мощи советского строя, патриотическая гордость плодами своего труда, успехами коммунистического строительства, ясное понимание того, что советская демократия есть подлинная и высшая форма власти народа,— таковы мысли и чувства, с которыми советский человек приходит на предвыборные собрания. Перед всем миром советский народ предстает как народ-победитель, хозяин своей судьбы, кузнец своего счастья.

Одно великое, близкое всем, родное имя называл народ в едином порыве с трибун предвыборных собраний: имя Сталина. Будь то в Москве или в столицах союзных республик и других больших городах страны, будь то в деревушке Закарпатья, в кишлаке у подножья Памира или в поселках за Полярным кругом — повсюду звучит имя товарища Сталина, как имя самого желанного, самого лучшего, первого всенародного кандидата в депутаты Верховного Совета. Навстречу этому имени несутся шквалом горячие овации, навстречу ему раскрываются все сердца, глаза загораются любовью и благодарностью, великим счастьем — жить, бороться, строить новую жизнь под руководством Сталина, великого зодчего коммунизма, вождя и учителя всего прогрессивного человечества.

Тринадцать лет тому назад, когда трудящиеся нашей Родины впервые пошли к избирательным урнам на выборы Верховного Совета СССР, товарищ Сталин начертал перед избирателями образ советского депутата, верного слуги народа. Высоким примером для народного депутата товарищ Сталин назвал великого Ленина. Он говорил:

«Избиратели, народ должны требовать от своих депутатов, чтобы они оставались на высоте своих задач; чтобы они в своей работе не спускались до уровня политических обывателей; чтобы они оставались на посту политических деятелей ленинского типа; чтобы они были такими же ясными и определенными деятелями, как Ленин; чтобы они были такими же бесстрашными в бою и беспощадными к врагам народа, каким был Ленин; чтобы они были свободны от всякой паники, от всякого подобия паники, когда дело начинает осложняться и на горизонте вырисовывается какая-нибудь опасность; чтобы они были так же свободны от всякого подобия паники, как был свободен Ленин; чтобы они были так же мудры и неторопливы при решении сложных вопросов, где нужна всесторонняя ориентация и всесторонний учет всех плюсов и минусов, каким был Ленин; чтобы они были так же правдивы и честны, каким был Ленин; чтобы они так же любили свой народ, как любил его Ленин».

Выдвигая своим первым кандидатом в депутаты товарища Сталина, весь многомиллионный советский народ видит в нем наилучшее воплощение этих ленинских черт, ленинского гения, ленинского мужества и бесстрашия, ленинской мудрости, ленинской верности и преданности народу. Для всех советских людей товарищ Сталин — это воплощение животворного советского патриотизма, духа новаторства, стремления вперед, честного и самоотверженного служения общему делу — воплощение самых благородных свойств, которыми обладает наш народ.

С именем товарища Сталина для советского человека связаны все огромные победы социалистического строительства, мощный расцвет промышленности, сельского хозяйства, культуры, науки, искусства, благосостояния народных масс. Имя Сталина — символ победы Советского Союза над силами фашизма, избавления нашего Отечества от опасности капиталистического порабощения, спасения человечества от фашистского ига. Сталин — это совесть и надежда всего трудового человечества, знамя борьбы за мир, демократию, социализм.

«Спасибо великому Сталину!» — эти слова идут из самой глубины народных сердец, они всегда живут в нашем народе. Они выражают признательность советских людей великой партии Ленина — Сталина, партии, которая вела и довела народ до счастливой, радостной, разумной жизни, открыла миллионам простых людей, которых душил и топтал капитализм, путь к знаниям, к расцвету всех творческих сил.

На предвыборных собраниях звучат и другие крылатые слова: «Где Сталин — там победа!». Эти слова свидетельствуют о непоколебимой уверенности народа в том, что сталинский гений, олицетворяющий ленинскую мудрость, исторический революционный опыт партии,— залог разгрома врагов трудящихся, преодоления всех и всяческих препятствий на пути к торжеству коммунизма.

Мысли всех советских людей прекрасно выразил на предвыборном собрании рабочих и служащих Московского электрозавода беспартийный слесарь В. Я. Маслов, уважаемый за свою стахановскую работу и новаторство. Выдвигая кандидатуру Иосифа Виссарионовича Сталина в депутаты Верховного Совета СССР, он сказал проникновенные слова, которые идут из глубины души народной: «Я называю это дорогое имя потому, что вся героическая жизнь товарища Сталина посвящена служению народу, заботе о нашем счастье. Все лучшее в жизни каждого из нас связано с именем товарища Сталина!»

Собрания трудящихся выдвигают кандидатами в депутаты Верховного Совета СССР людей, являющихся деятелями ленинско-сталинского типа, пользующихся любовью и доверием народа. С огромным подъемом называются на собраниях имена соратников великого Сталина, руководителей партии и правительства — товарищей Молотова, Маленкова, Берия, Ворошилова, Микояна, Кагановича, Андреева, Хрущева, Булганина, Шверника, Косыгина. Всенародное воодушевление, которое сопровождает выдвижение кандидатами в депутаты ближайших соратников товарища Сталина, демонстрирует безграничное доверие трудящихся большевистской партии и советскому правительству.

Почетная обязанность депутата — это оправдать высшую степень народного доверия, которое может быть оказано советскому гражданину. На предвыборных собраниях трудящиеся выражают это доверие тем, кто прославился своим самоотверженным трудом на благо Родины, кто показывает высокий пример патриотизма в производственной и общественной деятельности, кто делом доказал свою верность партии Ленина — Сталина, чья жизнь и работа неразрывно связаны с массами.

Среди кандидатов — рабочие, крестьяне, представители советской интеллигенции, мужчины и женщины, люди разных национальностей. Не происхождение или имущественное положение, не пол или национальная принадлежность, а только личные заслуги перед народом, личный труд и верное служение народу, определяющие общественное положение советского человека, являются мерилом и при выдвижении кандидатур в народные депутаты. Имена многих кандидатов, выдвинутых на предвыборных собраниях, известны всему Советскому Союзу. Это Герои Труда в промышленности и сельском хозяйстве, чья пытливая мысль и неистощимая энергия подымают все выше производительность наших заводов, урожайность наших полей; это прославленные ученые, писатели, педагоги, художники, люди советской интеллигенции, вышедшие из народа и неразрывно связанные с народом; это советские патриоты, воспитанные и закаленные партией Ленина — Сталина.

Среди кандидатов мы видим имена славных новаторов производства: зачинателя коллективных стахановских методов работы мастера Николая Российского, знаменитого уральского металлурга В. М. Амосова, знатного кемеровского шахтера В. Р. Семыкина, зачинательницы движения многостаночниц на «Трехгорке» А. М. Штыровой и многих других славных передовиков нашей промышленности.

Мы видим среди кандидатов знатных людей советской деревни, неутомимых борцов за высокую урожайность, проводников передовой агротехники. Таковы Герой Социалистического Труда Ф. М. Гринько, зачинательница движения женских тракторных бригад П. Н. Ангелина, знатная азербайджанская колхозница Басти Багирова и другие.

Лучших людей советской культуры выдвигает народ в депутаты Верховного Совета СССР. Широко известны имена таких кандидатов, как президент Академии наук СССР С. И. Вавилов, ректор Московского университета академик А. Н. Несмеянов, писатели А. А. Фадеев, Мирзо Турсун-заде. С ними рядом стоят имена знатных учительниц Л. С. Матвеевой, О. Т. Плесской, народных артистов СССР А. К. Тарасовой и Н. К. Черкасова.

Кандидаты в депутаты — это цвет и гордость советского народа. Состав кандидатов в депутаты ярко показывает глубочайшее различие между подлинной, советской, социалистической демократией и лжедемократией капиталистических стран, где кучка финансовых тузов, попирая политические права народов, путем обмана и фальсификаций посылает в парламенты своих слуг и приказчиков. Депутаты, которых избирает советский народ в Верховный Совет СССР,— это плоть от плоти трудящихся, люди, не знающие иной цели в жизни, кроме служения делу народа, делу коммунизма.

Наши советские выборы — торжество социалистической демократии, демократии высшего типа, которая является вдохновляющим примером для народов всего мира. Сознание этого наполняет сердца советских людей чувством высокой патриотической гордости. Тот же московский слесарь В. Я. Маслов выразил это в следующих ярких словах:

«Нет лучшего счастья на земле, как счастье быть гражданином нашей социалистической Родины! Нет большей чести для нас, советских людей, как честь принадлежать к великой сталинской армии строителей коммунизма».

В красном уголке общежития молодых горняков шахты Ново-Мушкетово. Агитатор, Герой Социалистического Труда Н. Г. Голуб рассказывает молодым шахтерам о предстоящих выборах в Верховный Совет СССР.

В ОДНОМ ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ОКРУГЕ

А. МЕДНИКОВ

Фото Дм. Бальтерманца

Ветер несет снег по шахтному двору, сквозь мутную пелену чуть просвечивают раздавленными пятнами рудничные огни, в холодный воздух врываются терпкие струйки гари и горячие запахи дымящегося тереконника. Ветер свистит в стальных стропилах копров, заносит дороги в поселке. Метель!

Но к новому общежитию в красный уголок торопятся молодые горняки из многих домов. Они пришли послушать агитатора Никифора Гордеевича Голуба — коренастого горняка в парадном мундире почетного шахтера, украшенном длинным рядом боевых орденов и медалей и Золотой Звездой Героя Социалистического Труда.

Голуб рассказывает неторопливо; выкинув вперед обе руки, он взмахивает ими, подыскивая весомые слова... За общежитием, за шеренгою копров, вдалеке вспыхивают зарницы доменных плавок на большом металлургическом заводе. Еще дальше к горизонту тянутся улицы города Сталино — столицы «всесоюзной кочегарки».

Это Сталинский избирательный округ в самом сердце Донбасса — края немеркнущей трудовой славы, великих коммунистических почннов. Это донецкая земля угольщиков и металлургов, восставшая из руин и пепла.

Голуб рубит рукою воздух и рассказывает своим молодым товарищам о предстоящих выборах в Верховный Совет СССР, о шахте, о городе, о стране, о том великом и новом коммунистическом строительстве жизни, что родилось и окрепло в период от первых послевоенных выборов до предстоящих (а прошла почти пятилетка), о больших свершениях в их родном Донбассе и о своем пути за эти четыре года, слитом, как капля воды, в могучий поток миллионов судеб советских людей.

1.

Голуб вернулся на шахту из армии, и о своих военных дорогах он, старший сержант танковых войск, сказал коротко: «Харьков — Сталинград, Сталинград — Прага». В 1946 году горняк подошел к избирательной урне, чтобы проголосовать за то, что он добыл трудом солдата и собирался дать стране трудом шахтера.

Выступая перед избирателями Сталинского избирательного округа в Москве, товарищ Сталин сказал, что нам надо добиться, чтобы наша промышленность могла производить ежегодно до 500 миллионов тонн угля. «На это уйдет, пожалуй, три новых пятилетки, если не больше. Но это дело можно сделать, и мы должны его сделать».

Коммунист Голуб всем сердцем проголосовал в эти дни за величественную программу подъема народного хозяйства, намеченную вождем.

Прошел небольшой срок — четыре года. Но какие это были годы! Все затопленные и взорванные шахты рудника восстановлены и технически реконструированы. Выросли новые дома, поселки... Но изменился не только облик рудника, — эти четыре года изменили даже профессии многих шахтеров, революционно преобразовав самый характер их работы под землей, приблизив ее к труду подлинно коммунистическому.

Когда Голуб сравнивает прошлое Донбасса с тем новым, что принесли сталинские пятилетки, молодежь слушает его с особо доверительным вниманием. Никифор Гордеевич — шахтер потомственный. Его отец не один десяток лет «рубал уголь» обушком; последние годы старик-забойщик спускался в шахту вместе с сыном. И агитатор говорит молодежи о техническом перевооружении угольной промышленности — гигантских работах, предпринятых коммунистической партией,— как о своем личном, близком, едва ли не самом главном в жизни и отца, и его самого, и всей семьи.

— Как пришел конвейер, — кончились саночники: слышали, такие были, которые санки с углем таскали по штрекам? — и резким взмахом руки Голуб как бы сметает со счета саночников. — Как пришел электровоз,— не стало коногонов. Как пришел комбайн,— еще одна профессия исчезла,— говорит Никифор Гордеевич и подмигивает высокому застенчивому молодому шахтеру Диме Болотскому, и тот понимающе, улыбкой отвечает ему.

— Но об этом, как говорится, ниже, — продолжает Голуб, оглядывая довольные, веселые лица юношей и девушек: кажется, что они вот-вот начнут аплодировать всем этим приятным «кончинам» старых профессий.

Голуб до войны был навалоотбойщиком и вернулся к этой же работе. В низких лавах, где шахтеру приходится кидать лопатой уголь, подчас сидя или лежа, труд навало-

Авторы комбайна «Донбасс» (слева направо): А. Д. Сукач и В. Н. Хорин беседуют с приехавшим в институт Героем Социалистического Труда П. К. Заварза, работающим на угольном комбайне.

Фото Л. Азриеля.

отбойщика нелегок. Голуб умел находить новые приемы, учил молодых, перевыполнял задания. В 1948 году за многолетнюю высокопроизводительную работу ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Но вот прошло немного времени, и на шахту начали прибывать комбайны. Они поступали теперь в лавы, вытесняя врубовые машины, и вскоре похоронили еще одну профессию, основанную на тяжелом физическом труде, — навалоотбойку. Голуб одним из первых пошел учиться на машиниста горного комбайна: его привлекала эта специальность.

Так в двух поколениях семья шахтеров Голуб, как и сотни им подобных, проделала путь от кирки до горного комбайна.

— Я долго шел по ступенькам, а вот наш Дима, тот сразу прыгнул на верхнюю. Ему, молодому, я считаю, очень повезло, товарищи, — шутя говорит Голуб, указывая на Болотского, и сидящие рядом обнимают смущенного горняка.

Дима Болотский кончил ФЗО со специальностью электрослесаря как раз ко дню выборов в Верховный Совет СССР в 1946 году. На шахте вскоре приметили его пытливый интерес к технике. Когда туда пришел первый комбайн, Болотский стал во главе комсомольско-молодежной бригады, взявшейся за его освоение.

Первую машину собирали во дворе шахты. Стояли сильные морозы. Бригада собирала и разбирала машину на поверхности, затем испытывала ее в подземных условиях, встречалась в шахте с конструкторами новой машины и предложила им одно важное приспособление, улучшающее комбайн.

Вскоре по инициативе Болотского молодые горняки приняли шефство над комбайном. Они взяли его на социалистическую сохранность.

Сейчас комбайнер Болотский вызвал на соревнование комбайнера Голуба, предложив старшему товарищу дать сверх плана ко дню выборов не менее 700 тонн угля.

— Наша шахта Ново-Мушкетово в 1948 году получила орден Трудового Красного Знамени, когда она вдвое превысила довоенный уровень добычи угля. Сейчас она подняла его почти втрое. Вот так получилось, — говорит Голуб, и лица молодых шахтеров освещаются радостным, горделивым чувством.

— В шахте из семи лав шесть комбайновых. Скоро будут все семь, — живо подсказывает агитатору молодежь.

— Да, да! — подхватывает Голуб. — Будет на коксовых углях Донбасса первая целиком комбайновая шахта.

Комбайновая шахта! Стоит вдуматься в эти слова. Шахта полной комплексной механизации. Это грандиозные перспективы облегчения труда, производительности, высокой культуры и технологии, достойные советских рабочих, уверенно идущих к коммунизму.

Голуб увлеченно продолжает беседу, и, слушая его, невольно думаешь о нем самом, о Болотском — шахтере уже послевоенной формации, который не брал в руки не только лопаты, но и отбойного молотка, а сразу стал хозяином комбайна, о заместителе секретаря комсомольской организации Мише Яцких — недавнем навалоотбойщике, а теперь диспетчере шахты — и студенте-заочнике третьего курса Ленинградского индустриального института, о других смотрящих в будущее золотых людях шахты.

2.

Один из авторов комбайна «Донбасс», сотрудник донецкого филиала Гипроуглемаша, лауреат Сталинской премии Владимир Никитич Хорин, рассказал нам о недавнем посещении шотландской делегацией горняков механизированной шахты.

Гости спустились в лаву, чтобы посмотреть работу комбайна. Такой горной машины, которая бы автоматически подрубала и раздробляла пласт и сама бы транспортировала уголь на откаточный штрек, они никогда не видели у себя на родине.

— Наш комбайн имеет четыре скорости, — сказал Хорин.

Шотландские горняки, удивленные быстротой работы комбайна, были удивлены еще больше, когда узнали, что машина идет на первой скорости. Тогда они попросили включить вторую, потом третью, четвертую. Гости были поражены производительностью комбайна.

— А в другой лаве тоже есть такая машина? — недоверчиво спросили они.

— Есть и в другой.

Горняки пошли во вторую лаву. Там тоже крушили уголь кольцевые бары комбайна. Оттуда все двинулись в следующую, а хозяева приглашали все дальше: идемте в третью, четвертую, там всюду комбайны.

Шотландские горняки видели: изо всех лав шел могучий, непрерывный поток угля. Конвейер ни на минуту не оставался пустым. Электровозы едва успевали увозить составы груженых вагонеток. Гости признались, что даже и не предполагали о возможности создания такой машины у них, в Шотландии, где старая угольная промышленность, шахтеры кое-где ковыряют уголь, фигурально выражаясь, зубочисткой.

— Море, море угля бурлило за комбайнами. Я думаю, гости запомнят это надолго! — воодушевленно говорит Хорин.

Владимир Никитич кажется моложе своих лет, он весь дышит юношеской свежестью, энергией. Творческие биографии Хорина и главного конструктора Александра Давыдовича Сукача роднятся тем, что оба они выходцы с Горловского завода, коллектив которого помог авторам создать их первый опытный образец и затем, по заданию правительства, серийный выпуск комбайнов.

Дело было настолько важное, не терпящее отлагательства, что министр созвал совещание прямо на заводе. Он поставил перед коллективом задачу подготовиться к серийному выпуску в два месяца. Два месяца — срок необычно малый, но ровно через шестьдесят дней первые комбайны начали поступать на шахты. С каждым днем завод набирал темпы. Машины создавались скоростными методами. Все это было свидетельством того, что механизация шахт — большая государственная забота и, как всякая забота государства о труде рабочих, она осуществляется с огромным размахом, соединенными усилиями науки, заводов, шахт.

За год комбайны «Донбасс» добыли уже миллионы тонн угля.

— Мы непрерывно работаем над улучшением своей машины, — говорит конструктор. — И самое интересное не то, что мы уже четыре раза переделывали ее, а те десять тысяч предложений, касающихся усовершенствования комбайна, которые мы получили от рабочих.

Десять тысяч советов от механиков, слесарей, машинистов, посланные с одним желанием — помочь коллективу Гипроуглемаша, помочь шахте! Авторы комбайна ездили на рудники, чтобы познакомиться поближе с авторами этих предложений. Вскоре новые модели машин начали поступать на шахты, и горняки, быстро узнав, что у соседей комбайн уже лучше, требовали новую модель себе, и новаторы могли узнать свои конструктивные поправки, уже воплощенные в машине. Затем они сами приезжали в институт рассказать о работе, покритиковать машину с позиций вновь накопившегося опыта.

Что может быть красноречивей этой подлинно народной заботы о новой технике, творческого соединения усилий передовой науки и тысяч передовых людей практики?

— Машины, созданные у нас, — сказал Хорин, — действуют сейчас на рудниках всей страны.

От Донбасса до Сахалина на огромном угольном фронте ведут наступление донбасские комбайны. Тут есть чем гордиться коллективу!

Чем больше думаешь о том, что происходит сейчас в Донбассе, тем яснее видишь, что механизация трудоемких работ — это не только огромная техническая реконструкция. Это благороднейшая борьба, направляемая партией, великим Сталиным, борьба за нового, советского рабочего, за его свободный, высокопроизводительный труд, за труд — счастье.

3.

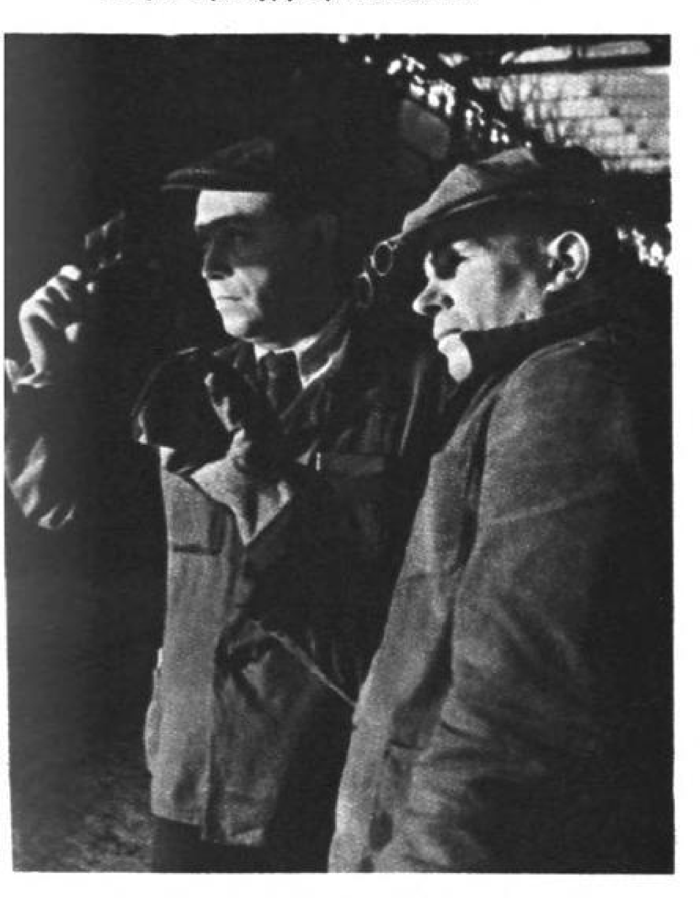
Металлургический завод, носящий имя товарища Сталина, старейшина южной металлургии, накануне своего семидесятилетия был разрушен фашистскими захватчиками до основания. Сейчас у ворот завода висят большие транспаранты, рассказывающие о том, сколько крупнейших агрегатов — домен, мартенов, прокатных станов — уже восстановлено. Только полгода потребовалось заводу, чтобы поднять цехи из руин, воссоздать полный металлургический цикл: чугун, сталь, прокат.

Восстановление шагает в ногу с новым творчеством — это стало законом советских людей. Поднимаясь из развалин, завод как бы стре-

мится стряхнуть с себя все старое, не отвечающее требованиям идущей вперед техники.

Начальник сталеплавильного цеха Петр Герасимович Глазков, показывая на залитые красным сиянием, наполненные могучим гулом мартенов пролеты цеха, произнес памятную фразу: «Недавно мы уничтожили последнее юзовское наследство (до революции завод принадлежал иностранному предпринимателю Юзу) — ручную перекидку газа, заменив все автоматикой. С применением ручного труда покончено навсегда».

Инженер Глазков встретил день выборов в Верховный Совет СССР в 1946 году в поезде: он ехал на новую работу в Сталино. И все, что сделал он и коллектив цеха за эти четыре года, было посвящено упорной борьбе за высокую культуру производства.

Начальник сталеплавильного цеха инженер П. Г. Глазков и сталевар И. З. Гридин.

Цех не только восстановил печи, но и перевел их на автоматику. Новая техника потребовала новых знаний. И цех начал учиться.

На заводе учится большинство рабочих. Парторг завода тов. Аверин несколько минут перечислял учебные заведения, в которых занимаются люди завода: индустриальный институт, металлургический техникум (есть его филиал на заводе), университет марксизма-ленинизма, курсы мастеров, курсы повышения квалификации инженеров, стахановские школы, командировки рабочих и инженеров на другие заводы для творческого общения и т. д.

В цехе Глазкова родилась своя форма стахановской учебы. Знатный сталевар Иван Черков, сваривший в прошлом году сверх плана 1650 тонн стали, ученик златоустовского сталевара Василия Амосова, а ныне соревнующийся с ним, делится своим опытом следующим способом. Черков поочередно приходит в более слабые бригады и ведет с ними плавку, практической помощью подкрепляя лекции по теории сталеплавления, которые читает металлургам начальник цеха. Ныне в цехе нет сталеваров, не выполняющих норм.

Начальник цеха Глазков нашел время для изобретательской работы. Новая заправочная машина, созданная им в содружестве с инженером Фесенко, уже бегает около мартенов.

Много успел сделать за четыре года инженер Глазков, талантливый руководитель и изобретатель. Мы наблюдали за его спокойным лицом, неторопливой речью, размеренными движениями человека, за тем, как он, засунув руки в карманы пиджака, быстро проходил вдоль пылающих мартенов, цепким взором оглядывал печи, беседуя со сталеварами, не теряя при этом зря ни одной минуты.

В том, что инженер сумел удачно соединить руководство большим цехом и большое изобретательство, угадываются черты нового стиля — уменье работать с применением всех своих широких возможностей, умно, быстро, плодотворно.

Сейчас сталеплавильный цех скоростными тяжеловесными плавками всех своих мартенов встречает день выборов в Верховный Совет СССР. В их честь более тысячи тонн стали сверх плана — вот обязательство мартеновцев, дорогой подарок стране.

Глядя на прекрасный, по сути дела, новый завод, на дома поселков, больницы, клубы — все, созданное на развалинах чудодейственной энергией, невольно думаешь о таких, как Глазков, Черков и тысячи их товарищей, славных металлургах Донбасса.

4.

В конференц-зале городского Совета заседает экспертная комиссия. Представители заводов, архитекторы рассматривают присланный из Государственного института проектирования городов Украины генеральный план реконструкции и развития города Сталино.

Главный архитектор Святослав Иванович Северин, один из активных строителей города и потому питающий к нему особую любовь, перелистывая материалы плана, хочет обязательно коснуться хотя бы немного истории. Он быстро вспоминает наиболее существенные этапы развития города, от беспорядочных землянок вокруг первой доменной печи на юге России до создания областного центра.

Немецко-фашистские оккупанты разрушили полностью промышленность, почти весь капитальный жилой фонд. Северин читает вступление к генеральному плану, глуховатым голосом перечисляя главные бедствия: «Разбиты два театра, три гостиницы, три кинотеатра, институты, школы, транспорт...»

Мы ехали в троллейбусе к горсовету по улице Артема, и самый придирчивый глаз не мог бы заметить на ней следы разрушений. Начиная от великолепного здания оперы каждое крупное сооружение — гостиница, Дом инженера и техника, институты, десятки жилых домов — радовало монументальной, красивой архитектурой.

Северин продолжает перечислять разрушения и тут же показывает на карте то, что уже восстановлено: больницы, клубы, детские сады, газификация центральных районов. В 1949 году город перешел от восстановления к массовому новому строительству.

Сейчас город живет подготовкой к выборам. В центре его создано 55 агитпунктов, и только в одном районе, входящем в избирательный округ, проводят работу 5 тысяч партийных и беспартийных активистов-избирателей.

Главный архитектор торопится заглянуть в перспективный план на ближайшее пятилетие. Он говорит о руководящих идеях советского градостроительства, в которых отражено существо социалистического планирования, государственной заботы о благе народа.

Рука архитектора скользит по карте, по зеленому валу лесных полос, которые встанут на окраине города для борьбы с восточными суховеями. Они протянутся к угольным районам, чтобы фильтром зеленых насаждений очистить воздух в шахтерских поселках от дыма и пыли рудников. Зелень шагнет и в город по широким магистралям бульваров. В межквартальных пространствах водоемы и сады создадут новый микроклимат, благоприятный для детских садов, спортивных площадок.

Северин показывает новые районы, где одноэтажные дома превратятся в многоэтажные архитектурные ансамбли. Его рука все быстрее бегает по карте; ему уже нехватает одной карты, он переходит ко второй, третьей.

— Создать самые лучшие условия для жизни трудящихся — этому подчинено все,— говорит архитектор и, подумав, добавляет: — Посмотришь на план, словно стихи прочитал.

* * *

«В результате пройденного пути борьбы и лишений приятно и радостно иметь свою Конституцию, трактующую о плодах наших побед»,— сказал товарищ Сталин. Как светлый праздник, могучим трудовым подъемом встречает советский народ выборы в верховный орган государства. И герой угольного фронта Голуб, и молодой шахтер Болотский, и инженер Глазков, и изобретатель угольного комбайна Хорин, и тысячи других простых советских людей проголосуют в этот день за самое дорогое — за наш советский образ жизни, за счастье народа — Сталина, ведущего страну к коммунизму.

Улица Артема в городе Сталино.

Рассказ председателя сельского совета Николая Григорьевича Гаврикова

Летом 1947 года приезжали в один из наших колхозов иностранные гости. Делегация была солидная — восемнадцать человек, в большинстве американцы из ЮНРА. И возглавлял ее американец, фамилию его теперь уж не помню, но по фигуре узнал бы. Это был толстяк с круглым брюшком и весь этакого пухлого вида.

Деревня, куда приезжали эти господа, носит название Мачулищи. Но в то время там никакой деревни не было, а были одни головни, заросшие бурьяном, да несколько землянок, в которых жили колхозники. Ну не осталось там после войны ничего совершенно: ни хат, ни дворов, ни скота, ни колхозных построек. Одни лишь головни, говорю, вместо деревни.

Разорение было настолько большое, что даже и к сорок седьмому году колхоз не успел поправить хозяйство. Иностранцы увидели там несколько дойных коров на колхозном лугу, шесть или семь лошадей, овец, может быть, два десятка да сколько-то птицы. А был ведь богатый колхоз до войны! Такие фермы имел, что просто на зависть. И вот ничего не осталось...

Сочувствия от господ иностранцев ждать было трудно. Да и с пожарищами у нас в Белоруссии им встречаться уже приходилось. Но тут и они поразились.

— Да, — сказал один из них, тощий, в очках, с сигарой, — такого мы еще не видали. Абсолютно же голое место! И тут даже леса поблизости нет, чтобы можно было построиться. На что ж, господа, эти люди надеются?

Это был их первый вопрос. Но так как обращен он был не к нам, то и отвечать на него мы не стали. Вообще разговор с «гостями» у нас вышел неважный. Понять мы друг друга ни в чем не могли. Проще сказать, сошлись в разоренных Мачулищах два мира, две демократии...

Беседа шла на лужайке под тенью березок. «Гостей» больше некуда было пригласить. В землянку вести еще хуже. Впрочем, нашлись среди них и такие, что и в землянки спустились и в горшки слазили посмотреть, что там варится. А один потихоньку от нас даже ложку супу в пробирку отлил для анализа.

Мне как сказали об этом, я даже плюнул. «Ах ты, — думаю, — подлость какая! Химически хочет проверить, что едим мы после войны. Ну, проверь! Убедись, из чего состоит наша колхозная похлебка. Ничего! Она понаваристей будет ваших тощих бульонов. Мы с голоду не умрем. И не милостью вашей жить будем. На своих колхозных харчах проживем!»

Но это так, между прочим. К случаю просто. А спор-то вышел у нас из-за большего. Вот когда мы сошлись на лужайке, американец-толстяк открыл беседу. Отвечал ему председатель колхоза Матюш.

— Скажите, как жили вы до войны? — спросил толстяк.

— Хорошо, — ответил Матюш. — Лучше не надо!

— А теперь как?

— И теперь недурно. Жилья нас лишили — это верно беда. Но зато мы свободу себе сохранили. И руки при нас — все сделать могут. Через год, не больше, отстроим деревню.

Толстяк все лежал на траве, а тут даже привстал.

— То есть как через год? — говорит. — В прежнем виде?

— Нет, лучше прежнего.

— Где ж вы средства возьмете?

— Урожай соберем. Государство даст ссуду. Колхозы-соседи помогут.

Тут, я вижу, господа усмехнулись.

Ну, дипломатия требует вежливости. Раз прямо тебя не ругают, — соблюдай и ты хладнокровие. А хотелось, по правде сказать, что-нибудь такое ответить, покрепче!

В общем интервью продолжалось. К обеду подошли колхозники с луга: дело было в начале покоса. Разговор задел их не меньше, чем нас с Матюшем. Суть-то в общем к тому сводилась, что не верили нам господа иностранцы. Ни в нашу возможность не верили, ни в наши силы, ни в нас самих. Матюш им о планах колхоза рассказывает, что и как восстанавливать будем; они пишут в блокноты, а сами все ждут, когда же мы помощи у них просить начнем.

Словом, кончилось тем, что Матюш сказал:

— Ну вот что, господа! Приезжайте вы к нам в сорок девятом году. Вот здесь будет улица. Рядом — другая. Фермы встанут вон там, за высокой ветлой. И скот, какой вырастим в колхозе, весь вам покажем. И в закрома поглядим, что там будет. А землянки вот эти под погреба для капусты пойдут.

На том и расстались. «Гостей» посадили в машины. И Матюш, как добрый хозяин, им вслед помахал рукой: приезжайте, мол, поглядим, что покажет жизнь!

Времена изменились. Господа из Америки вряд ли приедут теперь. А могли бы мы им доказать, кто был прав.

Тут ведь не в амбиции дело. Дело в том, на что мы способны. Сколько сил у нас непочатых!

Если кому придется ехать из Минска на Слуцк по шоссе, пусть он сейчас же за Сенницей свернет по дороге налево. Он увидит деревню, новенькую, прямо «с иголочки», как раз в таком виде, как ее рисовал господам иностранцам Василий Данилович Матюш. Это и будут Мачулищи, колхоз имени X съезда Советов.

Строить деревню начали мы в сорок восьмом году и за год построили. К осени все девяносто семей переселились из землянок в новые хаты. Как же так вышло? А вот как. Допустим, вдова Шавлюкевич Татьяна Григорьевна сама не могла осилить постройку. Государство дало ей ссуду, отпустило лес. Колхоз его перевез. А соседняя артель «Объединение» взяла над вдовой шефство и выстроила ей бесплатно просторную хату: «Въезжай, вдова, с ребятишками! Живи на здоровье! Благодари не нас — советскую власть!» То же и с инвалидом войны, многосемейным Владимиром Хмелевским. Ему построил хату колхоз имени Гастелло. И он же, чтобы вышло под стиль, покрыл ее черепицей...

У нас, как сказал Матюш, так все и вышло в Мачулищах: и улицы новые стоят, и по скоту программа выполнена. Семьдесят коров имеет сейчас колхоз, сорок три рабочих лошади, свиней целое стадо, всевозможную птицу. В прошлом году подвел он под крыши новый, просторный коровник, конюшню отделал новую. Короче сказать, за два года разруху сдали в архив, и находиться ей там до скончания века!

Таких деревень по всей Белоруссии, действительно, были тысячи. Может, и рассказывать так долго не стоило бы о наших Мачулищах. Да вот попалась мне на глаза книжка одна, называется «Бедствующая земля». Она напомнила мне тот наш спор под березками. В книжке рассказывается не про нас — про Америку. Как там миллион разоренных крестьян кочуют каждый год по дорогам, ищут заработка. На дорогах эти крестьяне и женятся, и детей рожают, и покойников хоронят. Что ж это — жизнь? Это свобода, по-вашему, господа американцы?

Один из этих господ, удивляясь тому, что жители наших Мачулищ остались на месте, сказал мне тогда: «Ваш крестьянин очень сильно привязан к земле. Он скорее умрет, чем бросит свою полоску». Я тут же и испортил мистеру всю его догадку. «У нас, — говорю, — земля отдельным крестьянам не принадлежит, она колхозная». «Ах, да! — говорит. — Я и забыл. Тогда ничего непонятно». И верно. Откуда ж ему понять такое?

Председатель Сенницкого сельсовета Н. Г. Гавриков вручает колхознице Н. К. Войтех орден «Материнская слава».

Фото М. Савина

Он думает, что свой гектар земли — это все: и высшее благо и высшая демократия. А по-нашему, грош ему цена, тому гектару, перед хлебным разливом в колхозе! Со своего гектара крестьяне бегут и фермы свои заколачивают. А колхозный массив целую деревню поднял из пепла.

Скоро у нас в колхозах правления будут отчитываться. По отчетам выступят наши сельские депутаты. Тот же Матюш — он теперь бригадир и депутат сельсовета,— о чем он скажет у себя на собрании? С какими результатами, скажет он, приходят наши колхозы к выборам в Верховный Совет? Я бы пригласил на это собрание того «гостя», тощего, который суп в пробирку наливал. Пусть послушал бы, что скажет Матюш.

Матюш, конечно, издалека подойдет: про помещика вспомнит, которого молодежь наша и во сне теперь не увидит; кулака-живоглота опишет, тоже в назидание молодежи; урядника, исправника, земского начальника — всех перечислит, кто на шее у крестьянина сидел и кого нам гитлеровцы снова на шею прочили. Ну, а потом уж повернет к нынешней жизни.

Начнет, безусловно, с колхоза имени Гастелло: это самый богатый наш колхоз. У него на конюшне кони замечательные. В стойлах — коровы самой удойной породы. Урожая он снял нынче летом пятнадцать центнеров с гектара. Колхозникам выдал на трудодень по два с половиной килограмма зерна, не считая прочих доходов. Живут там колхозники сытно, богато, ни в чем не нуждаются.

От «Гастелло» Матюш перейдет к колхозу «Красный строитель» — «Червоный будовник» по-белорусски. Там трудодень по зерну вышел чуть-чуть победнее. Но зато со скотом получилось отлично. И у колхоза на фермах и во дворах у колхозников скотины достаточно. Уж сам колхозник теперь без сала за стол не садится, круглый год палямбицу кушает.

На своей артели Матюш долго не остановится — предоставит слово колхозникам, — а перейдет к «Объединению». Они соседи и как бы «соперники», что ли. В передовые оба колхоза еще не вышли, но и в отстающих ходить не хотят. Спор в прошлом году порешили тем, что создали оба по четыре животноводческих фермы.

О чем еще может сказать Матюш? Наверно, о денежных средствах: он бюджет ставит выше всего. Подсчитает сумму налога с деревни и сколько она получила доходу. Вот сколько, скажет, мы государству, а вот сколько нам. Только это не вся крестьянская прибыль. Приплюсуем, скажет, сюда нашу грамотность, нашу свободу, наши права, без которых теперь мы и часу прожить не можем.

Кончит тем, что поставит вопрос о культуре. Почему, спросит, в Сеннице свет провели и коров скоро будут доить электричеством, а в Мачулищах нет? Не годится нам быть беднее жителей Сенницы. Не к лицу колхозу нашему, чтобы в жизни его чего-нибудь нехватало. Ну, в Америке, скажем,— там дело другое. Там один человек с жиру бесится, а другой помирает с голоду. Но у нас-то не тот ведь закон! Кто у нас в государстве правит богатством? Сами решаем, как жить: хорошо или плохо, с электричеством или с коптилкой. А раз так, что же мешает нам быть богаче колхоза имени Гастелло?

Так, думаю, выступит Матюш. А в «Объединении» выступит депутат Валькович — активный колхозник. В Канючицах — Ярошевич. В Калядичах — Жигалко Яков Петрович...

О бригадире Жигалко надо отдельно сказать. Из всех депутатов он самый заслуженный. Отец его, Петр Данилыч Жигалко, здешний бедняк из Калядичей, сам создавал артель, сам раскулачивал сенницких мироедов, сам обмеривал землю колхоза, чтобы закрепить ее актом навечно. Когда вышли колхозники в поле пахать сообща, он сыну сказал: «Видишь, Яков? Вот твой путь, твоя борозда. Иди и с нее не сворачивай!» Яков стал бригадиром в артели. Вместе с нею прошел сквозь нужду, лихолетье войны, через радости все и победы. Ну, о чем, посудите сами, расскажет он на собрании? Конечно, о том, что дала нам, крестьянам, советская власть.

Сельский учитель Воронин скажет о народном образовании. Приведет такой пример. Из седьмого класса Сенницкой школы было выпущено осенью тридцать крестьянских детей. Что ж с ними стало? Пошли учиться дальше. Семеро — в химико-технологический техникум. Двое — в авто-механический. Двое — в сельскохозяйственный, на полеводов учиться. Четверо — на учителей. А последние — в десятилетку,— значит, еще дальше пойдут, в институт, к высшему образованию. Вот это и есть демократия в действии.

Или возьмем стариков. Какая у них судьба? Вот в деревне Канючицах есть вдова одинокая, Мария Шарко. Сын у нее погиб на войне, муж умер по старости. Кто ж ее кормит? Государство за сына пенсию шлет. Колхоз выдает из фонда и деньгами и хлебом. Так и живет без нужды: и хату не заколачивает и милостыню просить не идет.

Сегодня как раз придут в совет матери из Мачулищ. Будем вручать ордена материнства. Старость не в тягость у нас, да и ребята не в муку. Скажем, Валькович Мария, жена кузнеца, имела четверых детей — родила недавно пятого. Вот ей медаль за это уже приготовлена, и деньги в банке лежат: 750 рублей единовременно. Или Зернятко Надежда — родила шестого. Ей тоже награда, и тоже пособие по материнству.

Конечно, если родить на дороге, не зная, будешь ли ты завтра сыт, тогда родителям горько. А ведь бывало так и у нас в деревнях, старые люди помнят. И Зернятко Надежда помнить должна: ее мать тоже рожала детей под копной.

Да! Два мира — две демократии. За что ни возьмись, все у нас по-другому. Потому что народ сам у власти, сам своей жизнью правит.

У нас на селе к совету все нити идут. Вот, скажем, сессия, чем она занимается? Обсуждает планы колхозов, их выполнение, следит, чтобы сев был закончен в срок, чтоб уборка прошла без потерь, чтоб с государством колхоз рассчитался сполна. Это главные наши заботы как органа власти. Но есть и другие у нас. Физкультура и спорт, например. Молодежь наседает: построим площадки, создадим стадион! Был поставлен на сессии и этот вопрос. Жизнь-то ведь требует, запросы растут.

Или вот загс. Раньше мы как-то мирились с этим: придут жених и невеста в сельский совет, их «распишут», дадут им свидетельство брачное — вот и вся церемония. Вся она тут, в этой вот комнате, и проходила: в толкотне, при народе. А теперь так мы не можем. Теперь каждая свадьба — праздник на весь колхоз.

Шестьдесят две свадьбы сыграли мы в прошлом году. Почти в каждой десятой хате — свадьба. Разве не надо нам построить для загса самый большой и красивый дом?

Вот так мы живем. Господа из Америки заглядывали в нашу похлебку. Мы смотрим дальше.

Записал К. Буковский.

Село Сенница,
Минский район,
Белорусская ССР.

У КОЛХОЗНОГО МИКРОФОНА

У микрофона председатель Алешковского сельсовета Федор Васильевич Бударин.

Колхозный радист включил микрофон:

— Говорит радиоузел колхоза «Искра». Слушайте выступление председателя сельсовета Федора Васильевича Бударина по случаю предвыборной кампании!

Собственный радиоузел — гордость «Искры».

Федор Васильевич заранее выписал из своей заветной записной книжечки все необходимые цифры. Продумал от начала до конца все, что хотел сказать. Но когда радист посадил его перед микрофоном и шепнул: «Начинайте»,—Бударин забыл про записи, которые держал перед собой, и начал речь неожиданными для самого себя словами:

— Дорогие граждане родного нашего села Алешкова! Всегда вы чем-нибудь недовольны, и это не в упрек вам сказано, а в похвалу, потому что люди, недовольные достигнутым, всегда стремятся вперед и борются за лучшее. Идя на радиоузел, я встретил у колодца наших женщин с ведрами в очереди. Они меня и спрашивают:

— Федор Васильевич, ты же наша советская власть, когда с водой легче будет?

Пользуюсь удобным случаем сообщить вам, что в областных организациях утвержден проект постройки водопровода в нашем селе. Этим летом на улицах будут стоять колонки, и вы сможете брать воду, когда захотите и сколько захотите.

Близко время, когда наше Алешково станет прекрасным колхозным городком. Сады— украшение нашего села. На усадьбах теперь не меньше 4 тысяч яблонь, груш и вишен, много смородины, малины и другой вкусной ягоды.

Наши 126 колхозных семей владеют огромным коллективным хозяйством. Основные средства производства колхоза ценятся в 3 миллиона рублей—по 23 800 рублей на семейство.

Чем богаче и культурнее становимся, тем большего требуем от жизни. Есть у нас теперь школа-семилетка, а хотим десятилетку; имеем детские ясли, а затеяли в этом году строить и детский сад. Маслозавод собственный намерены построить, да еще такой мощности, чтоб и другим колхозам помогать.

Мое время, товарищи, истекает: и радио имеет регламент. Вечером в клубе состоится общее собрание по случаю выборов в участковую избирательную комиссию, приглашаю всех явиться на наше общее собрание со своими соображениями.

...Радист объявил:

— Продолжаем трансляцию из Москвы!

☆ ☆ ☆

Вечером состоялось общее собрание. Колхозники единодушно выдвинули в состав избирательной комиссии самых передовых людей — счетовода Михаила Шубина, секретаря сельского совета Надежду Калинину, колхозного зоотехника Маргариту Шабурову и звеньевую Зою Березину.

С. КАНЕВСКИЙ

Богородский район, Горьковской области.

Они живут в Кромах...

Районный центр Кромы... Орловский избирательный округ. Едва рассвело, а сюда уже прибыли первые автобусы из Орла. Одни идут дальше — на Дмитровск, на Тросну, другие отправляются обратно.

— С приездом!

Ветеринарный врач Матвей Александрович Топилин бережно ставит на асфальт ящик с медикаментами и, обернувшись, узнает Шуру Ершову, заведующую книжным магазином. Она сошла с другого автобуса.

— Здравствуйте, Шура. Вы тоже из Орла?

— Ездила за книгами. Привезла новинки и для ветлечебницы. Хирургия, терапия, фармакология...

— Вот и отлично. Вечером зайду посмотреть.

Кромы уже проснулись. Движутся по шоссе автомашины с пеньковым волокном. Из Дома приезжих выходит группа девушек, принятых в школу колхозных бухгалтеров. Возле здания агитпункта собираются агитаторы: они сегодня едут в села.

Верхом на гнедом дончаке скачет к пенькозаводу директор Петр Тихонович Севастьянов. Заметив кого-то издали, он быстро спешивается. К директору подходит экспедитор Семен Воронов, вернувшийся из Горького.

— С приездом!

Воронов доставил на завод две новые автомашины. Значит, заводское хозяйство снова пополнилось.

«С приездом!» Сколько раз произносил директор завода эти слова! Вернулась из Москвы Нина Верняковская; уехала работницей, приехала лаборанткой. Из города Калинина прибыла Ирина Свешникова, окончившая там техникум. Теперь она будет руководить сменой. Работники завода ездили в Архангельск, Саранск, Курск: интересовались качеством своих изделий из знаменитой кромской пеньки. Завод дает стране пеньковое волокно для канатов, брезента, рыболовецких сетей.

Границы районного центра давно уже раздвинулись для кромчан, и жизнь их слилась с многообразной жизнью страны. В прошлом полусонный городок связан теперь с крупнейшими культурными и промышленными центрами страны.

Анна Ивановна Омелина недавно приехала из Ленинграда. Ее, лучшего клубного работника, послали туда на экскурсию. Анна Ивановна с восхищением рассказывает молодежи об Эрмитаже, Смольном, Петродворце. Она побывала в Музее Кирова и на борту «Авроры», посетила дворцы культуры и театры. Сколько теперь у Омелиной интересных замыслов: новые кружки, агитбригада, выставка местных художников.

— У нас, в Кромах, свой Дворец культуры, а в районе пятнадцать клубов — есть где развернуться! — говорит Анна Ивановна.

В прошлом году в районе прибавилось интеллигенции. Приехали молодые агрономы, техники, врачи, учителя. Отрадно, что почти все они кромчане. И еще много юношей и девушек из Кром получают образование в Москве, Харькове, Ленинграде.

Приезжая домой на каникулы, студенты участвуют в культурной жизни района. Владимир Шутеев, отличник Орловского педагогического института, прочел лекцию «Любовь, брак и семья в социалистическом обществе». Молодой строитель Леонид Хохлов обучает молодых колхозников строить дома. Студентка Валя Тупикова помогла наладить работу клубного хора...

— С приездом!

Григорий Константинович Колосов вернулся из Львова. Старик был в гостях у сына Николая. Бывший артиллерист, Герой Советского Союза Николай Колосов — сейчас директор Львовского хлебозавода. Из Ельца приехал к родным Герой Социалистического Труда Алексей Камоликов, слушатель школы колхозных кадров. Из Комсомольска на Амуре едет в Кромы Тоня Романова, служившая в местном отделении Госбанка. Семь девушек-кромчанок работают в городе юности на Дальнем Востоке.

В только что построенном клубе молодежь окружила невысокую круглолицую девушку. Это звеньевая местного колхоза Герой Социалистического Труда Клавдия Королева. Она рассказывает:

— Потом в Колонном зале стало тихо и писатель Николай Тихонов начал свой доклад. Я сидела близко от президиума и сначала волновалась. Ведь тут были знаменитые ученые, лучшие стахановцы, писатели и артисты гости из разных стран. И среди них я, девушка из Кром...

Королева уже рассказывала подругам о своей поездке в Москву, на Всесоюзную конференцию сторонников мира. Но сегодня приехали на побывку из Германии два земляка: сержант Андрей Кулаков и рядовой Иван Королев. Им тоже интересно послушать Клавдию.

— Там были люди разных наций, разных профессий, — вспоминает она. — Все мы поклялись бороться за мир. Я подумала: будет по-нашему!

Сержант и солдат посмотрели на своих сверстников, улыбнулись и вдруг стали серьезными: они были здесь представителями могучей Советской Армии, защитницы мира.

— Прошлый год для меня особенно памятен, — сказала девушка. — Ведь я была и в Кремле, на XI съезде комсомола.

* * *

Секретарь райкома партии Сергей Яковлевич Чешенко говорит о новых домах, школах, только что открытом универмаге. Кромы — центр большого района на Орловщине — полностью возродились после войны. Теперь тут будет строиться крахмально-паточный завод. Недавно в Москву ездили местные строители и привезли проект. Скоро начнется расширение пенькозавода. Готовится к пуску новая электростанция.

— Нашему народу по плечу любое дело. Кромы — древний город, ровесник Москвы. Отцы и деды нынешних кромчан не ведали путей дальше своего уезда. Жили в центре уездной России, как на далекой глухой окраине, вдали от больших дорог.

Люди советских Кром — это деятельные граждане, участники великой стройки. Даже по их обычным маршрутам можно видеть, какой просторной стала жизнь советского человека, как он вырос, какими значительными делами заполнены его будни.

Скоро выборы в Верховный Совет СССР. Многое передумали за эти дни жители районного центра. Четыре года назад, во время прошлых выборов, на улицах Кром и в окрестных селах еще были заметны следы отшумевших битв. Не даром прошли последние четыре года. А сколько неотложных дел впереди! Сколько путей-дорог, свиданий, радостных встреч!

Мих. ЩЕЛОКОВ

Лирика

Николай РЫЛЕНКОВ

* * *

М. В. Исаковскому

Год за годом листая зеленую книгу полей,
Каждый раз мы все новые в ней открываем страницы.
То леса зашумят, где когда-то гулял суховей,
То на прорвах болот всколосятся посевы пшеницы.

То таежные сосны расступятся по сторонам,
Чтоб могла похвалиться нарядная яблоня платьем.
...В том-то наше и счастье, с того-то и верится нам,
Что до смертного часа мы свежести чувств не утратим.

* * *

В полях синеет пар морозный,
В снегу березка чуть видна,
А здесь, у кузницы колхозной,
Уже проталины. Весна.

И, исполнением желаний
Людские радуя сердца,
Как будто жаворонок ранний,
Поет подручный кузнеца.

* * *

Когда в родных полях пшеница
Шумит-звенит со всех сторон,
Мне вся моя отчизна снится
Под этот шум, под этот звон...

Огни Донбасса и Урала,
Кузнецких домен жар крутой —
Все, что невидимо вобрала
Пшеница в колос золотой.

* * *

Отшумела нá поле пшеница.
Уезжает паренек учиться.
Уезжает в дальнюю сторонку,
Оставляет до весны девчонку.

А девчонка... Лучше нет девчонки!
С ней он с детства бегал вперегонки,
С ней шумел на переменах в школе,
С ней и юность встретил в дальнем поле.

Вся она пред ним, как на ладони,
Звеньевая первая в районе,
Первая в районе мастерица.
Нелегко с ней пареньку проститься.

Да ведь что ж поделать пареньку-то,
Если нет в колхозе института?
А девчонка? Будет ждать девчонка!
До свиданья, отчая сторонка!

До свиданья, до весны, до лета...
Поезда трубят в тумане где-то,
Поезда, идущие к столице...
Уезжает паренек учиться.

* * *

Со мной простился милый мой,
В слезах вернулась в сени я.
Пойду, накинув шаль с каймой,
Одна в поля осенние.

Пойду туда, где все вокруг
Напомнит мне бывалое,
Куда из всех моих подруг
С собой одну лишь брала я.

По всем тропинкам я пройду,
Весной для нас намеченным,
Найду на небе ту звезду,
Что предвещала встречи нам,

Что уводила из села
Полями да покосами,
Когда черемуха цвела,
Когда шумели озими.

Скажу: — Свети, звезда, свети,
Надежду не губи мою,
Чтоб милый мой нигде в пути
Не забывал любимую!

Чтоб отовсюду он домой
Спешил в поля весенние,
Чтоб охнула — ах, милый мой! —
И распахнула сени я.

Цветной фильм «Юность мира» о Международном фестивале демократической молодежи в Будапеште. Автор-режиссер — А. Ованесова. Производство Центральной студии документальных фильмов (Москва) и венгерской национальной кинофабрики «Венгерский фильм». 1949 год. Жители Будапешта и приехавшие в столицу крестьяне приветствуют колонны участников Международного фестиваля.

Танцовальная группа делегации свободного Китая исполняет танец освобождения.

Участники китайского оркестра на фестивале.

ПЕРВЫЙ КАНДИДАТ

Вечерами огромное здание столичного Электрозавода празднично сияет тысячами огней. По всему фронтону тянутся составленные из электрических лампочек ленинские слова:

«Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны».

Над главным входом, словно пунктиром, вычерчены световые остроконечные башни. Между ними большой, во весь рост, портрет товарища И. В. Сталина.

Праздник! Да, выборы в Верховный Совет СССР — большой и радостный праздник. И это особенно заметно на Электрозаводе. Ведь его корпуса широко раскинулись на территории Сталинского избирательного округа Москвы, депутатом которого в Верховном Совете СССР является товарищ Сталин!

Когда началось выдвижение кандидатов в депутаты, электрозаводцы снова назвали дорогое и любимое имя вождя.

В огромный цех сошлись на предвыборное собрание свыше 8 тысяч рабочих, инженеров, техников и служащих.

Третий раз электрозаводцы первыми называют имя товарища Сталина кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР, первыми выражают чаяния и сокровенные мысли всего народа.

И теперь в ожидании, когда начнется собрание, они мысленно перебирают события последних лет: как много изменилось на заводе!

Заводской беспартийный слесарь Владимир Яковлевич Маслов, выступивший первым, говорит:

— С глубоким и радостным волнением я предлагаю выдвинуть кандидатом в депутаты Совета Союза Верховного Совета СССР от Сталинского избирательного округа города Москвы нашего мудрого вождя Иосифа Виссарионовича Сталина.

Казалось, сотряслись стены гигантского цеха, такая овация вспыхнула в ответ на это предложение. Громовое «ура» неслось из края в край. Раздаются возгласы:

— Товарищу Сталину слава!

Слесарь Маслов сказал далее:

— С каждым годом все шире внедряется в производство передовая техника и оборудование. Легче стал труд рабочих, и значительно повысилась производительность. Сегодняшний советский рабочий — это человек технически образованный, культурный. Постепенно стирается грань между физическим и умственным трудом.

Четыре года назад, когда на предвыборном собрании электрозаводцев слесарь Александр Николаевич Шаров назвал заветное имя вождя кандидатом в депутаты Совета Союза Верховного Совета СССР и зал также бурно аплодировал в ответ,— тогда Маслов после демобилизации из армии только пришел на завод.

И вот через четыре года стахановец и рационализатор Маслов удостоился высокой чести предложить имя вождя кандидатом в депутаты.

Электрозаводцы единодушно решили просить товарища Иосифа Виссарионовича Сталина дать свое согласие баллотироваться в депутаты Совета Союза Верховного Совета СССР по Сталинскому избирательному округу города Москвы от рабочих, инженеров, техников и служащих московского Электрозавода.

Я. МИЛЕЦКИЙ

Гордость эстонских ткачей

Больше 6 тысяч человек собралось в механической мастерской таллинского комбината «Балтийская мануфактура». Здесь можно было встретить и старых мастериц, свыше 40 лет проработавших в этих цехах, и 18-летних комсомольцев. И те и другие пришли сюда, как на большой праздник.

Когда мастер, депутат Верховного Совета Эстонской ССР, Фатиния Воолмэ открыла собрание и объявила повестку дня, наступило взволнованное молчание. И вот на трибуну выходит молодая белокурая женщина, лучшая стахановка-прядильщица Лития Андреева. Она произносит: «Сталин», — и сразу же ее слова заглушаются аплодисментами. Люди горделиво смотрят друг на друга, и какой-то коренастый старик кричит своему соседу: «Кого выдвигаем! Сталина! Самого Сталина!»

Прядильщица Андреева горячо и убедительно мотивировала свое предложение выдвинуть кандидатом в депутаты в Совет Национальностей по 351-му округу города Таллина вождя советского народа Иосифа Виссарионовича Сталина, и каждая ее фраза тонула в громе аплодисментов.

Вслед за Андреевой выступила одна из старейших эстонских текстильщиц — Альма Ярвепера. Она говорила о трудной жизни в буржуазной Эстонии, о том, кто сделал ее жизнь радостной. Старая ткачиха от всей души поддержала предложение выдвинуть кандидатом в депутаты Иосифа Виссарионовича Сталина и в свою очередь внесла предложение послать депутатом в Совет Национальностей верного ученика и помощника товарища Сталина, секретаря ЦК ВКП(б), члена Политбюро, Георгия Максимилиановича Маленкова. И снова зал всем сердцем откликнулся на предложение старой работницы.

На трибуне помощник мастера ткацкого цеха, бригадир бригады отличного качества Митрофан Гурьев. Он предлагает послать депутатом в высший орган советской власти Катти Петрову-Проосе, шишельницу машиностроительного завода. Эта работница всем известна на «Балтийской мануфактуре». Стахановка Петрова работает уже в счет 1963 года. Дочь сельского кузнеца, она 16-летней девушкой поступила на хлопчатобумажную фабрику. Было это в 1909 году. И с тех пор начался ее трудный путь работницы в буржуазной Эстонии, жизнь впроголодь, гонения, безработица. Сейчас в советской Эстонии рабочая женщина Катти Петрова-Проосе — знатный человек. Ее труд оценен по достоинству, и вот на «Балтийской мануфактуре» ткачи выдвигают ее кандидатуру в Верховный Совет СССР.

Один за другим поднимаются на трибуну рабочие «Балтийской мануфактуры»: ткачиха Майма Лукьяненко-Кампус, старший мастер ткацкого цеха Анна Куртянова, ткачиха Эльфрида Соосалу, секретарь комсомольской организации фабрики слесарь Николай Шакулов, секретарь партбюро Анна Маурина. Все они поддерживают выдвинутые кандидатуры и призывают избирателей голосовать за них.

В. ВИКТОРОВ

Предвыборное собрание коллектива Первого московского подшипникового завода имени Л. М. Кагановича. На снимке: главный инженер завода А. А. Громов выдвигает кандидатуру Н. С. Хрущева в депутаты Верховного Совета СССР.

Фото В. Хухлаева (ТАСС)

На Камчатке и Чукотке

Редакция журнала «Огонек» связалась из Москвы по радиотелефону с центром Камчатской области — Петропавловском-Камчатским. Ниже публикуем текст этой беседы.

МОСКВА. Расскажите, пожалуйста, кого выдвинули кандидатами в депутаты Верховного Совета СССР избиратели Камчатской области?

ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКИЙ. На территории нашей области созданы три избирательных округа. По выборам в Совет Национальностей — Корякский избирательный округ и Чукотский избирательный округ. По выборам в Совет Союза создан Камчатский избирательный округ. Первые предвыборные собрания состоялись в колхозе «Пролетарий», Корфском рыбокомбинате Корякского национального округа, а также в колхозе имени Сталина, рыбокомбинате Анадырского района Чукотки. Эти собрания прошли как волнующая демонстрация патриотизма, любви и преданности советских людей — русских, коряков, чукчей, эскимосов, ламутов, юкагиров — к великой большевистской партии и товарищу Сталину.

Состоявшееся в клубе селения Палана предвыборное собрание оленеводов, рыбаков, охотников колхоза «Пролетарий» единодушно выдвинуло кандидатом в депутаты Совета Национальностей Верховного Совета СССР председателя исполкома Корякского национального округа Макара Михайловича Обухова. Избиратели поселка Анадырь выдвинули своим кандидатом председателя исполкома Чукотского национального округа товарища Отке.

Третий раз избиратели Корякского округа выдвигают своим кандидатом верного слугу народа, воспитанного великой партией Ленина — Сталина, — Макара Михайловича Обухова. Отмечая на своих собраниях плодотворную деятельность товарища Обухова, рыбаки, охотники, оленеводы вспоминали, как он, сын бедняка-охотника, рос у них на глазах. После установления советской власти на Камчатке Обухов одним из первых коряков стал во главе местных государственных органов. Вот уже в течение шестнадцати лет он возглавляет исполком Корякского национального округа.

Избиратели Чукотского национального округа второй раз выдвинули товарища Отке своим кандидатом в депутаты Верховного Совета. Прибывшие на собрание колхозники тепло и сердечно отзывались о своем кандидате.

В том, что сейчас Чукотка имеет крепкие колхозы и промышленность, 70 школ, из них три средних, педучилище, которое выпустило уже более 50 учителей — чукчей, юкагиров, ламутов, — что в округе создано 60 больниц и фельдшерских пунктов, что издаются свои газеты и книги, что во всех районных центрах есть дома культуры, — во всем этом народы Чукотки видят прежде всего отеческую заботу великой большевистской партии, советского правительства и лично товарища Сталина о процветании народов Чукотки.

— Наш будущий депутат, — говорили на собрании избиратели, — должен будет и впредь работать так, как учит товарищ Сталин, чтобы росло и крепло наше социалистическое отечество.

Сейчас на Камчатке и Чукотке все шире развертывается предвыборная кампания. Известно, что территория нашей области обширна, расстояния велики. По тундре, от колхоза к колхозу, на санях едут передвижные «красные яранги», имеющие агитаторов, предвыборную литературу, кинопередвижки. Специальные авиазвенья доставляют в самые отдаленные селения области литературу и предвыборные документы. Во всех избирательных участках развернулась агитация за кандидатов сталинского блока коммунистов и беспартийных — кандидатов народа.

Растет и крепнет движение сторонников мира

ПРОТИВ ПРОИСКОВ ПОДЖИГАТЕЛЕЙ ВОЙНЫ

Беседа с секретарем Всемирной федерации профсоюзов С. Н. Ростовским

— С первых же дней своего существования,— сказал секретарь ВФП С. Н. Ростовский,— федерация, выражая волю трудящихся всех стран, борется за полное искоренение фашизма, против войн и причин, порождающих войны, за прочный и длительный мир во всем мире. Это записано в уставе Всемирной федерации профсоюзов.

Второй Всемирный конгресс профсоюзов поддержал идею, выдвинутую трудящимися в разных странах,— о создании на предприятиях комитетов борьбы за мир.

С каждым днем на заводах и фабриках многих стран этих комитетов становится все больше и больше. Они уже активно работают во многих городах Франции, Италии, Голландии и других стран. Рабочие отказываются переключать свои предприятия с производства мирной продукции на выпуск военных материалов.

Вокруг комитетов борцов за мир на фабриках, заводах, в учреждениях сплачиваются массы трудящихся, понимающих, что они смогут выиграть битву за мир, если они объединятся, если их действия будут согласованными и организованными. Пример французских докеров, отказавшихся грузить корабли с военными материалами, горячо поддержан трудящимися многих стран. Как известно, докеры Марселя и Сен-Назера задерживают отправку кораблей с солдатами и вооружением в Индо-Китай. Бригады рабочих различных пароходных компаний в Амстердаме заявили, что они не будут разгружать суда с военными материалами, поступающими из США.

Следуя примеру докеров, железнодорожники Франции задерживают поезда с танкетками, предназначенными для ведения колониальной войны в Индо-Китае. Вслед за ними рабочие заводов концерна «Ансальдо» в Генуе, по призыву своего заводского комитета борьбы за мир, объявили, что на их заводах никогда не будет производиться оружие.

«Долой империалистическую войну!», «Да здравствует труд и мир для народов!» — эти лозунги сегодня воодушевляют миллионы и миллионы трудящихся.

Правительства капиталистических стран принимают жестокие меры против благородных действий трудящихся в их борьбе за мир. Но ни карательные экспедиции, ни массовые аресты, ни другие репрессии не сломят воли народов к миру. Во Франции, Италии, Бельгии, Голландии ширится солидарность всего трудового населения с рабочими, отказывающимися работать на агрессивную войну. Народ оказывает материальную поддержку докерам, морякам, железнодорожникам, которые терпят тяжелые лишения от безработицы, но не желают грузить и перевозить военные материалы.

Борьба в защиту мира тесно переплетается с защитой повседневных жизненных интересов рабочего класса. Комитеты борцов за мир ведут серьезную пропагандистскую и агитационную работу.

На состоявшемся недавно заседании Исполнительного бюро ВФП в Пекине были подведены итоги того, что уже сделано профсоюзными центрами в борьбе за мир, и приняты решения о подготовке ко Дню борьбы за мир. Исполбюро отметило, что движение сторонников мира принимает все больший размах и что оно развивается в самых разнообразных формах. Профсоюзы должны умело сочетать свою борьбу за мир с деятельностью женских, молодежных и других массовых организаций трудящихся.

Все более активно включаясь в борьбу за мир, Всемирная федерация профсоюзов борется с раскольнической штрейкбрехерской профсоюзной организацией. Американская федерация труда и Конгресс производственных профсоюзов США на своих съездах объявили о поддержке «плана Маршалла», Атлантического пакта и всей агрессивной политики Соединенных Штатов. Для десятков миллионов рабочих, объединяемых нашей Федерацией, борьба за мир — это борьба с раскольниками, за международное профсоюзное единство, за защиту мира и демократических прав народов.

Всемирная федерация профсоюзов крепит и будет крепить единство лагеря мира и демократии, чтобы вместе с миллионами сторонников мира во всем мире создать неприступный барьер против происков поджигателей войны.

НАРОД ИТАЛИИ ЗА МИР

Выставка «СССР — оплот мира во всем мире», организованная обществом «Италия — СССР» в Турине.

Итальянский народ хочет мира. Под петицией протеста против включения Италии в Атлантический пакт подписалось более семи миллионов человек. И это несмотря на полицейский террор, аресты и преследования.

Рабочие итальянских портов с энтузиазмом поддержали инициативу французских докеров, отказавшихся разгружать военные материалы, поступающие из Америки. Портовые рабочие Анконы заявили: «Кое-кто из поджигателей войны уверяет, что разгрузка оружия могла бы обеспечить нам работу. Но мы отказываемся получать плату от тех, кто хочет вновь проливать кровь народов».

К портовым рабочим Анконы присоединились докеры Генуи. В принятой резолюции они говорят: «Мы не будем разгружать или грузить оружие, мы не будем и применять это оружие, служащее для новой захватнической войны».

Шестьдесят тысяч генуэзских трудящихся бурно аплодировали профессору Аделе Фараджани, заявившему: «Мы исполнены твердой решимости бороться за мир до конца. Но если вопреки нашей воле война, которую мы проклинаем, все-таки разразится, народ Италии будет на стороне Советского Союза». Это было сказано на митинге, организованном обществом «Италия — СССР».

Итальянский народ стремится к дружбе с Советским Союзом, потому что он знает, — только последовательная мирная политика СССР может защитить итальянский народ от превращения его в пушечное мясо. С каждым днем растет число членов общества «Италия — СССР». Сейчас их 360 тысяч. В «месячнике дружбы» с Советским Союзом, в конце прошлого года, приняло участие более 3 миллионов итальянцев.

1 января этого года общество «Италия — СССР» обратилось с новогодним приветствием ко всем честным итальянцам. В этом приветствии говорилось: «Антисоветская пропаганда сейчас, как во времена Гитлера и Муссолини, стала оружием поджигателей войны. Мы твердо уверены в том, что улучшение политических, экономических и культурных связей с Советским Союзом явится решительным вкладом в дело защиты мира».

«Антисоветская пропаганда направлена против Италии» — так назвал генеральный секретарь общества «Италия — СССР» Джузеппе Берти свою книгу, в которой он рассказывает о значении дружбы между итальянским и советским народами.

В течение прошлого года общество «Италия — СССР», его отделения и кружки провели около 2½ тысяч докладов, организовали 1362 выставки. Основная тема этих выставок и докладов: «Борьба за дружбу с Советским Союзом — это борьба за мир, борьба за будущую демократическую Италию»

Демонстрация трудящихся Софии в защиту мира.

ПРОТИВ ВОЙНЫ ВО ВЬЕТНАМЕ

С каждым днем во Франции ширится и крепнет фронт сторонников мира. Все новые слои трудящихся: служащие, интеллигенты, ремесленники, домохозяйки — включаются в активную борьбу против подготовки империалистами новой мировой бойни. Организация «Борцы за мир и свободу» стала одной из самых популярных общественных организаций Франции.

В январе по всей стране прокатилась волна митингов, демонстраций и забастовок под лозунгами «Мир с Вьетнамом! Долой грязную войну во Вьетнаме!». Вокруг требования прекратить грабительскую войну во Вьетнаме объединились рабочие всех профессий, коммунисты, социалисты, католики.

В Марселе состоялась грандиозная демонстрация солидарности с морянами парохода «Пастер», задержавшими на 48 часов выход в море этого судна, которое должно было везти во Вьетнам три тысячи солдат — новую партию пушечного мяса.

На главном проспекте Марселя, Каннебьере, полицейские отряды пытались преградить путь демонстрантам, избивая их дубинками. Но под напором масс полиция обратилась в бегство.

На углу улицы Сенак и на бульваре Дюгомье демонстрация подверглась новым атакам со стороны полицейских.

Многие были жестоко избиты, несколько десятков демонстрантов ранено. Только после прибытия новых полицейских отрядов демонстранты разошлись с пением «Марсельезы».

Участники демонстрации, в частности молодежь и женщины, проявили исключительную выдержку, боевой дух и мужество.

Настойчиво борется за мир Союз французских женщин, насчитывающий в своих рядах десятки тысяч жен и матерей французских солдат, убитых или раненых во Вьетнаме или до сих пор находящихся в составе французского экспедиционного корпуса.

По инициативе Союза французских женщин 25 января этого года было объявлено национальным днем протеста против войны во Вьетнаме.

Миллионы простых людей Франции решительно отвергают захватническую войну, которую ведут империалисты против вьетнамского народа. Миллионы простых людей Франции борются за мир, за дружественные отношения с Демократической республикой Вьетнама, которую признали как суверенное государство правительства Советского Союза и Китайской народной республики.

Письма простых людей

ДВА КОРАБЛЯ В БОМБЕЙСКОМ ПОРТУ

«...Я пишу вам из Бомбея. Вы просите рассказать о нашей жизни? Вот одно впечатление, которое врезалось в мою память. Недавно на обширный рейд Бомбея вошел русский пароход. Это был пароход с продовольствием. И одновременно там бросило якорь американское судно. Это был большой военный корабль. Мне кажется, все ясно без слов. Мы должны бороться за мир, за дружбу с великой страной мира—Советским Союзом.

М. РАГХАВАЛ.
Бомбей, Индия».

★

«МЫ ХОТИМ ДРУЖБЫ С РУССКИМ НАРОДОМ!»

«...Мы верим в мир. Мы не хотим иметь больших армий и воевать с другими странами. Мы считаем, что лучше помогать людям и любить их, чем делать им неприятности. Мы хотим дружбы с русским народом.

МИЛФОРД М.,
46 лет, мать.
ИРВИН М.,
18 лет, сын.
Канзас, США».

«РОССИЯ НИКОМУ НЕ УГРОЖАЕТ!»

«...Я знаю, что русские миролюбивы, и мы, простые американцы, не хотим войны — ни теперь, ни в будущем. Мы знаем, что Россия никому не угрожает, и мы не пойдем на несправедливую войну против нее.

ЭРНЕСТ Т.
Калифорния, США».

★

«СОВЕТСКИЙ СОЮЗ — МИРОЛЮБИВАЯ СТРАНА»

«...Я родился и живу в Бруневике, промышленном районе Мельбурна. В свободное время я беседую с рабочими и объясняю им, что Советский Союз — миролюбивая страна и что если американские капиталисты хотят войны, то только для своего обогащения. Меня уже неоднократно предупреждала и допрашивала полиция, и я не в тюрьме только потому, что этого не допускает народ. Много раз, когда полиция пыталась меня арестовать, толпа оттесняла полицейских. Вот почему я на свободе!.. Я боролся и буду бороться за мир, за дружбу народов.

БЕРНИ БАРНС.
Мельбурн, Австралия».

★

«БУДЬ ПРОКЛЯТ ТОТ, КТО ХОЧЕТ ВОЙНЫ!»

«Будь проклят тот, кто хочет войны! Наша семья состоит из шести человек, и мы все — за мир, за мир, и еще раз за мир! Во время войны старший брат бежал в горы для того, чтобы не быть схваченным фашистами. Другой брат оставил военную службу, чтобы не сотрудничать с немцами. Мы много пережили в годы войны. Часто мы слышали вой сирен, и часто бомбы падали неподалеку от нашего дома в Риме.

Кажется, уже давно закончилась война, но что делается сейчас? Богатые хотят снова залить мир кровью бедняков. Этому не бывать! Мы, дети Италии, будем бороться за мир, за счастье и спокойствие наших и ваших семей. Да здравствует мир во всем мире!

НЕЛЛА и МАРИЯ АННЕЛИ.
Рим, Италия».

Стахановские поправки

На столе начальника прессового цеха московского завода «Каучук» лежит красная книга. Она содержит сотни предложений рабочих и работниц к производственному плану.

Книга рождена горячим патриотизмом советских людей. Она как нельзя лучше характеризует высокий технический уровень рабочих.

В дни, когда цех готовился принять производственную программу на новый год, передовые стахановцы — прессовщики А. Говор, М. Ярков, К. Оболенская, В. Смирнов и другие — попросили начальника цеха учесть их замечания.

— Мы, — заявил прессовщик М. Ярков, — хотим, чтобы наши предложения помогли в будущем году на тех же производственных площадях, без дополнительных затрат дать стране как можно больше высококачественных изделий.

На другой день в прессовом цехе состоялось совещание. Рабочие и работницы горячо поддержали инициаторов и тут же внесли свыше 30 предложений. К вечеру их стало 130, а в следующие дни — 600. Все они вошли в красную книгу.

Каждое предложение рассматривалось цеховой комиссией, намечались сроки его реализации. Свои предложения рабочие дополняли чертежами приспособлений, новых усовершенствований, изобретений.

Большой производственный эффект принесло цеху предложение новаторов о переводе обогрева прессовых плит с пара на электроэнергию. С применением нового способа процесс вулканизации деталей сократился с 30 минут до 6, выпуск продукции на участке увеличился почти в 5 раз.

Стахановский план позволит цеху уже в первом квартале нынешнего года намного увеличить съем деталей по сравнению с прошлым годом. Он дает возможность повысить производительность труда в течение трех месяцев более чем на 30 процентов.

Готовясь достойно встретить день выборов в Верховный Совет СССР, весь коллектив «Каучука», по примеру прессового цеха, составляет общезаводской стахановский план. Собрано свыше 1500 предложений.

Патриотический почин рабочих «Каучука» обсуждался на заседании президиума ЦК профсоюза рабочих химической промышленности. Решено опыт составления стахановских планов использовать на других предприятиях.

В. ЛУКЬЯНОВ

Стахановцы прессового цеха А. Говор, В. Смирнов, К. Оболенская и Н. Ярков за просмотром готовой продукции.

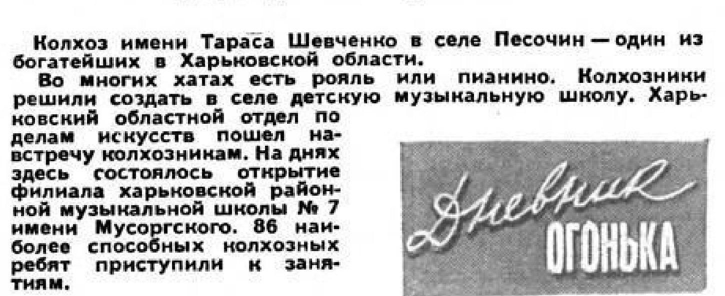
Музыкальная школа в колхозе

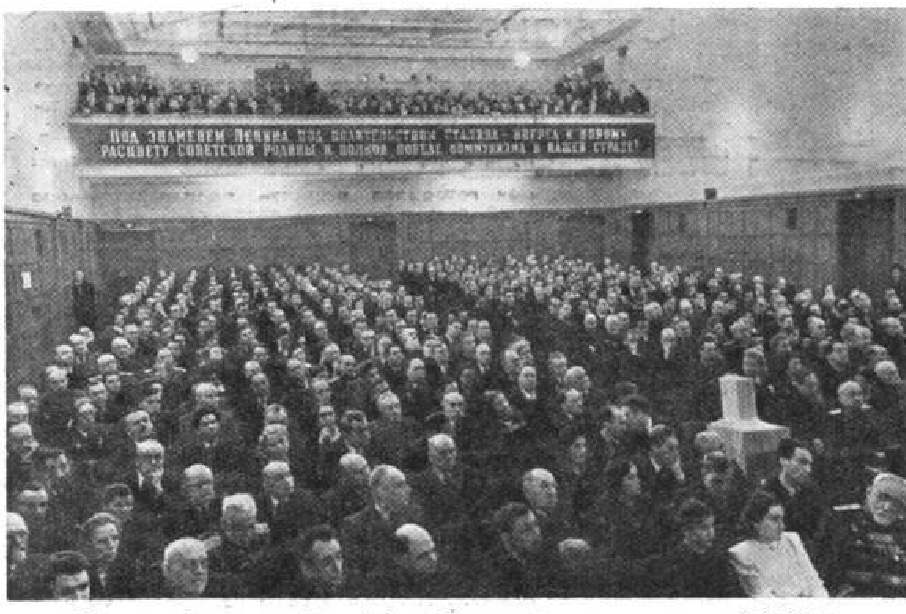

Дети колхозников Нина Белоус и Люда Жуванова на занятиях у преподавателя О. Д. Узловой.

Колхоз имени Тараса Шевченко в селе Песочин — один из богатейших в Харьковской области.

Во многих хатах есть рояль или пианино. Колхозники решили создать в селе детскую музыкальную школу. Харьковский областной отдел по делам искусств пошел навстречу колхозникам. На днях здесь состоялось открытие филиала харьковской районной музыкальной школы № 7 имени Мусоргского. 86 наиболее способных колхозных ребят приступили к занятиям.

Годичное собрание Академии наук СССР

Давней, славной традицией стало годичное общее собрание Академии наук СССР, на котором подводятся итоги деятельности ее многочисленных институтов, лабораторий, комиссий за минувший год.

Два столетия назад на таких собраниях выступал первый русский академик М. В. Ломоносов. Он мечтал о том времени, когда наука сделается достоянием народа.

В наши дни на советской земле эта мечта претворилась в действительность.

— Отрадная особенность прошлого года,— подчеркнул, открывая собрание, президент Академии наук академик С. И. Вавилов,— это весьма значительное приложение науки к запросам практики.

С. И. Вавилов говорит о тесном, деловом содружестве науки с производством, о крепком, плодотворном сотрудничестве институтов и лабораторий с промышленными предприятиями. Академия принимает близкое участие в осуществлении грандиозного сталинского плана преобразования природы. Увеличивается также размах теоретических изысканий во всех отраслях естествознания. Трудно переоценить достижения наших физиков, биологов и астрономов.

Партия и правительство неизменно оказывают огромную поддержку Академии, проявляют постоянную заботу о ее развитии.

Здравицей в честь великого вождя и учителя товарища И. В. Сталина, ведущего страну к коммунизму, закончил свою речь С. И. Вавилов под бурные рукоплескания всего зала.

Главный ученый секретарь Академии, академик А. В. Топчиев, в своем докладе дал развернутую характеристику деятельности штаба советской науки за 1949 год, направленной на решение проблем большого народнохозяйственного значения.

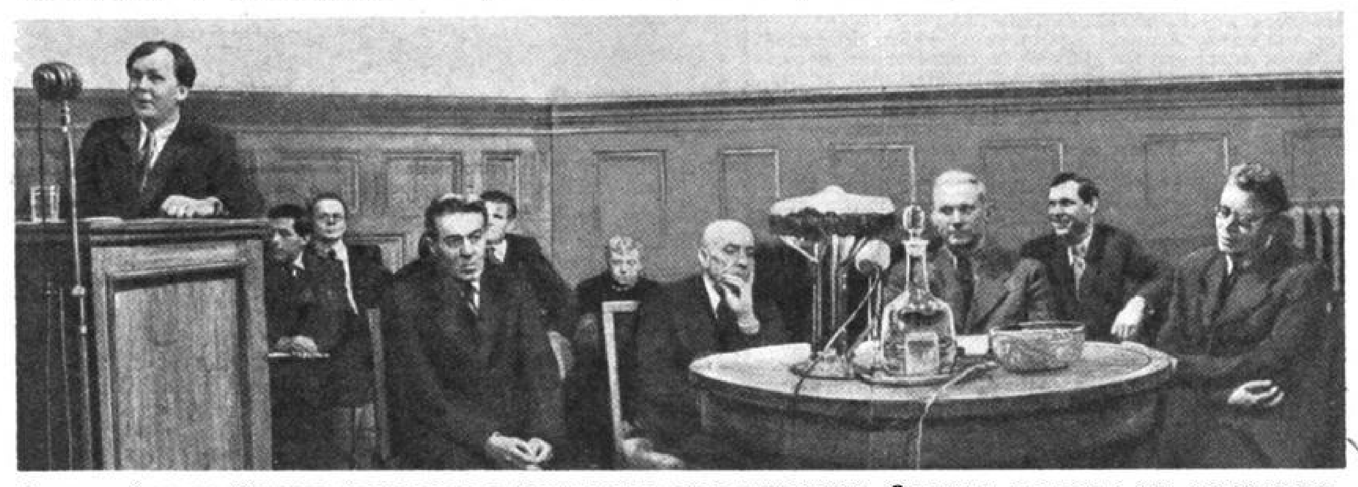
Докладчик рассказывает об успехах, достигнутых советскими физиками. Наши астрономы с помощью новой аппаратуры заглянули в недоступные участки центра Млечного пути и обнаружили там неведомые раньше группы звезд и туманностей. Наши сейсмологи организовали первые в мире геофизические станции, где всесторонне исследуются явления, предшествующие землетрясениям и сопровождающие их. Институты, объединенные в отделение физико-математических наук, предложили и внедрили в народное хозяйство десятки законченных научных работ, опубликовали сотни монографий и статей.

Проведенные географами и геологами большие экспедиции в Сибирь, Среднюю Азию и другие районы страны увенчались открытием новых месторождений ценного минерального сырья. Завершен коллективный труд ряда институтов по созданию схемы преобразования пустынь Средней Азии и Казахстана. Закончены также пятилетние исследования почв лугов и болот Барабинской низменности в Западной Сибири на площади около 13 миллионов гектаров; намечены способы мелиорации болот и засоленных земель.

Советские ученые, занятые техническими проблемами, добились значительных результатов в применении высоких давлений и температур, высоких электрических напряжений, механических скоростей.

Комплексная экспедиция ученых разных специальностей изучала районы, где прокладываются государственные лесные полосы, создаются дубравы промышленного значения и водоемы. Поставленные, согласно учению Мичурина — Лысенко, исследования наследственности и ее изменчивости вскрыли новые закономерности: приобретенные вегетативными гибридами биохимические свойства наследуются и закрепляются в потомстве.

Академик А. В. Топчиев проанализировал также работы других отделений, на многих данных показал замечательные успехи всех отраслей советской науки.

Творческий вечер Михаила Исаковского в Центральном доме литераторов. Справа налево на переднем плане: М. Исаковский, М. Бубеннов, А. Фадеев, М. Погодин, В. Захаров. Выступает А. Твардовский.

Фото Е. Умнова

Мастер советской песни

Нет уголка в нашей стране, где бы не звучало вдохновенное слово Михаила Исаковского, ставшего любимым песнотворцем советского народа. Его песни звучат на торжественных демонстрациях и на дружеских вечеринках. Их поют, иногда даже не зная имени поэта. Эти песни прочно и органично вошли в духовный обиход советского человека, и молодежи уже трудно представить, что не так давно не было на свете ни «Катюши», ни «Провожанья».

В годы Великой Отечественной войны с песнями М. Исаковского «на позиции девушка провожала бойца», «уходили в поход партизаны», с его песнями советские воины за синим Дунаем вспоминали «ярославские, да брянские, да смоленские места». Одни из самых любимых у нас — стихи «Слово к товарищу Сталину». Советский народ благодарит великого творца всех наших побед, гениального зодчего коммунизма. Словами поэта народ-победитель заявляет: «Не нужно мне солнце чужое, чужая земля мне не нужна».

Все это дает полное право назвать поэзию М. Исаковского голосом советского народа. За стихи и песни поэт-большевик был дважды удостоен Сталинской премии I степени и награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени. В связи с 50-летием со дня рождения поэта правительство наградило его орденом Ленина.

1 февраля в Центральном доме литераторов состоялся творческий вечер Михаила Исаковского. На чествование собрались писатели, композиторы, артисты.

Александр Твардовский рассказал о большом и радостном пути М. Исаковского: от скромного подростка из глухой смоленской деревни до крупнейшего советского поэта, известного далеко за пределами нашей Родины, о пути, который стал возможным только после победы Октябрьской революции.

С братским приветом от имени поэтов советской Белоруссии, знакомством с которыми советский читатель во многом обязан мастерским переводам М. Исаковского, к нему обратился Петрусь Бровка. Андрей Малышко, приветствовавший юбиляра от украинских писателей, прочел свое стихотворение о том, как в Америке негры по-русски пели песню нашего поэта, как «выходила на берег Катюша за Великий Тихий океан».

Поэты Армении, Грузии, Татарии рассказали, как вдохновляет их благородная, подлинно народная и глубоко партийная поэзия М. Исаковского. Алексей Сурков, Вера Инбер и Дмитрий Осин прочли стихи, посвященные юбиляру. В заключение вечера государственный хор имени Пятницкого и вокальный октет ансамбля песни и пляски Советской Армии исполнили песни на слова М. Исаковского.

Трогательной была встреча поэта с М. И. Погодиным, который когда-то, будучи членом Земской управы, принял участие в судьбе даровитого мальчика из бедной крестьянской семьи и помог ему продолжить образование.

Н. РЫЛЕНКОВ

Ю. ГОЛОВЧЕНКО — ЧЕМПИОН СССР

На этот раз в личном первенстве СССР по скоростному бегу на коньках, которое разыгрывалось в Москве на прошлой неделе, участвовали не только прославленные скороходы столицы, но и молодые спортсмены Горького, Саратова, Архангельска, Вологды, Калинина, Иркутска. Их было много. Они не могли, конечно, претендовать на чемпионские майки и рекордные секунды, но многие из них показали себя весьма зрелыми конькобежцами, у которых были видны и хорошая техника бега и отличная физическая подготовка. Отсутствовал у них лишь опыт борьбы на крупных соревнованиях.

Это особенно сказывалось у безусловно талантливого молодого скорохода — горьковского студента Сахарова, впервые вышедшего на ледяную дорожку всесоюзного чемпионата. Неопытность заметна была у иркутянина Клыбина, вологодца Кузьмича, кировчанина Чайкина.

Все же Сахарову в первый день соревнований в беге на 5 километров удалось пройти быстрее таких опытных мастеров, как Кудрявцев, Пискунов, Пискарев, и показать вполне приличный результат — 8 минут 52,5 секунды.

Прекрасно зарекомендовали себя молодые ленинградцы Красильников и Павлов. Первый из них вышел в лучшую тройку бегунов на пять тысяч метров, а второй занял пятое место, хотя и показал результат, равный лучшему результату прошлогоднего чемпионата.

Можно сказать, что молодые спортсмены сравнительно большой группой близко подошли к лидерам соревнования В. Прошину (Москва) и Ю. Головченко (Омск), который тоже не так давно приобрел опыт спортивной борьбы в конькобежном многоборье.

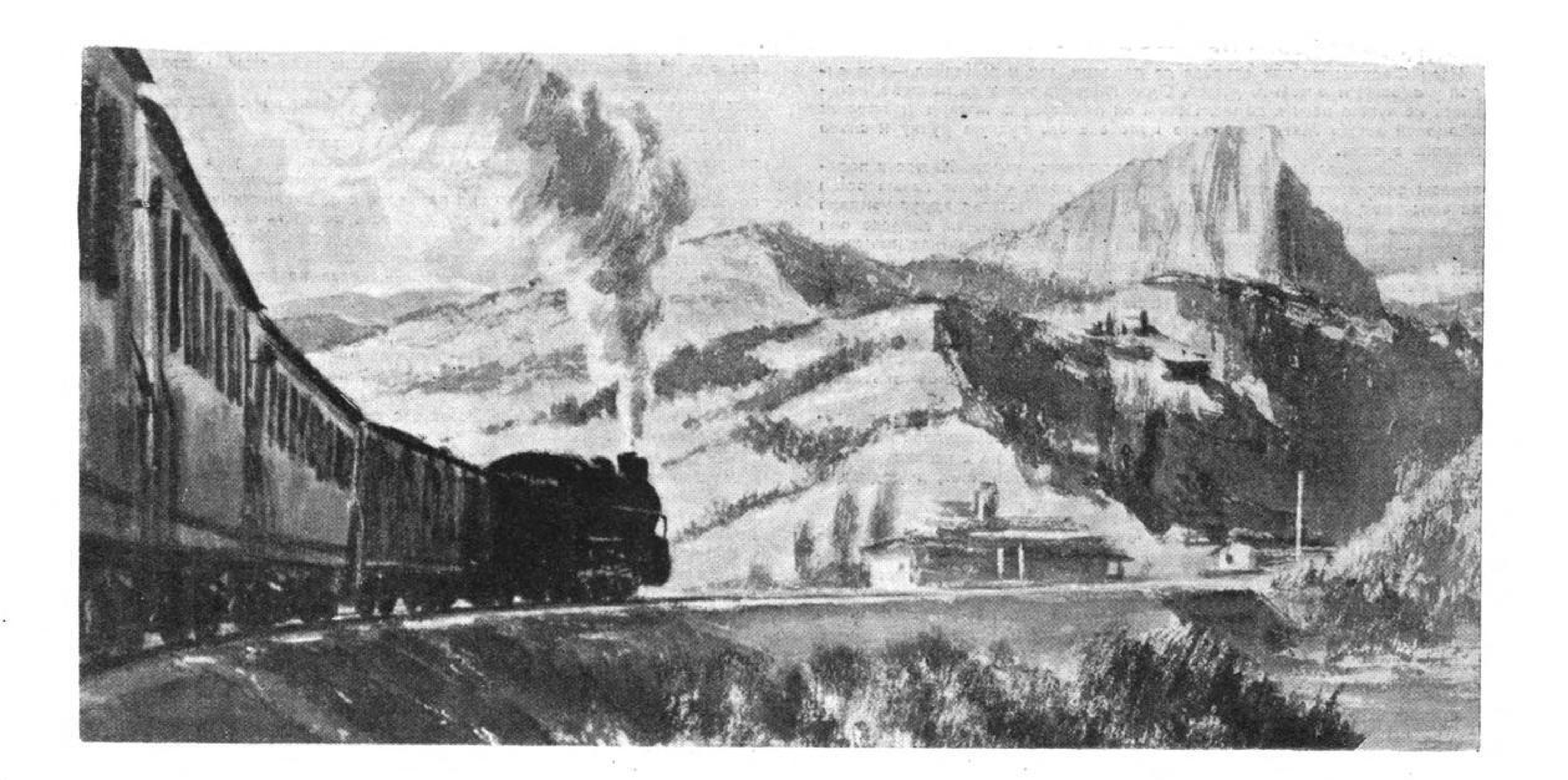
Тем приятнее отметить его большой успех.

В первый же день чемпионата Головченко в хорошем стиле прошел пятьсот метров, уступив лишь никем пока не превзойденному бегуну на короткие дистанции Кудрявцеву. Следующее соревнование — бег на пять километров — Головченко провел безупречно, занял первое место и показал результат — 8 минут 37,4 сек.

Второй день соревнований начался забегами на 1500 метров. Здесь борьба двух лидеров также носила упорный характер и кончилась победой Прошина. Он прошел дистанцию с хорошим результатом — 2 мин. 22,6 секунды.

Таким образом, окончательный победитель Всесоюзного чемпионата мог быть определен лишь в беге на самую длинную дистанцию — 10 километров. Жребий свел Головченко и Прошина в одну пару. Большое число зрителей наблюдало за этим интересным состязанием первоклассных мастеров скоростного бега на коньках. Головченко показал очень красивый накатистый шаг, сумел правильно распределить свои силы и закончил бег с отличным результатом — 17 минут 49,2 секунды.

Таким образом, Юрий Головченко (Омск) впервые завоевал звание абсолютного чемпиона страны.

НАСТАСЬЯ

Рассказ

Татьяна ТЭСС

Рисунки О. Верейского

Весной у Настасьи Кузнецовой умерла дочка.

Накануне девочке как будто было легче, и Настасья не пошла с утра в больницу. Она прибрала в избе, накормила Николку, младшего сына; пришел с работы муж, она поставила обед на стол и, пока муж ел, выстирала его ситцевую рубаху и повесила сушить. Муж ел медленно и все время с жалостью смотрел на настасьины запавшие от бессонницы глаза и серое лицо.

Когда Настасья прибежала в больницу и вошла в палату, она увидела на кровати вместо Гали незнакомую девочку. Девочка была старше, чем Галя; лоб ее был нахмурен, губы судорожно сжаты, под одеялом угадывалось длинное, неестественно вытянувшееся тельце. Выражение ее лица поразило Настасью суровым и страшным напряжением. Возле девочки, держа ее за руку, стоял врач.

Попятившись, Настасья выбежала в коридор. Навстречу шла больничная няня.

— Где Галя? — спросила Настасья отчаянным голосом. — Где Галя моя?

— Прибирается твоя Галя... — сказала няня и посмотрела на Настасью с состраданием. — Иди к ней, иди, голубка...

Она осторожно открыла дверь той же палаты, и вдруг Настасья поняла, что эта незнакомая девочка — ее дочка. Выражение сурового, мучительного напряжения преобразило ее, сделало детское лицо взрослым; это лицо ужасало своей безнадежной отрешенностью. Галя боролась за жизнь, боролась мучительно, тяжко; все маленькое ее существо было охвачено последним усилием.

— Галя! — крикнула Настасья. — Зоренька моя...

Девочка медленно подняла ресницы и посмотрела на мать невидящим взглядом.

— Не мешай... — словно сказал этот взгляд, и Галя вся напряглась, собирая силы. Она дышала редко, каждый вздох был для нее тяжким, уже непосильным трудом. — Не тревожь меня... — повторил взгляд, и девочка закрыла глаза.

Галю похоронили в ясный весенний день. Холмик убрали венками; жужжали пчелы, на верхушке сосны нежно и удивленно посвистывала иволга, словно поражаясь красоте вешнего дня. И нельзя было поверить, что под земляным холмиком тихо лежала девочка Галя, так и не успевшая наглядеться на белый свет.

Настасьина изба была на краю деревни, возле кладбища, и каждое утро, когда Настасья шла в поле, она видела этот холмик. Прошел месяц, прошло полгода, но горе ее не стихало. Сын Николка подрос, начал говорить. Это был лобастый крепкий человечек в длинных штанах из бумазеи. Но, глядя на его пухлые щеки, Настасья видела перед собой Галю, с аккуратными косичками, в платье школьницы...

— И такая была умница-разумница... — говорила Настасья соседкам, заливаясь слезами. — Такая была матери помощница! А училась как, господи! Разве ж так учатся другие дети?

И, всплеснув руками, она в десятый раз рассказывала соседкам, какие отметки Галя приносила из школы.

Настасья сразу постарела, даже походка у нее стала не та, — она шагала теперь тяжело, приподняв плечи. Горе ее было страстным, неутолимым, она безжалостно, словно с ожесточением, бередила свое сердце, не давая печали утихнуть.

Однажды вечером она неожиданно сказала мужу:

— Уедем отсюда! Уедем! — повторила она с силой, и на глазах у нее заблестели слезы. — Нету больше никакой моей возможности! — говорила она, обхватив лицо ладонями и раскачиваясь. — Может, в чужом месте обойдусь, забудусь...

Муж, Иван Феоктистыч, услышав настасьины слова, встал и зашагал по комнате.

— Как это так уедем? — говорил он. — Куда это мы уедем из родного колхоза? Очнись, Настасья, что мы, бродяги какие? Тут наш труд, наши корни, думы наши...

— Работу везде найдем... — сказала Настасья. — Поедем к дяде Григорию, на Кавказ. Нету больше никакой моей возможности! — прошептала она и рванула стеганку на груди. — Не забудусь я тут от горя, пожалей меня, Ванюша...

Иван Феоктистыч промолчал. Он сел за стол и подпер голову руками. Мысль об отъезде, о разлуке с колхозом казалась ему невозможной. Он поглядел в угол — Настасья сидела там на лавке, прислонившись головой к стене, закрыв глаза. Шопот, донесшийся из угла, уколол его сердце нестерпимой жалостью: «Пожалей меня, Ванюша...»

* * *

В начале декабря Кузнецовы уехали всей семьей в далекий путь — из уральской деревни на Кавказ.

На Урале уже плотно лежал снег, и из окна вагона Настасья видела леса, тяжелые снежные пласты на ветках, высокие, пуховые сугробы. Потянулась белая равнина, солнце садилось, над полем тучей носились галки. Настасья виновато покосилась на широкую спину мужа и вздохнула.

Иван Феоктистыч как отъехал от деревни, так и замолчал,— все сидел у окошка и о чем-то думал. Один Николка топтался по купе, натыкаясь на чужие ноги и падая. Потом он подбегал к матери и просил: «Поцелуй ваву!» Мать рассеянно целовала его пухлую ручку и снова глядела в окно.

Так прошло два дня, а на третий, проснувшись утром, Настасья поразилась: снег исчез! Вокруг лежали черные поля; осенние голые рощи качались под ветром... Прошел еще день — и Настасья вдруг увидела на дереве два желтых трепещущих листа. С удивлением глядела она в окно — вот ветка, на которой уже не два, а десять, пятнадцать желтых листьев, а вот стоит у насыпи лохматое, взъерошенное деревцо все в рыжей, жесткой, шуршащей листве...

Вечером на какой-то станции Настасья вышла на перрон. Было совсем тепло и тихо, воздух удивительно душистый, но пахло не так, как в осеннем лесу на Урале. Запахи были сладкие, тягучие; изредка веял с гор ветерок, он пахнул свежо и чисто, как ключевая вода. Подняв голову, Настасья с робостью глядела в черное, усыпанное звездами небо. Звезды тоже были незнакомые...

Настасья считала себя бывалым человеком. Она часто ездила в районный центр, бывала на совещаниях в области. Она выступала на больших собраниях, причем говорила толково, дельно, не стесняясь критиковать, и когда она шла по проходу к трибуне, степенная, дородная, в новом платье, в зале был слышен шепоток:

— Настя наша поплыла. С умом человек...

Но сейчас Настасья неожиданно почувствовала такую робость, что у нее похолодели пальцы. Она ощутила огромность пространства, отделившего ее от родного колхоза. Куда она едет? Как ее встретят? Как она с семьей будет жить в новых местах? Дерево, под которым она стояла, зашуршало огромными, изрезанными листьями, похожими на веера. Куда это ее занесло, мать моя родная?

Настасья вернулась в вагон и тихонько легла рядом с разметавшимся Николкой. «Вот я т-тебя...» — сказал он во сне. На верхней полке ровно дышал и посвистывал муж.

«Приживемся... — подумала Настасья, успокаивая себя. — Главное, все семейство наше вместе. А край новый, — ну к что ж? Опять-таки край советский, и люди кругом свои, советские... Приживемся!»

Она вспомнила Галю, ее серые глаза, задумчивый круглый лобик... Настасья всхлипнула, слезы закапали на подушку. Так в слезах она и уснула.

* * *

На следующий день Кузнецовы прибыли в Тбилиси.

Дядя Григорий жил в Тбилиси уже лет пятнадцать. Он располнел, в светлых густых волосах появилась седина, говорил он с сильным грузинским акцентом, хотя знал по-грузински только два слова: «гамарджоба» (здравствуйте) и «гмадлобт» (спасибо). Жену его звали Мотя, она была украинка, родом из Полтавы, но в Тбилиси полностью прижилась, бойко говорила по-грузински и признавала только грузинскую еду. На обед она приготовила такое огненное, наперченное харчо, что Кузнецовы, покушав его, долго сидели, пооткрывав рты, и дышали, как рыбы.

Мотя приняла родственников мужа сердечно, обнимала и гладила Настасью и всплакнула вместе с ней. После обеда дядя Григорий обсудил с племянницей и ее мужем все дела. Наутро Кузнецовы пошли определяться на работу.

Иван Феоктистыч в тот же день оформился на работу на хлебозавод электромонтером, по своей специальности. Настасью дядя Григорий решил устроить в свой цех, на станкостроительном заводе. Он уже говорил о ней с мастером.

По дороге на завод Настасья на несколько минут так обмерла, что даже в животе почувствовала холод. Но, к собственному ее удивлению, страх прошел тотчас же, как она переступила порог цеха.

Могучая музыка работающего цеха ринулась ей навстречу. Высокий, резкий скрежет смешивался с низким, успокоительно ровным гуденьем, а где-то частила быстрая, захлебывающаяся дробь, словно стучал пулемет. Рядом с Настасьей плавно скользила на огромной плите свинцово-серая металлическая туша, но вот она приближалась к резцу, похожему на клык, раздавалось шипящее, пронзительное зудение, и резец легко срезал с металла блестящую стружку.

Цех был такой длинный, что конец его терялся в сизой полумгле. Над головой Настасьи, подвешенная на крюк, проплыла тяжелая рыжая болванка. Настасья невольно пригнулась, но тут же устыдилась: все свободно проходили под болванкой, лишь изредка поглядывая наверх, где, позванивая, двигалась стеклянная будочка. Настасья тоже посмотрела наверх, и из будочки, плывущей под потолком цеха, сверкнули на нее огромные, весело блестящие глаза, и она невольно остановилась. Краном управляла девушка лет восемнадцати, чернозолосая, в яркой косынке, небрежно наброшенной на сильные плечи; сигнальный звонок ахнул над ухом Настасьи, и девушка улыбнулась, показав крупные белые, как сахар, зубы.

Все гудело, звенело, рокотало, все было в движении. Но Настасья, двигаясь по цеху, испытывала не испуг и не смущение, а неожиданную уверенность.

Ничто не напоминало здесь работу в поле, ничто не дышало тем привольем природы, широкими, задумчивыми уральскими просторами, какие привыкла видеть во время работы Настасья. Все было новое, непохожее, и все же Настасья, вглядываясь в цех, ощущала какое-то глубокое внутреннее сходство с тем, к чему она привыкла за годы работы в колхозе.

Труд каждого рабочего, работа станков, величественная индустриальная панорама — все было подчинено разумной и строгой организации, объединено единым усилием. Внешний облик работы, ее механизмы, техника — были другими, но внутренние законы труда в их глубокой, благородной сущности были родственны, и Настасья знала это. И спокойная уверенность, которую она сейчас испытывала, пришла к ней не случайно. Эта уверенность пришла потому, что она знала: вот она, Настасья Кузнецова, одна из лучших звеньевых, мастерица в своем деле, — она и здесь найдет себе место, покажет, чего она стоит. Мастерство и опыт, которыми она владела, были ее богатством, а с этим богатством она нигде не пропадет.

Не торопясь шла Настасья по цеху. Она была в валенках, в нагольном полушубке, в пуховом платке на русых волосах. Она уже не горбилась, не ступала тяжело на всю ногу, а шла, приосанившись, поглядывая вокруг. Ей казалось, что она привезла с собой частицу своего колхоза, его доблести и должна эту доблесть показать в труде.

Дядя Григорий привел ее к начальнику участка. Начальник предложил Настасье работать на шлифовальном станке.

— Там работает Варден Долидзе... — сказал начальник и, сощурившись, внимательно поглядел на Настасью. — Быстро вас обучит — он это дело любит. Станете шлифовальщицей — работа тонкая, красивая работа...

— Соглашаешься, Настасья? — спросил дядя Григорий. Он волновался за племянницу, щеки его вспотели, лоб покраснел. — Соглашаешься? — переспросил он.

— Ну к что ж! — сказала Настасья с достоинством. — Попробуем на шлифовальном...

Через день Настасья пришла в цех на работу.

Мастер провел ее к шлифовальному станку. Еще издали она увидела пышные хвосты искр, выбивающиеся из-под шлифовального круга. Сердце ее дрогнуло — такое чувство она испытывала, бывало, когда приближалась к участку, где работало ее звено.

Варден Долидзе оказался невысоким полным человеком с красными щеками и живым взглядом. Двигался он с удивительной быстротой и легкостью, словно не чувствовал веса полного своего тела. Он подвел Настасью к станку и начал объяснять.

— Вот, дорогая... — говорил он, энергично жестикулируя небольшой крепкой рукой. — Мы обеспечиваем, понимаешь, плоскую шлифовку. Берем деталь, дорогая, кладем ее на магнитный стол. Видишь магнитный стол? Вот я включаю, и деталь держится силой электромагнита. Лежит, как вкопанная! Теперь смотри на шлифовальный круг... — Долидзе пошевелил бровями, включил станок, и стая искр с треском вылетела из-под круга. — Что главное в нашем деле? — сказал Долидзе торжественно и поднял вверх короткий толстый палец. — Две плоскости, дорогая, должны быть совершенно параллельны, а мы должны это обеспечить. Кроме того иногда требуется перпендикулярность...— добавил он значительно и опять пошевелил бровями. — Мы шлифуем части, понимаешь, которые потом будут находиться под углом по отношению друг к другу. Это, дорогая,— очень серьезное дело, красивая работа, с огнем работа...

Такие трудные слова, как «перпендикулярность», немного смутили Настасью, и у нее от напряжения заломило в висках. Но Долидзе увлекся и перестал говорить трудные слова. Он включал станок, показывал, снимал готовые детали с магнитного стола и давал их Настасье в руки, и она ощущала шелковистую гладкость их голубовато-серебристой поверхности. Он показывал ей, как надо ухаживать за магнитным столом, как промывать эмульсией детали, потом стал учить, как проверять микрометром параллельность и толщину...

Настасья внимательно слушала учителя. Ей стало жарко, она сняла с головы платок. Долидзе объяснял с живостью, со страстью... Мир нового труда открывался перед Настасьей. Каждая вещь постепенно приобретала для нее ясный, серьезный смысл.

— Красивая работа! — снова сказал Долидзе, и Настасья почему-то вздохнула — ей было и интересно и немного грустно...

* * *

С той поры Настасья каждое утро уходила на завод.

Была середина зимы, на Урале в эти дни стоят большие морозы, в лесу недвижима дремучая тишина, на высоком снегу видны следы рыжей красотки-лисы, или петли зайца, или отпечаток ровного, неторопливого хода матерого волка... А стужа на дворе такая, что ломит лоб, будто пьешь вместо воздуха родниковую воду, пьешь и не можешь напиться, не можешь наглядеться на красоту голубого, студеного дня...

А здесь если и выпадет снег, то похож он на елочную вату. Мокрые, тяжелые хлопья лежат на деревьях и тают, оползая вниз, и вот уже снова светит солнце, и веет теплый, влажный ветерок... Но Настасья, по уральской привычке, ходила на работу в полушубке, в валенках...

— Ой, голубонька моя! — говорила ей Мотя, всплескивая руками.— Скильки одежек, як на капусте... Хиба ж у нас жинки ходят у валенках?

— На Урале валенки — первое дело... — отвечала Настасья, посмеиваясь.

Она приходила в цех за полчаса до начала рабочего дня. Готовясь к работе, она так уютно и домовито хлопотала возле своего магнитного стола, что каждый, кто проходил мимо, невольно улыбался ей.

Работала Настасья хорошо. Все, к чему она привыкла, что знала и любила, осталось там, в уральской деревне. И вместе с тем она не чувствовала себя безоружной. Она обладала спокойной зоркостью, позволявшей ей быстро ориентироваться в работе, у нее была уверенность в собственной нужности, любовь к труду, сознание его государственной полезности. Она вошла в цех по-хозяйски; внутренняя сила, которую она ощущала в себе, крепла с каждым днем.

В цехе уже знали ее и, когда надо было сделать работу, требующую особой, любовной тщательности, говорили:

— Это оставим для Кузнецовой.

Или:

— Это надо Настасье Степановне поручить: она тонкую работу обожает...

Иногда Настасья видела во сне покойную дочку и просыпалась со стоном и снова засыпала, обняв мокрую от слез подушку. Но горе ее постепенно перестало быть исступленным и страстным, рвущим на части сердце. Настасья работала с увлечением, найдя в новом труде и ра-

дость и душевную опору. Плечи ее распрямились, она не пополнела, а как-то побелела лицом, словно наконец смыла с него горькую, злую черноту печали...

Когда дома муж или Мотя расспрашивали ее о работе, она не хвалилась, а вздыхала и говорила с сокрушением:

— Образование у меня низковатое! Четыре класса, курам на смех...

Братишка Васючок, черненький мальчик, живой, как ртуть, прибегал из школы, бросал на стол сумку с тетрадями и уносился во двор, так стуча каблуками по лестнице, словно гремел гром. Набегавшись, он возвращался и садился готовить уроки.

— Числитель и знаменатель называются членами дроби...— бормотал он.

— Числитель и знаменатель, скажи, пожалуйста! — говорила Настасья со вздохом.— Такое маленькое, а, смотри, понимает разные слова!

Оставшись после работы в цехе, Настасья приглядывалась к работе товарищей. Чаще всего она наблюдала, как работает Иван Вуколов.

Над его станком вился маленький дымок — то был дымок скорости. Такие дымочки вились над многими станками в цехе, и по ним можно было определить число скоростников, как в деревне считали дворы по числу дымков, вьющихся над избами.

По виду Вуколов был флегма. Много раз Настасья наблюдала, как, подойдя к своему станку перед началом смены, Вуколов неторопливо и флегматично его оглядывал, будто пришел сюда в первый раз. Вуколов был высокий малый с большими руками и ногами; он похаживал вокруг станка, что-то подкручивал, регулировал, словно нехотя двигая руками, потом подтаскивал к станку какой-то чурбанчик, похожий на обрубок, на котором во дворе колют дрова, и, положив на него упор, выравнивал прут заготовки. Посапывая и напевая под нос, он проверял штанген-циркулем диаметр детали, опять что-то подкручивал и наконец, с удовлетворением оглядев все свое хозяйство, запускал станок.

И тут деталь начинала вращаться с такой чудовищной скоростью, что Настасья даже пятилась от станка. На шершавом прутке проступал светлый, чистый блеск, стружка вилась, поднимала острое свое жало, как змея, выглядывающая из ржи, станок гудел, синеватый дымок вился над ним... А Вуколов, попрежнему флегматичный и неторопливый, едва шевеля большими руками, незаметно, без всякого усилия управлял этой грозной скоростью.

Приглядывалась Настасья также и к работе Артема Георгадзе.

У Георгадзе было смуглое, продолговатое лицо с твердой ямочкой на подбородке. Он был широкоплеч и сухощав. Повадка в работе у него была спокойная, глаза внимательные, но вдруг в них вспыхивал такой блеск, такая ощущалась энергия, что лицо его удивительно преображалось, словно осветил его трепещущий, яркий свет огня.

Работа, которую делал Георгадзе, показалась Настасье с первого взгляда неинтересной.

Длинным инструментом с острой лопаточкой на конце он соскабливал с детали какие-то черные пятнышки. Дело это, как казалось, было канительным и ничем не примечательным.

Но настороженная точность движений, ювелирная тщательность, напряжение, которые угадывались в сильной, жилистой фигуре Георгадзе, говорили Настасье о том, что она видит перед собою трудный рабочий процесс, еще недоступный для нее, требующий большого мастерства.

Георгадзе был шабровщик. Черные пятнышки, которые видела Настасья, покрывали бугорки на металлической поверхности. Георгадзе соскабливал эти бугорки, выравнивая поверхность так, чтобы все точки ее находились в одном горизонте. По сути, эта работа была близка тому, что делала Настасья, но она шлифовала на своем станке открытые плоскости, а он выравнивал труднодостигаемые поверхности. И когда Настасья увидела, как Георгадзе обрабатывает «ласточкин хвост», забираясь своим инструментом в такие углубления детали, куда никогда и никак не могла бы добраться Настасья на своем станке, она поглядела на мастера с новым чувством уважения.

Для Георгадзе не было «глухих мест» ни в одной детали. Он придавал поверхности безупречную чистоту. Деталь после его обработки приобретала блистательную точность. Легкие вздутия, бугорки, шершавости металла, почти невидимые глазу, исчезали, поверхность становилась похожей на мозаику, все точки которой лежат в одной плоскости.

Георгадзе был истинным художником своего дела. Теперь, когда Настасья поняла это, она наблюдала его работу с восхищением.

— Экий вы, извините, спокойный! — как-то сказала она Георгадзе, не удержавшись.— Я б, как фитиль, горела. Тут терпение надо иметь непостижимое...

— Это не я спокойный, дорогая... — сказал Георгадзе добродушно.— Это работа требует, чтобы я был спокойный.

Он улыбался, глядя на Настасью и вытирая паклей сильные руки, а она стояла перед ним, переминаясь в уральских своих валенках, дородная, аккуратная, и уважительно глядела на него.

Настасье нравилось жить в Тбилиси. Она радовалась теплу, душистому ветру, ранней зелени, неожиданно ранней весне. Ей нравились здешние люди, их живой, быстрый ум, общительность, радушие. Только к грузинским кушаньям она никак не могла привыкнуть, делала на обед сибирские пельмени и всякий раз, когда видела, как дядя и Мотя жуют за столом какую-то остро пахнущую травку, всплескивала руками и говорила:

— Ну что в траве хорошего?

И все же Настасья очень скучала по родной деревне. Она переписывалась со своими звеньевыми, и когда приходило письмо с Урала, перечитывала его несколько раз, а вечером, перед сном, снова доставала из комода, но уже не читала, а только долго и грустно глядела на конверт, словно видела там березку, стоящую у дороги, золотую гладь пшеницы, лицо подружки, идущей рядом с ней, Настасьей, по степной тропе. Она заставила себя не думать о том, правильно ли поступила, уехав из деревни, ибо знала, что не могла там совладать со своим горем, которого уже не вмещала ее душа. Переезд в Грузию был для нее не просто целительной переменой места. Новая работа потребовала от нее самой новых качеств, и она радостно и увлеченно пошла навстречу этому зову труда.

Она была сейчас сильней и душевно богаче, чем в первые дни после приезда. И выросшая в ней новая сила дала ей великую душевную стойкость, которая так необходима человеку, чтобы противостоять той страшной, испепеляющей сердце тоске, какую знает только мать, потерявшая ребенка.

Однажды Настасья пришла с работы сердитая и озабоченная. Она молча умыла Николку и так же молча стала готовить обед, гремя кастрюлями и швыряя сотейник. Обедала она все с тем же озабоченным лицом, ела, не разбирая вкуса, и наконец сказала с сердцем, положив ложку:

— Низковатое у меня образование, ну его к лешему! Осенью пойду учиться на курсы...

— Та ты ж, моя голубонька, у нас, як профессор... — сказала Мотя, подмигивая, но Настасья насупилась и опасливо покосилась на мужа.

Мотя намекала на одно щекотливое обстоятельство в семейной жизни Кузнецовых. Дело в том, что Иван Феоктистыч, поступив на хлебозавод, был недоволен работой, а главное, мучился от того, что зарабатывал меньше жены. Ему казалось, что все это видят и все осуждают его за то, что он, колхозный мастер, электромонтер, сейчас отстал от жены и перестал быть главой дома. Истерзался он этими мыслями так, что исхудал, стал раздражительным, кричал на Николку и говорил с Настасьей каким-то новым, ироническим голосом.

Мечта

Ливиу ДЕЛЯНУ

Мы мальчика увидели с тобой,
Он молча строил авиамодель.
Как мастер, как конструктор, как большой,
Сосредоточенно он углубился в цель.

Мне по душе его пытливый нрав!
Наверное, мы братья по мечте —
Ведь точно так, одну вершину взяв,
Мечтаем мы о новой высоте.

Пусть стерегут и бури и свинец,
Пусть пропастью пугает высота,—
Я все ж тебя заставлю, наконец,
Действительностью стать, моя мечта!

Но белокурый мальчик, что сейчас
Еще хлопочет молча на дворе,
Поднимется гораздо выше нас,
Поближе к звездам, к молодой заре.

В коммунистический простор он будет рад
Полет свой смелый прочертить вдали
И с песней радостной промчаться над
Помолодевшим глобусом земли...

Сверкает ослепительно зенит,
Неслышно тает облаков гряда,
А он летит, летит, летит, летит —
Кремлевский вестник мира и труда!..

Пусть наши головы посеребрят года,—
Прекрасна жизнь и благородна цель!..
И внукам маленьким расскажем мы тогда,
Как мальчик строил авиамодель...

Перевел с молдавского
Михаил СВЕТЛОВ

Настасья, уважавшая мужа, сама мучилась, глядя на него, и наконец, набравшись решимости, посоветовала Ивану Феоктистычу переменить специальность. В ту пору Настасья, порезав палец, не работала, а обучала учеников. Залившись краской и смотря на мужа виноватыми глазами, она робко предложила научить его шлифовальному делу.

Пока она говорила, Иван Феоктистыч криво улыбался и вертел носком правой ноги, что обличало в нем крайне мрачное состояние духа. Но когда Настасья замолчала, он неожиданно встал и с грозной решимостью согласился идти к ней в обучение.

Все то время, пока он работал учеником на станке Настасьи, он был мрачен, но старателен и внимательно выслушивал все пояснения жены. А Настасья краснела до слез, говорила чужим от смущения голосом и боялась поднять на него глаза.

Иван Феоктистыч быстро освоился с новой работой, но, закончив обучение, все же вскорости ушел на другой завод. Он снова почувствовал себя главой семьи и был, как раньше, ласков с Настасьей и даже иногда покрикивал на нее начальственным баском. Настасья щадила самолюбие мужа, и сейчас намек Моти был ей неприятен.

— Проморгала я свою образованность! — сказала она сердито.— Геленька училась, Иван Феоктистыч два раза на курсы ездил, а мне все казалось по дурости, что проживу и без науки. А теперь аж злость берет, так бы себя и разорвала!..

Отобедав, Иван Феоктистыч собрался уходить в ночную смену. Одевался он неторопливо и, взяв сапог, смотрел на него так долго и внимательно, словно видел в первый раз. Настасья почистила на нем пиджак, положила платок в карман... Лицо у нее было неуверенное, будто она хотела спросить о чем-то, но Иван Феоктистыч, надев картуз, молодцевато подтянулся и пошел к дверям. И Настасья промолчала.

А поговорить было о чем.

Весь вечер, пока она укладывала Николку спать, а потом лежала одна на толстой перине, уставившись в потолок, она думала о том, что происходит в цехе. Заболел Артем Георгадзе, а сменщик его был в отпуску в Кисловодске. Оставшиеся шабровщики не успевали справляться с работой. Цех, выполнявший срочный заказ, стоял сейчас перед серьезной угрозой.

Каждый раз, когда Настасья слышала об опасности срыва плана, она ощущала тягостное чувство тревоги и виноватости. Ей казалось, что она может и должна помочь, а почему-то не делает этого. Вместе с тем ей было ясно, что шабровщики обрабатывают такие труднодостигаемые поверхности, куда Настасья даже и не могла мечтать сунуться со своим шлифовальным кругом.

И все же она не переставала думать о том, что какой-то выход, безусловно, есть. Она злилась на себя за безграмотность и сердито ворочалась в темноте, пихая в бок подушку. Ей казалось, что если бы она была образованней и одолела науку, она обязательно нашла бы выход.

Взошла луна, комната озарилась зеленоватым печальным светом. За стеной оглушительно, как мотор, храпел дядя Григорий. Как смутно, как тревожно на душе! «Ах, дура, дура нескладная...» — сказала Настасья с тоской. Ничего она не может придумать...

Когда Иван Феоктистыч вернулся на рассвете с работы, жены уже не было дома. Николка спал, ровно дыша. Иван Феоктистыч потоптался по комнате — неуютно без Настасьи! И куда она ушла в такую рань?

А Настасья в это время сидела на табурете перед дверью, ведущей в комнату сменного инженера, и ждала его. Сменный прошел мимо нее, не заметив, но она тотчас же толкнулась вслед за ним и остановилась, испугавшись собственной настойчивости.

— Ну, что, Кузнецова? — спросил сменный устало. На скулах его горел кирпичный румянец, а в глазах был виден тот сухой, вялый блеск, какой всегда бывает у человека, не спавшего ночь.— Что скажете? — повторил он, слегка потягиваясь.

Сменный инженер уже готовился уходить и предвкушал, как он попьет дома горячего чаю, а потом залезет под одеяло, вытянется, почитает свежую газету...

Но Настасья говорила, и выражение задумчивости постепенно исчезало с лица инженера. Глаза его стали ясными, весь он подобрался и подался вперед, внимательно глядя в лицо Настасьи.

— Так-так-так...— быстро говорил он, вслушиваясь.— Значит, вы предлагаете обрабатывать клинья «ласточкиных хвостов» не шабером, а на шлифовальном станке? Оч-чень интересно! А как вы получите требуемый угол? Предлагаете поднять магнитный стол на заданный уклон? Так-так... Надо попробовать! А ну, давайте пройдем к станку...

Он выскочил из комнаты с такой быстротой, что Настасья даже смутилась. Она хотела подробно рассказать еще раз, как надо поднять и выверить стол, рассказать, сколько она передумала за эту ночь, как тревожилась, как у нее болело сердце... Ей было немножко грустно от того, что не получилось задушевной беседы, о которой она мечтала,— беседы, полной повторений, восклицаний, обстоятельных расспросов. Но в глубине души ей нравилось, что инженер так быстро понял суть идеи и зажегся ею, и уже мчался в своем развевающемся халате прямо к станку, чтобы быстрей опробовать, убедиться...

В цехе собирались рабочие утренней смены. Прошел флегматичный Вуколов, загребая на ходу длинными руками. Прошел старый Шамилешвили, веселый остряк Хоштария, Долидзе с щеками красными и твердыми, как яблоки... Настасья почти бежала, запыхавшись, потная от волнения и тревоги.

К середине дня уже весь завод знал, что Настасья Кузнецова взялась шлифовать на станке клинья «ласточкиных хвостов». Клинья были трудоемкими деталями. Освободившись от их обработки, шабровщики могли без особых усилий выполнить программу.

Целый день в тот конец цеха, где работала Настасья, под разными предлогами заглядывал народ. Ходили туда свои, захаживали и из соседних цехов. На расспросы Настасья отвечала коротко и словно нехотя.

— Ну, шлифую...— говорила она, поводя полным, круглым плечом.— Добилась, это, требуемого угла. Вполне обыкновенное дело!

И опять кто-то подходил с расспросами, и опять Настасья словно нехотя, но с удовольствием произносила звучные слова «требуемый угол» и, хмурясь, вглядывалась в станок, всем своим видом показывая, что у нее нет времени для разговоров.

Но когда она оставалась одна, она сияла. Все морщинки на полном ее лице светились, как лучи, счастьем, довольством, гордостью... Не отводя глаз от станка, она тихонько пела тоненьким голосом.

Это была та самая песня, которую пела она когда-то, возвращаясь вечером с поля домой. Она шла тогда босиком, с удовольствием ощущая под ногами теплую мягкую пыль дороги, глядела на звезды и пела, радуясь красоте ночи, радуясь труду, отдыху, самой жизни...

И сейчас она снова пела, старательно выводя мелодию тоненьким голоском. Она пела, не отводя глаз от станка, а золотые искры летели из-под светлого шлифовального круга, летели и осыпались бесшумно и пышно, словно звезды в августовскую ночь.

Депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда, председатель колхоза «Большевик» (Марыйская область, Туркменская ССР) Ага Юсуп Али со своими внуками.

Фото С. Фридлянда

X

Нед
НО

В конце прошлого
института имени И.
тели, студенты. На
второго промысла «
с большим интересо
новых методах экспл
Раньше нефтяны
в среднем 26 дней,
теперь скважины р
Министерство неф
тов. Кафарова на
тод при огромном ч
тельно сотни тысяч
рова с успехом пр
Казахстана и других
ная промышленност
1949 года, есть дол
последователей.

Слева: Ага Гусейн
вниз): Ага Гусейн К
ватор выступает с
джанском научном
бакинскому нефтяни
Ислам, врач-хирург,
нер первого промы
Гусейн, мастер про
знатный мастер отпр

…фтяник
…ВАТОР

…года в актовом зале Московского нефтяного …И. Губкина собрались профессора, преподава-…тот раз в качестве лектора выступал мастер …Кировнефть» Ага Гусейн Кафаров. Собравшиеся …м прослушали рассказ новатора-бакинца о его …оатации скважин.

…скважины на участке Кафарова работали …и после этого их приходилось ремонтировать; …ботают без ремонта по 150 дней.

…тяной промышленности СССР, обсудив доклад …заседании коллегии, признало, что его ме-…сле действующих скважин даст стране дополни-…онн нефти. Теперь опыт работы мастера Кафа-…меняют нефтяники Баку, Грозного, Туймазы, …нефтяных районов страны. И в том, что нефтя-… Советского Союза досрочно выполнила план …творческого труда Кафарова и многих его

НА СНИМКАХ:

…Кафаров у нефтяной вышки. Справа (сверху …фаров работает над чертежами; нефтяник-но-…окладом о методах своей работы в Азербай-…инженерно-техническом обществе; к старому …у Искандеру Кафарову пришли его дети: сын …дочь Зибар, педагог, сын Гусейн, главный инже-…сла треста «Орджоникидзенефть», и сын Ага …мысла «Кировнефть». На снимке внизу: …вляется на работу, его провожают жена и сын.

Фото Я. БЕРЛИНЕРА

Зимой
в Подмосковье.

Фотоэтюд
Б. Кузьмина

ПОД ЗНАКОМ КРИТИКИ И САМОКРИТИКИ

XIII ПЛЕНУМ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Широкие творческие конференции, совещания интеллигенции, на которых обсуждаются насущные проблемы развития советской культуры, смело критикуются недостатки, мешающие успешному развитию искусства, литературы, науки, стали замечательной чертой нашего советского образа жизни.

Такой широкой творческой конференцией был XIII Пленум Правления Союза советских писателей СССР, работавший с 25 января по 2 февраля.

На Пленум в Москву приехали представители 47 республиканских, краевых и областных писательских организаций. С трибуны переполненного зала Центрального дома работников искусств, где происходили заседания Пленума, выступали писатели старшего и младшего поколений, критики, научные работники, педагоги, представители редакций, издательств и др.

Первым обсуждался вопрос о состоянии узбекской советской литературы.

Идейный и творческий рост литературы Узбекской Советской Социалистической Республики, чье 25-летие недавно отметил советский народ, является знаменательным фактом, типичным и для других братских литератур. Факт этот свидетельствует о том великом значении для развития узбекской литературы, которое имели исторические постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам. Он свидетельствует также об успешной борьбе узбекских писателей против чуждых националистических и космополитических влияний, против идеализации феодальной старины, за решительный поворот к темам современности.

Докладчик, председатель Союза советских писателей Узбекистана тов. Ш. Рашидов, говорил о новых, положительных явлениях узбекской литературы. К ним можно отнести роман Айбека «Ветер из Золотой долины», правдиво рисующий, как партийные и непартийные большевики Узбекистана применяют в борьбе за хлопок достижения передовой агротехнической науки; стихи молодого талантливого поэта Аскада Мухтара, создавшего образ героя-узбека, впервые ставшего у мартена, чтобы добывать сталь; поэму Гафура Гуляма об Иосифе Виссарионовиче Сталине; реалистическую драму Уйгуна «Навбахор» — из жизни современного кишлака.

В докладе тов. Ш. Рашидова, особенно в содокладе Н. Тихонова и в развернувшихся прениях, были вскрыты серьезные изъяны узбекской прозы, поэзии, драматургии. Отступления от жизненной правды, архаическая форма изложения, надуманные, наивные и устарелые конфликты портят некоторые произведения узбекских писателей. Выступавшие отмечали также низкое качество переводов с узбекского и других языков на русский.

Достижения узбекской литературы были бы более значительны, а ее недостатки меньше, если бы Союз советских писателей СССР лучше руководил работой Союза писателей Узбекистана. На слабость руководства ССП СССР указывали также тт. А. Сирас (Армянская ССР), П. Ипатенко (Молдавская ССР), А. Ерикеев (Татарская АССР) и другие. Справедливость этой критики полностью признал секретарь правления ССП СССР тов. А. Софронов.

Большой интерес привлекли заседания, посвященные вопросам детской литературы. В них приняли участие наряду с литераторами педагоги, представители Министерства просвещения РСФСР, комсомольские и пионерские работники.

Доклад тов. К. Симонова и содоклад тов. А. Корнейчука обрисовали положение на этом важном участке литературного фронта.

Тт. Симонов и Корнейчук разбили лживую и вредную «теорию» о том, что у нас якобы нет большой детской литературы, нет притока в эту литературу новых молодых сил. Популярностью у юных читателей пользуются сегодня не только известные, много лет работающие в детской литературе писатели С. Маршак, А. Барто, С. Михалков, Л. Кассиль, но и такие новые имена, как И. Линкстанов, И. Василенко, А. Мусатов, Л. Воронкова, М. Прилежаева, В. Осеева, О. Хавкин, П. Воронько, М. Познанская, Ю. Збанацкий, В. Кашин. В книгах этих литераторов: «Малышок», «Звездочка», «Стожары», «Село Городище», «С тобой товарищи» и др. — правдиво отображен образ жизни наших ребят.

Вина Союза писателей, вина ведущих детских писателей тт. Маршака, Барто, Михалкова, Кассиля состоит в том, что они мало помогали молодым творческим кадрам детской литературы.

Важнейшие темы литературы для детей, имеющие огромное воспитательное значение,— это труд на заводах и на колхозных полях, жизнь и борьба деятелей большевистской партии и советского государства. Докладчики призывали разрабатывать эти темы неизмеримо шире и полнее, чем они разрабатывались до сих пор.

Тов. Симонов разоблачил фальшивую «романтику» некоторых произведений («Дальнее плавание» Р. Фраермана, «Великое противостояние» Л. Кассиля), эстетские взгляды иных писателей, порожденные преклонением перед американской и английской буржуазной детской литературой.

Выступавшие в прениях критиковали тов. Симонова за то, что он не уделил достаточно внимания школьной теме.

Заместитель министра просвещения РСФСР тов. Л. Дубровина правильно говорила о теме школьной учебы как об одной из важнейших тем, к которой должно быть все время приковано внимание писателей.

— Учение в школе само по себе есть труд,— сказала тов. Л. Дубровина,— и это главный труд, к которому призван наш школьник.

Ничего не сказал тов. Симонов и об изображении в детской литературе роли пионерской и комсомольской организаций, ведущих работу по коммунистическому воспитанию подрастающего поколения. На этот пробел доклада правильно указала редактор «Пионерской правды» З. Туманова.

Согласившись с рядом критических замечаний, сделанных в адрес Союза писателей и по его докладу, тов. Симонов сказал в заключение:

— Руководство детской литературой — это одна из самых важных обязанностей, которые нам поручены.

Особенно активно и горячо обсуждались на Пленуме задачи литературной критики. Да это и понятно! Весь ход Пленума подводил его участников к мысли, что развертывание боевой, партийной, принципиальной критики является сегодня самой важной гарантией дальнейших успехов всех отрядов советской литературы.

Делавший доклад о критике генеральный секретарь Союза писателей СССР тов. А. Фадеев подчеркнул, что ленинский принцип партийности — основа основ литературы строящегося коммунизма. Партия своей борьбой против буржуазного космополитизма расчистила дорогу для дальнейшего подъема художественной литературы и литературной критики. Партия преподала всем советским литераторам серьезные уроки партийности в оценке произведений художественной литературы. Вспомним статьи в партийной прессе о романе «Молодая гвардия», о повести «Дым отечества», о пьесах «Карьера Бекетова» и «Огненная река». Самый свежий пример — статья в «Правде» о романе Валентина Катаева «За власть Советов». В отличие от авторов других статей, появившихся в печати (в том числе и в журнале «Огонек»), автор статьи тов. М. Бубеннов не замазывает ошибок писателя, а прямо указывает на них.

Тов. А. Фадеев отметил, что за последние годы у нас появились серьезные исследовательские работы в области русской и национальных литератур (например, С. Макашина о Салтыкове-Щедрине, М. Полякова и В. Нечаевой о Белинском, Я. Эльсберга о Герцене, Г. Гусейнова по истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX века. Имеются отдельные интересные статьи и в журналах. Однако критика непростительно отстает от общего развития литературы. Чем это объясняется?

Отрыв части критиков от современности, недостаточная их воинственность в борьбе с зарубежной буржуазной идеологией, неумение обобщать литературные процессы, наконец, еще неизжитая групповщина, а порой и беспринципность — вот крупнейшие недостатки и слабости нашей литературной критики, с которыми надо решительно покончить.

— На отставании нашей литературной критики сказались недостатки в работе Союза писателей и редакторов журналов,— заявил тов. Фадеев.— Союз писателей, вместо того чтобы направлять критику, сам иногда делает крупные идейные ошибки и вносит путаницу в работу критиков.

Выступавшие в прениях по докладу тов. Фадеева тт. Г. Николаева, Т. Семушкин, Н. Грибачев, А. Софронов, К. Симонов, А. Сурков и другие проиллюстрировали правильность высказанных докладчиком соображений живыми примерами из литературной практики. Острой критике подвергли выступавшие Правление Союза писателей за то, что оно не сумело по-настоящему руководить работой критиков. Орган Союза писателей — «Литературная газета» — до сих пор не стал трибуной принципиальной большевистской литературно-критической мысли. Журнал «Октябрь» становился на путь групповщины, когда захваливал своих авторов, в том числе и своего главного редактора, и в то же время охаивал такие произведения, как «Буря», «Кружилиха», «Знаменосцы».

Многие выступавшие подчеркивали, что борьба с космополитизмом — не кратковременная кампания; ее надо вести постоянно, беспощадно разоблачая всякие проявления этой враждебной идеологии.

— Мы должны работать дальше, объединив все творческие усилия наших писателей и критиков, работать на страх врагам и на благо советской литературы,— сказал в заключительном слове тов. А. Фадеев.

Высокое сознание советскими писателями их ответственности перед партией и народом, непримиримость к недостаткам, столь ярко проявившиеся на Пленуме,— залог новых успехов литературы и литературной критики.

Пленум ввел в состав Правления Союза советских писателей тт. В. Ажаева, С. Бабаевского, М. Бубеннова, Н. Грибачева, В. Ермилова, Б. Полевого, Эм. Казакевича, В. Панову, А. Первенцева, А. Малышко, П. Бровка, А. Кулешова, М. Ибрагимова, М. Турсун-заде и М. Ауэзова.

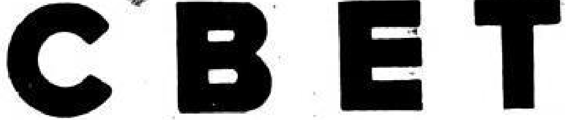
В Президиум Правления Союза дополнительно избраны тт. М. Бубеннов, Н. Грибачев, А. Первенцев, М. Турсун-заде, П. Бровка, Б. Полевой и М. Ибрагимов.

Тт. А. Сурков и Ф. Панферов избраны в состав секретариата Союза советских писателей.

В зале заседаний XIII Пленума Правления Союза советских писателей СССР. Фото В. Евграфова

Кирилл **АНДРЕЕВ**

Если бы художнику с большим опытом и одаренному богатой фантазией предложили написать картину под названием «Холодный свет», он изобразил бы на зачерненном полотне и тусклое сиянье фосфора и крохотную зеленоватую звездочку светлячка, у которого хватает силы лишь на освещение самого себя. Он разбросал бы по темному фону яркие фонарики тропических насекомых, а ниже нарисовал бы озаренное изнутри живыми искрами южное море и освещенный брызгами пены корабль с волшебными огнями святого Эльма на концах рей и мачт.

Где-то внизу картины возникла бы подводная страна, расцвеченная вспышками света. Рыбы с громадными, телескопическими глазами, едва умещающимися на голове, плыли бы в тусклой полутьме этого странного мира. За ними мчались бы чудовища с созвездиями огней, расположенными вдоль их вытянутого тела.

В верхней части огромного холста, на черном небе, художник нарисовал бы многоцветную корону полярного сияния, его пылающие стрелы, летящие к зениту, его безмолвно колышащийся занавес, горящий холодным пламенем. А еще выше, в абсолютной тьме мирового пространства, он изобразил бы развевающиеся хвосты комет и бледные, прозрачные газовые туманности, мчащиеся между звезд.

Но ему не удалось бы закончить картину. Роясь в книгах, он узнал бы, что есть еще второй мир холодного света, созданный людьми. И этот мир столь огромен, что его нельзя уместить ни на каком полотне...

* * *

— Вот это и есть ваша чудесная лаборатория? — спрашивает немного растерявшийся посетитель.

Перед ним просторная и светлая комната с простыми лабораторными столами и несколькими шкафами. Нет ни машин, ни сложных механизмов и аппаратов, поражающих воображение. На столе какой-то ящик, несколько стеклянных банок и, повидимому, забытая кем-то детская картинка: Иван-царевич ловит Жар-птицу.

Сотрудник лаборатории, повидимому, понимает состояние гостя. Слегка улыбаясь, он говорит:

— Здесь наш демонстрационный зал. Вот лампа видимого и невидимого света. В этих банках растворы красок: эскулин, родамин, флуоресцин. В шкафу минеральные фосфоры и тушители. Вот, пожалуй, и все наше оборудование, все наши секреты.

Любезный ученый изо всех сил ищет что-нибудь, что могло бы дать пищу воображению посетителя. Но лампа оказывается обыкновенной кварцевой, а растворы в огромных банках походят на лекарства. И посетителю кажется, что он попал по ошибке в заднюю комнату аптеки, где делают мази и пилюли, развешивают порошки и смешивают микстуры.

— Но это, вероятно, нечто вроде...— посетитель ищет слова, он не хочет обидеть гостеприимного хозяина,— нечто вроде подсобного помещения? Настоящая лаборатория, вероятно, дальше?

— Нет, почему же. Иногда здесь мы проделываем наши основные опыты, проникаем в глубь вещества, разгадываем загадки света, создаем самые отвлеченные теории, которые с железной необходимостью ведут нас к сугубо практическим выводам...

Так, наконец, начинается длинный разговор с ученым. И если посетитель хотя бы немного знает физику, то перед ним откроется чудесный мир, где действуют частицы в миллиарды раз меньше самой крохотной пылинки, где светит невидимый свет и неустанно бушует необъятный океан электромагнитных волн.

— ...и мы слишком привыкли к «горячему свету», чтобы замечать его несовершенство,— говорит ученый.— Солнце и спичка, электрическая лампочка и дуговой фонарь прожектора — все они рождают свет за счет тепла. Но что такое тепло? Это хаотическое движение молекул, это буря, бушующая в запертом помещении. Какая ничтожно малая часть этой энергии превращается в свет! Световой коэфициент солнца не превышает тринадцати процентов. А обыкновенная лампочка? Мы называем ее почти идеальной, когда она отдает нам в виде света едва три процента своей энергии!

А теперь взгляните сюда. Вот целый мир холодного света, люминесценции, как называем его мы, ученые.

На широкие окна опускаются плотные шторы, свет гаснет. В углу загорается неяркая лампа с удивительно неприятным светом, который странно слепит глаза. В стеклянные банки с водой, стоящие на столе, подливается немного жидкости из бутылей, и подкрашенная вода вдруг начинает светиться: в одной банке — нежным синеватым огнем, в другой — желто-оранжевым, в третьей — зеленоватым.

— Вы понимаете, что здесь происходит? — спрашивает ученый.

— Ну, да,— немного неуверенно отвечает посетитель.— Лучи этой лампы не только освещают жидкость, но и возбуждают в ней собственное свечение. И при этом,— он прикладывает руку к холодной стенке банки,— не выделяется тепло.

— Эта ртутная лампа,— объясняет хозяин лаборатории,— излучает очень мало света в видимом спектре и по преимуществу дает лучи ультрафиолетовые, невидимые глазом, но обладающие очень большой энергией. Я показал вам люминесценцию жидкостей, а вот пример свечения твердых люминофоров.

Ученый берет со стола детскую картинку и подносит к лампе. Жарким огнем вспыхивает птица, и огненно-золотым светом загорается перо в руках Ивана-царевича.

— Вспомним, что представляет собой молекула любого органического вещества. Это очень сложное сооружение из атомов, колеблющихся, как маятники, и электрических зарядов. Достаточно возбудить такую молекулу, как она выйдет из равновесия, зарядится энергией, как натянутая струна, или, если угодно, как взведенный курок. Но это состояние неустойчиво: проходит несколько мгновений, и каждая молекула выстреливает лучом света, но уже не туда, откуда пришло возбуждение, а в любом направлении, так как молекулы все время вращаются и движутся. Это послесвечение мы и называем люминесценцией.

Просто? Но насколько проста сущность этого явления, настолько сложно объяснение подробностей. Для этого понадобилось много лет работы, несколько тысяч или десятков тысяч опытов и три главных качества, которых требовал от настоящего исследователя Павлов: наблюдательность, наблюдательность и еще раз наблюдательность...

— Любопытное явление! — говорит гость.— Но стоит ли оно стольких сил: оно так редко и так далеко от практики!..

— Редко? — сердится ученый.— Ну-ка, взгляните на свет этой лампы сквозь черное стекло!

Перед глазами посетителя возникает голубоватая светящаяся дымка, похожая на табачный дым, внезапно наполнивший комнату.

— Это люминесценция вашего собственного глаза. Холодное свечение обнаружено у таких довольно распространенных веществ, как керосин, одеколон, хинин. Что же касается практического применения, то вам следует посмотреть наш музей.

Посетитель невольно закрывает глаза рукой: так ярок дневной свет. Перед ним огромная амфилада комнат.

* * *

Вероятно, вы видели обыкновенный рентгеновский аппарат, примерно такой, как этот, и даже просвечивались. Но подумали ли вы, видя на экране свои внутренние органы и кости, что этот экран покрыт слоем светоносного вещества — люминофора, который светится под ударами невидимых лучей, прошедших сквозь ваше тело?

Вот катодный осциллограф, прибор, без которого немыслима современная физическая лаборатория. Мы можем с его помощью исследовать быстротекущие процессы, длящиеся миллионные доли секунды.

Экраны осциллографа, телевизора, электронного микроскопа, радиолокатора также покрыты слоем люминофора.

А ведь это всего лишь вещества, светящиеся под действием видимого и невидимого света. А целый мир холодных разрядов в газах и парах?

Видели ли вы светящиеся надписи, украшающие улицы и витрины больших городов? В изогнутых трубках, из которых сделаны буквы, дрожит оранжевое или синеватое пламя. Это электроны, летящие со скоростью сто тысяч километров в секунду, сталкиваются с атомами разреженного газа и заставляют его светиться.

Вот обыкновенная ртутная лампа. В ее парах рождается невидимое свечение — могучие ультрафиолетовые лучи, недоступные нашему глазу. Обычное стекло — для этих лучей неодолимая преграда, и, чтобы выпустить ультрафиолет наружу, в лампы вставляют кварц — самое прозрачное вещество на земле. Лучи кварцевой лампы благодетельны для человека: они убивают микробов, обеззараживают продукты, наводят на кожу чудесный коричневый загар, исцеляют раны и опухоли.

И в то же самое время эта лампа может стать чудесным глазом. Вооруженный ею ученый, разбирая, как сложный шифр, вспышки и переливы цветных холодных огней, словно приобретает второе зрение, позволяющее заглянуть в невидимое. С помощью люминесцентного анализа можно определять сорта сахара и патоки, отыскивать в муке вредные примеси, проверять качество древесины, изучать льняные, шелковые, бумажные и вискозные ткани.

Вот зал моделей: взгляните на этот намагниченный железный шар, помещенный в стеклянном сосуде, откуда выкачан воздух. Включим ток; видите, как слабое сиянье двумя венками окаймляет полюсы этого металлического глобуса? Это модель полярного сиянья. Совершенно так же электроны, летящие от солнца, сталкиваясь с атомами разреженного газа в верхних слоях атмосферы, заставляют их излучать свет.

Дальше — зал хемилюминесценции, в котором демонстрируется свечение некоторых веществ при окислении. Так рождаются блеск светящихся бактерий, тусклое свечение гнилушек и грибов, огоньки светлячков, сверкание глубоководных рыб...

Но здесь мы расстанемся с любезным ученым и его любопытным гостем. Воображаемая прогулка по фантастическому музею и так заняла слишком много времени.

* * *

...Электрический ток — это организованный поток электронов, похожий на отряд солдат, идущий в боевом порядке. Как неразумно превращать эту могучую целеустремленную энергию в тепловую бурю молекул, что бушует в раскаленном волоске электрической лампочки и лишь в очень малой доле превращается в свет!

Холодным огнем сверкают разрядные трубки, где направленный пучок электронов бомбардирует атомы газа: огромным коэфициентом светоотдачи обладают пары натрия и ртути. Но ртутные лампы дают голубовато-зеленое освещение, искажающее цвета предметов, и бесплодно разбрасывают в пространство невидимые лучи. Натрий излучает свет, при котором почти все цвета становятся тусклочерными.

Как же сочетать высокий коэфициент полезного действия с цветом, похожим на солнечный? Как зажечь лампы холодного дневного света не только в лабораториях, но и в цехах, шахтах, музеях, домах?

Путь к решению этой задачи еще в 1931 году указал академик Сергей Иванович Вавилов. Его многолетние исследования раскрыли природу люминесценции.

Исследуя холодное свечение, мы узнаем законы жизни молекул и атомов, проникаем в недра вещества, заставляя скрытые силы материи служить нам. И советские люминесцентные лампы дневного и белого света родились из тесного сочетания самой высокой теоретической науки и повседневной практики наших заводов.

В этом большая заслуга ученых и инженеров Всесоюзного электротехнического института.

Вот она, небольшая трубочка молочно-белого стекла. Устройство ее очень просто: в ней нет волоска, который может перегореть,— только пары ртути с небольшой примесью аргона и тонкий слой люминофора, нанесенный на стенки изнутри. Более 90% всего излучения лампы приходится на долю ультрафиолетовых лучей. Но, вспыхивая за счет этого невидимого света, люминофор начинает светиться мягким белым огнем, настолько похожим на рассеянный дневной свет, что все цвета и оттенки кажутся нам почти неизменившимися.

Цехи Трехгорного комбината уже освещены лампами дневного света. И, вне всякой зависимости от смены, от времени суток, всегда на своих местах художники, колористы, граверы, контролеры; и день и ночь стекают со станков шуршащие реки материй чудесных расцветок.

Из зимней мглы морозного дня шахтеры спускаются в шахты и штольни, озаренные волшебным огнем вечно немеркнущего дня. Из мрачного подземелья горные выработки превращаются в чертоги холодного огня. Темными искрами сверкают пласты угля, цветными узорами блестят обнаженные горные породы.

Ночью цехи больших заводов, не нуждающиеся в освещении, походят на театральную декорацию. Красными, голубыми, оранжевыми и тусклолимонными огнями вспыхивают циферблаты и шкалы указательных приборов, рубильники и кнопки, окрашенные самосветящейся краской.

Не слабеет с темнотой поток посетителей ленинградского Эрмитажа, где в ясном и холодном свете вечного дня вновь и вновь расцветают бессмертные краски великих художников.

И привыкшие ко всему москвичи все же поражаются, попав на новые станции метро, где простые белые трубочки люминесцентных ламп собраны в гирлянды, целыми созвездиями разбросаны по стенам и потолку, и огонь дрожит и бьется, замурованный в сосуды из толстостенного стекла.

Весь этот необыкновенный мир новой природы, созданный человеком,— лишь отблеск завтрашнего дня.

Мир завтрашнего дня будет миром света. И завтра нам будет мало того, что холодный свет взят нами в плен: мы захотим полной победы над светом.

Мы научимся ловить лучи солнца и превращать их в реки электрической энергии, как об этом мечтал Столетов. Мы научимся лучами света превращать мертвую материю в органическое вещество, как об этом мечтал Тимирязев. Мы научимся заряжать люминофоры не только от специальных ламп или электрического тока, но и прямо от солнца заставим их высвечиваться в течение многих часов, как об этом мечтаем сегодня.

Самый свет станет как бы строительным материалом. Он уже виден, этот мир завтрашнего дня. Вечные маяки будут гореть на берегах морей и на вершинах гор. Сверкающие дороги соединят города, где стены домов и мостовые будут по ночам напоминать декорации фантастического спектакля. Светящиеся памятники великим строителям коммунизма будут воздвигнуты в садах. И живым огнем будут написаны картины художников, изображающих наш блистательный день.

Лампы холодного света на новой станции «Курская» московского метро.

ДЖОРДАНО БРУНО

Триста пятьдесят лет назад, 17 февраля 1600 года, римская инквизиция сожгла на костре великого ученого, неукротимого борца против средневекового мракобесия и невежества — Джордано Бруно.

Он десять лет провел в доминиканском монастыре. Неутолимая жажда знаний вела юношу от чтения писаний «святых» отцов к изучению философии и естественных наук. Тайком в своей келье он познакомился с бессмертной книгой Николая Коперника «О вращении небесных тел», и она захватила воображение Бруно.

Николай Коперник разрушил древнее представление о Земле, как о неподвижном центре вселенной, которое католическая церковь приспособила к своим нуждам. «Посредине всех планет господствует Солнце»,— писал великий астроном.

Коперник совершил величайший переворот во взглядах людей на устройство мира, но не избавился до конца от влияния древнегреческой астрономии. По мнению Коперника, за пределами самой дальней планеты солнечной системы начинается «хрустальная сфера», некая граница мироздания. Бруно разбил эту воображаемую стену и бесстрашно вышел в безграничные просторы вселенной. Позже, в книге «О бесконечности вселенной и мирах», богатой гениальными догадками, он развил взгляды Коперника и предвосхитил многое из того, что теоретически обосновало и проверило на опыте современное естествознание.

Земля, утверждал Бруно в своем труде, вместе с другими планетами вращается вокруг Солнца. Но солнечный мир — это песчинка, затерянная в пустынях бесконечности, наполненных миллионами миллионов миров. Бесконечны пространства вселенной, неисчислимы миры. Совершая извечный круговорот, подчиняясь в движении законам мироздания, одни из них возникают, другие гибнут.

Для молодого последователя Коперника наступила пора борьбы за новое, научное мировоззрение. От вездесущих инквизиторов не укрылось, что брат Джордано позволяет себе отступления от канонов веры. Против него возбудили обвинение в ереси. Обвинительный акт содержал сто тридцать пунктов. Шпионы обнаружили у Бруно запретные книги великих гуманистов. Ему грозили застенки инквизиции, и он бежал из монастыря в Рим, а оттуда, скинув монашеское одеяние, пробрался в Геную. Час испытаний пробил, началась жизнь, полная скитаний, лишений, опасностей, жизнь изгнанника, вечно преследуемого папскими ищейками.

Шестнадцать лет колесил Джордано по Европе. Франция, Англия, Германия, Швейцария — всюду побывал мужественный мыслитель, смело проповедуя новое учение. Его стремительная речь, его ирония, глубина его познаний, его несравненное искусство спорщика собирали толпы друзей и учеников. Страстная пропаганда идей Коперника находила отклик в сердцах молодежи, в умах мыслящих людей.

Шестнадцать лет Джордано, отдавшись борьбе, бесстрашно нес в народ слова истины. Эти годы были вместе с тем временем плодотворного научного труда. Гений провидца сочетался в нем с темпераментом политического борца. Обрушиваясь на схоластическую лженауку, раскрывая несостоятельность ее построения, он резко бичевал нравы и пороки католического духовенства и феодального общества.

В сатирическом произведении «Изгнание торжествующего зверя» он утверждал новую нравственность, не имеющую ничего общего со средневековым лицемерием и узостью. Злая насмешка и уничтожающее презрение к папе сливаются в этой книге с уверенностью в победе истинной справедливости.

Великий борец против папства и средневековой схоластики расчищал путь естествознанию и материалистической философии нового времени. Низвергая средневековое мировоззрение, Бруно выступил, как зачинатель новой философии. Недаром Фридрих Энгельс называл его гигантом учености, духа и характера.

Огнем и мечом подавлял папа всякую попытку умалить его авторитет. Вечный скиталец, Джордано Бруно не миновал печальной участи многих своих современников. Его заманили в Италию...

Впервые публикуемые нами на русском языке материалы и документы — доносы предателя Мочениго, выдержки из протоколов допроса Джордано Бруно венецианской и римской инквизицией, приговор и другие — рисуют последние драматические страницы жизни великого мыслителя.

Эти документы не потеряли своей актуальности и сегодня.

Ватикан, как и встарь, остался цитаделью духовного гнёта, предрассудков и суеверий.

Как и в прежние времена, «священная» канцелярия выпускает индексы — списки книг, которых не смеет читать ни один католик, иначе его обвинят в смертном грехе и отлучат от церкви. Этот постоянно пополняемый со многими тысячами названий индекс налагает запрет не только на коммунистическую литературу, но и на передовые произведения философов, ученых, писателей и поэтов всех времен и народов,— Канта, Дефо, Декарта, Спинозы, Флобера, Гейне, Золя.

В июле прошлого года по указке Уолл-стрита, на средства которого содержится шайка в кардинальских мантиях, римский папа издал эдикт, отлучающий от церкви всех коммунистов и им сочувствующих, запрещающий браки с ними тем, кто исповедует католическую религию.

Папа и его свора неизменно стоят во главе черных сил реакции, вдохновляют и оплачивают заговоры, направленные против прогрессивного человечества. Как и столетия назад, в их арсенале испытанное оружие — ложь, клевета, анафема, подкуп. И не вина папы, что он лишился такого средства «умиротворения», как костер.

ДОНОСЫ МОЧЕНИГО

Я, Цуан Мочениго, сын светлейшего Марко Антонио, доношу, по долгу совести и по приказанию духовника, о том, что много раз слышал от Джордано Бруно Ноланца, когда беседовал с ним в своем доме, что ему не нравится никакая религия; что Христос был обманщиком и совершал обманы для совращения народа, и поэтому легко мог предвидеть, что будет повешен; что мир вечен и существуют бесконечные миры, что возмездия за грехи не существует; что, подобно тому, как рождаются животные, таким же образом рождаются и люди.

Он рассказывал о своем намерении стать основателем новой секты под названием: новая фи-

лософия. Он говорил, что дева не могла родить; что надо прекратить богословские препирательства и отнять доходы у монахов, так как они позорят мир; что все они ослы; что все наши мнения являются учением ослов; что у нас нет доказательства, имеет ли наша вера заслуги перед богом; что для добродетельной жизни совершенно достаточно не делать другим того, чего не желаешь себе самому; что он удивляется, как бог терпит столько ересей католиков.

Он сообщил, что уже раньше был обвинен инквизицией в Риме и, если бы не скрылся, был бы схвачен.

Я брал на заметку все его взгляды, чтобы сделать донос вашему преосвященству, но опасался, чтобы он не уехал, как он собирался, по его словам, сделать. Поэтому я запер его в комнате, чтобы задержать, и так как считаю его одержимым демонами, то прошу поскорее принять против него меры.

Он посещал также академию Андреа Морозини, сына светлейшего Джакомо, где собирались многие дворяне. Они также, вероятно, слышали многое из того, что он говорил.

23 мая 1592 года.

Так как мне приказано вашим преосвященством внимательно обдумать и припомнить все, что приходилось слышать от Джордано Бруно противного нашей католической вере, то я припомнил слышанное от него, кроме уже донесенного мною письменно вашему преосвященству: что в настоящее время тех, кто не желает быть католиком, подвергают пыткам и казням, ибо ныне действуют насилием, а не любовью, и такое состояние мира не может более продолжаться, ибо процветает невежество и нет ни одной хорошей религии; что так долго продолжаться не может и скоро мир увидит всеобщее преобразование, ибо совершенно невозможно, чтобы такая испорченность могла долее существовать.

Он говорил также, что не знает времени, когда процветало бы большее невежество в мире, чем теперь; что некоторые хвастают, будто обладают большей мудростью, чем на деле у них имеется, так как уверяют, будто знают то, чего сами не понимают, например, что бог един и вместе с тем троичен, а это нелепость, невежество.

В другой раз он сказал, что не понимает, как эта республика, которую он считает самой мудрой, допускает, чтобы монахи владели такими богатствами. Монахи сплошь ослы, и позволять им пользоваться такими благами — величайший грех.

29 мая 1592 года.

ДОПРОСЫ

ПЕРВЫЙ ДОПРОС

Председатель — Алоизи Фускари. Присутствовали: Лодовико Таберна, апостолический нунций; Лауренцио Приули, патриарх Венеции; Габриэле Салюцци, магистр-инквизитор.

В присутствии указанных лиц был введен человек среднего роста, с каштановой бородой, на вид лет сорока. Ему предложено принести присягу. Он поклялся.

Сказал: «Я буду говорить правду. Много раз мне угрожали предать суду этой святой службы. Я всегда считал это шуткой, ибо готов дать отчет о себе».

Добавил: «В прошлом году, когда я находился во Франкфурте, я получил два письма от синьора Джованни Мочениго, венецианского дворянина. В них он приглашал меня приехать в Венецию, желая, как он писал, чтобы я обучил его искусству памяти и изобретательности, обещая мне хороший прием и уверяя, что я буду прекрасно вознагражден. Я приехал семь или восемь месяцев назад. Убедившись, что я выполнил свои обязательства, полностью обучил его всему, чего он от меня требовал, я решил вернуться во Франкфурт, чтобы издать некоторые свои работы, и в прошлый четверг я попросил у него разрешения уехать. Он всеми силами старался удержать меня. Когда же я решительно настаивал на своем желании уехать, он начал угрожать, заявляя, что если я не пожелаю остаться добровольно, он найдет способ задержать меня.

На следующий день — это была пятница, — синьор Джованни явился ко мне ночью, когда я уже был в постели, под предлогом, будто хочет поговорить со мною. Когда он вошел, с ним оказался его слуга по имени Бартоло и еще человек пять или шесть, как я полагаю, гондольеров, которые проживают по соседству.

Он заставил меня подняться с постели и отвел на чердак. Там меня оставили взаперти до следующего дня. Затем явился капитан с несколькими неизвестными мне людьми и велел им отвести меня вниз в подвал, где меня продержали до ночи. После этого явился другой капитан и отвел меня в тюрьму святой службы. Я убежден, что меня подвергли заключению стараниями означенного Джованни. Он питал злобу против меня и, повидимому, сделал на меня какой-то донос».

26 мая 1592 года.

ВТОРОЙ ДОПРОС

Спрошенный: «Преподавал ли, признавал и обсуждал публично или частным образом в своих чтениях в различных городах, как сообщал в других своих показаниях, положения, противоречащие и враждебные католической вере и установлениям святой римской церкви?

Ответил: «Непосредственно я не учил тому, что противоречит христианской религии, хотя косвенным образом выступал против.

Со всеми моими тезисами можно познакомиться на основании того, что напечатано в последних моих латинских книгах, изданных во Франкфурте под заглавиями: «О минимуме», «О монаде», «О безмерном и бесчисленных» и «О построении образов».

Итак, я провозглашаю существование бесчисленных отдельных миров, подобных миру этой Земли. Вместе с Пифагором я считаю ее светилом, подобным луне, другим планетам, другим звездам, число которых бесконечно. Все эти небесные тела составляют бесчисленные миры. Они образуют бесконечную вселенную в бесконечном пространстве. Это называется бесконечной вселенной, в которой находятся бесчисленные миры. Таким образом, есть двоякого рода бесконечность — бесконечная величина вселенной и бесконечное множество миров, — и отсюда косвенным образом вытекает отрицание истины, основанной на вере».

2 июня 1592 года.

Допрос Джордано Бруно длился с 26 мая по 30 июля. Следователь — инквизитор Салюцци — добился его выдачи римской инквизиции как закоренелого еретика.

В феврале 1593 года закованного в цепи Джордано перевезли в Рим и бросили в застенок.

Около восьми лет его продержали в тюрьме римской инквизиции. Но ни пытки, ни увещевания не могли сломить его воли и мужества. Оставалось одно — уничтожить его.

8 февраля 1600 года палач ввел в зал Джордано Бруно в одежде кающегося грешника с горящей свечой в руках и веревкой на шее и поставил на колени перед кардиналами — советниками инквизиции. Нотарий прочел вынесенный ими приговор.

ПРИГОВОР

Ты, брат Джордано Бруно, сын покойного Джованни Бруно, из Нолы, возраста же твоего около 52 лет, уже восемь лет назад был привлечен к суду святой службы.

После того как были рассмотрены и обсуждены ведущийся против тебя процесс и собственные твои признания в заблуждениях и ересях, твое упорство и непреклонность, ибо ты отрицал, что они являются заблуждениями и ересями, как и все остальные предметы, подлежащие рассмотрению и обсуждению, — дело твое было сперва поставлено на рассмотрение нашей генеральной конгрегации, происходившей в присутствии его святейшества, нашего владыки, 20 января сего года, и после голосования и обсуждения мы выносим нижеследующий приговор.

Называем, провозглашаем, осуждаем, объявляем тебя, брат Джордано Бруно, нераскаянным, упорным и непреклонным еретиком. Посему ты подлежишь всем осуждениям церкви и карам, согласно святым канонам, законам и установлениям как общим, так и частным, относящимся к подобным явным, нераскаянным, упорным и непреклонным еретикам. И, как такового, мы тебя извергаем словесно из духовного сана и объявляем, чтобы ты и в действительности был, согласно нашему приказанию и повелению, лишен всякого великого и малого церковного сана, в каком бы ни находился доныне согласно установлениям святых канонов. Ты должен быть отлучен, как мы тебя отлучаем, от нашего церковного сонма и от нашей святой и непорочной церкви, милосердия которой ты оказался недостойным. Ты должен быть предан светскому суду, и посему мы тебя предаем суду монсиньора губернатора Рима, здесь присутствующего, дабы он тебя покарал подобающей казнью, причем усиленно молим, да будет ему угодно смягчить суровость законов, относящихся к казни над твоею личностью, и да будет она без опасности смерти и членовредительства.

Сверх того, осуждаем, порицаем и запрещаем все вышеуказанные и иные твои книги и писания, как еретические и ошибочные, заключающие в себе многочисленные ереси и заблуждения. Повелеваем, чтобы отныне все твои книги, какие находятся в святой службе и в будущем попадут в ее руки, были публично разрываемы и сжигаемы на площади св. Петра перед ступенями, и как таковые были внесены в список запрещенных книг, и да будет так, как мы повелели.

Так мы говорим, возвещаем, приговариваем, объявляем, извергаем из сана, приказываем и повелеваем, отлучаем, передаем и молим, поступая в этом и во всем остальном несравненно более мягким образом, нежели с полным основанием могли бы и должны были бы.

Сие провозглашаем мы, кардиналы, генеральные инквизиторы, поименованные ниже:

Лодовико Мадруцци, Джулио Антонио Сансеверина, Пьетро Деза, Доменико Пинелли, Джеронимо Аскулано, Лючио Сассо, Камилло Боргезе, Помпео Аригони, Роберто Беллармино.

8 февраля 1600 года.

Когда нотарий кончил читать, Бруно поднялся с колен, выпрямился и сказал:

— Вы с большим страхом произносите приговор, чем я выслушиваю его.

СОЖЖЕНИЕ

Сегодня в два часа ночи братству было сообщено, что утром должно совершиться правосудие над некиим нераскаянным. Поэтому в шесть часов утра отцы-духовники и капеллан собрались в церкви св. Урсулы и направились к тюрьме в башне Нона, вошли в нашу капеллу и совершили обычные молитвы, так как там находился нижеуказанный приговоренный, к смерти осужденный, а именно: Джордано, сын покойного Бруно, брат-отступник, Ноланец из Неаполитанского королевства, нераскаянный еретик.

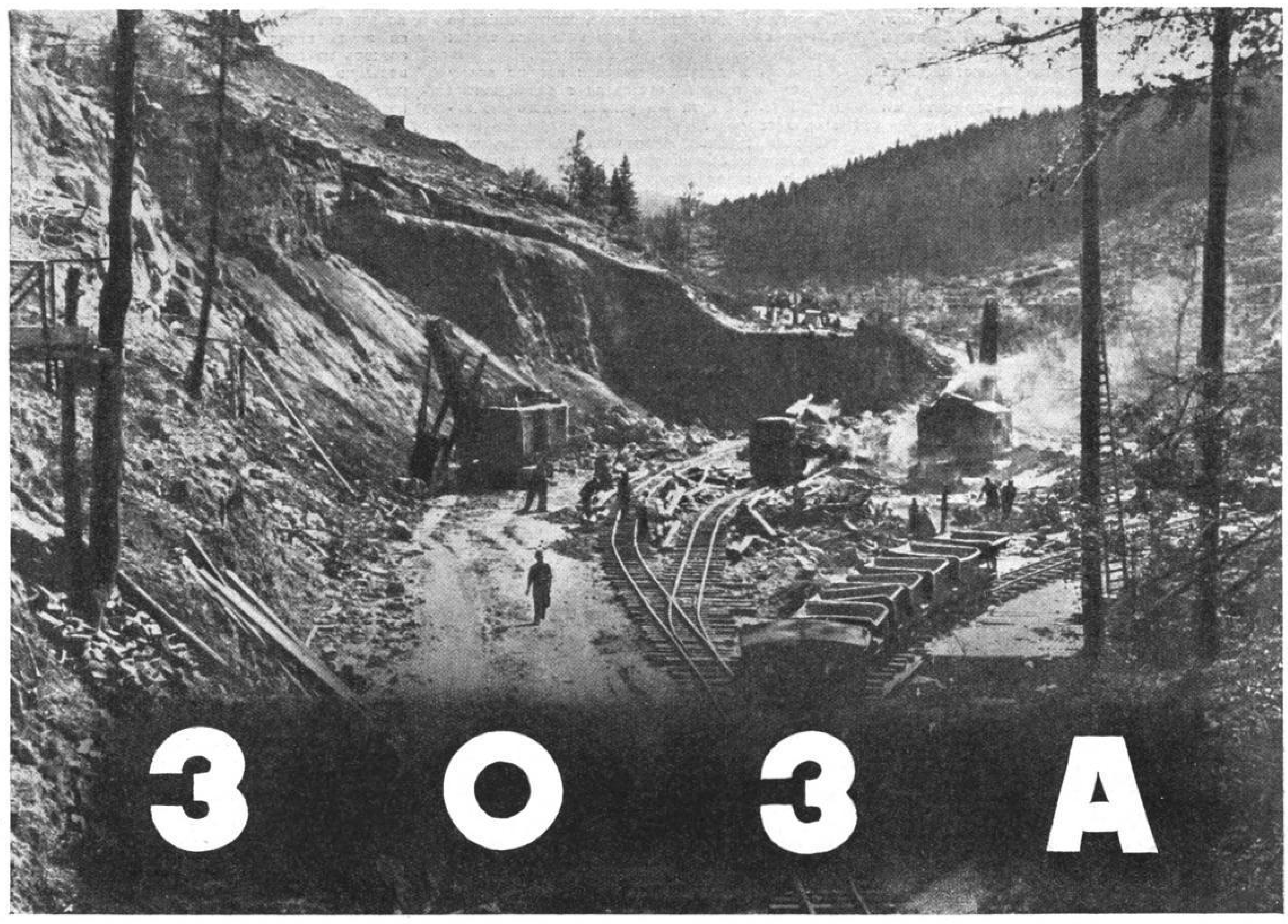
Наши братья увещевали его со всяческой любовью и вызвали двух доминиканцев, двух иезуитов из Новой церкви и одного из церкви св. Иеронима, которые со всяческим снисхождением и великой ученостью разъясняли ему его заблуждение, но в конце концов вынуждены были отступиться перед его проклятым упорством, ибо мозг и рассудок его вскружены тысячами заблуждений и суетностью.

Так он упорствовал в своей непреклонности, пока слуги правосудия не повели его на площадь Цветов, обнажили и, привязав к столбу, сожгли живым, причем наше братство все время находилось при нем, воспевая литании, а духовники увещевали его до последнего момента, убеждая отказаться от упорства.

16 февраля 1600 года.
(Донесение братства усекновения главы Иоанна Крестителя)

В четверг утром на площади Цветов сожжен живым преступник брат-доминиканец Ноланец, о котором сообщали раньше: что наиупорнейший еретик, создавший по своему произволу различные догматы против нашей веры и, в частности, против святейшей девы и святых, упорно желал умереть, оставаясь преступником, и говорил, что умирает мучеником.

(«Аввизи ди Рома». 19 февраля 1600 года.)

Южная часть стройки. Здесь будет озеро глубиной в 50 метров.

ЗОЗА

Вл. РУДИМ

Мы подъезжали к народной стройке Зоза в высокогорном районе Германии, недалеко от чехословацкой границы.

Широкая и глубокая долина открылась нашему взору, когда мы поднялись по проселочной дороге на самый верх холма, поросшего соснами. Хотя солнце уже стояло над лесом, в долине еще клубился туман. По дну ее тянулась разветвленная узкоколейка, медленно сновали паровозики, толкая впереди себя составы вагонеток.

Несколько экскаваторов вгрызались в грунт железными челюстями. С южной стороны в долину непрерывно вливались группы людей. Карабкаясь по противоположному склону вверх, они шли на раскорчевку леса. Люди приехали из окрестных городов и деревень Саксонии на воскресник.

Все внизу — и машины и люди — казалось игрушечным. И совсем не видно было на дне долины маленькой речушки, почти ручья, который, после того как он упрется в будущую плотину, образует здесь большое озеро и даст воду многим промышленным предприятиям и жилищам.

— Теперь у нас дела идут на лад,— сказал нам Эрих Зельбман, представитель народного строительного предприятия. — Совсем не то, что в первые дни, когда трудности кое-кого испугали...

ПЕРВЫЕ ДНИ

В мае 1949 года на стройке появились первые партии рабочих с рюкзаками за плечами. Они поднялись на тот самый холм, где сейчас стояли мы, и увидели долину, покрытую густым лесом, и утесы, на которых росли сосны, цепко обхватив камни корнями.

Ни экскаваторов, ни паровозов еще не было. Не было даже бараков: спать предстояло под открытым небом.

Приехавших охватило уныние. Руководителю группы, инструктору земельного правления СЕПГ Гельмуту Дагинтен и нескольким его товарищам стоило немалых усилий уговорить людей начать подготовку к ночлегу. Вскоре на вершине холма зажглись костры, возникли небольшие шалашики из веток.

И вот тогда Гельмут Дагинтен собрал людей к костру и прочел им несколько отрывков из книги, которая сделалась потом самой любимой книгой строителей плотины. Это был роман Николая Островского «Как закалялась сталь».

— Я никогда не забуду этого вечера,— вспоминает сейчас активист стройки, бурильщик Вальтер Шетциг. — Я впервые слушал, как киевские комсомольцы в невероятно трудных условиях прокладывали узкоколейку, спасая город от холода. Мне кажется, что многим из нас в те минуты стало стыдно своего малодушия. Я не знаю другой книги, способной так укреплять волю человека...

В долине стучали топоры, падали высокие ели. На стройку все прибывали новые люди, инструмент, материалы. За два месяца построили бараки площадью в 14 тысяч квадратных метров, доставили 5 тысяч коек для рабочих.

Строительство плотины Зоза стало реальным фактом.

Проект этой плотины существовал еще с 1908 года, но капиталистическая Германия не могла его осуществить. Сейчас строители плотины работают в условиях Германской демократической республики, их воодушевляют рассказы о народных стройках Страны Советов — Ферганском и Невинномысском каналах, оросивших сотни тысяч гектаров земель, превращенных ныне в цветущие края...

АКТИВИСТЫ

— Это не будет преувеличением,— заявил нам руководитель народной стройки,— если я скажу, что здесь растут настоящие новые люди. Коллективный труд и сознание того, что народ теперь трудится на себя, будят инициативу и удваивают силы строителей...

Мы прошли всю долину с юга на север и познакомились со многими активистами, имена которых уже знает вся стройка.

Вот молодой, подвижной Отто Генрих — электрик. Он прибыл в Зозу из Дрездена и в два дня провел на стройку электричество. Теперь всюду, внизу и на вершинах правого и левого холмов, поднимающихся почти на сто метров, горят электрические огни и работа ведется круглые сутки...

Мы остановились у экскаватора, который ритмично поднимал и опускал свой мощный хобот. В этом месте уже снят верхний слой земли и обнажились скалы, в которые будет вмурован край плотины.

Машинист экскаватора, пятидесятилетний Крейкемеер,— тоже активист, он ежедневно перевыполняет нормы. За его плечами 35 лет трудового стажа, из которых почти десяток лет он был безработным или полубезработным. Страх быть выброшенным за заводские ворота всегда висел над семьей Крейкемеера в кайзеровской и фашистской Германии.

— Теперь этот страх прошел? — спрашиваем мы машиниста.

Крейкемеер улыбается:

— Прошел навсегда!

Рядом раздается настойчивый, упрямый грохот пневматического сверла. Два молодых парня готовят гнезда для взрывчатки. Это Ральф Роте из Лейпцига, бывший конторский служащий, и Вальтер Петциг из Радебойля, собиравшийся учиться в финансовой школе, но потом решивший поехать с товарищами из

Союза немецкой молодежи на работу в Зозу. Оба они — в молодежной ударной бригаде, которая соревнуется с бригадой взрослых. Ральф Роте и Вальтер Петциг имеют задание пробурить за смену 18 метров.

— Выполняете вы норму? — спросили мы активистов.

Вальтер Петциг показал на часы:

— Сейчас только полдень, а мы уже дали 40 метров. Учимся работать,— знаете, как кто? Как Павел Корчагин!..

В ГОРОДКЕ «КОМСОМОЛ»

Когда закончилась дневная смена, молодежь пригласила нас к себе. Наши спутники запели песню о Зозе, сложенную активистами. Ее припев гласил:

Мы силы народа удвоим,
Плотину досрочно построим!

Мы поднялись наверх и невдалеке от стройки увидели семнадцать зеленых деревянных бараков, расположенных среди сосен по другому склону холма.

У входа в этот деревянный городок, очень напомнивший нам один пионерский лагерь на Северном Донце, стояла арка, сооруженная из тонких сосен. На ней были написаны слова: «Молодежный город «Комсомол».

Юноши и девушки провели нас по всему городку и охотно рассказали о своей жизни и работе. По пути мы узнали и историю названия городка.

Бараки строила молодежь. Однажды, когда городок был почти готов, все пошли в кино в поселок Зозу. Там демонстрировался советский фильм «Комсомольск». На экране было много общего с тем, что переживали молодые активисты Зозы. И вот тогда же, после киносеанса, молодежь решила назвать свой городок: «Комсомол».

— Это — почетное для нас имя,— говорит председатель лагерного правления Фред Мюллер,— и мы сделаем все, чтобы быть достойными его.

Фред Мюллер постоянно работает в городе Ниски на вагоностроительном заводе. Сюда, в Зозу, как и большинство его товарищей, он приехал на шесть недель. По истечении этого срока все должны были вернуться на свои предприятия, уступив место новой смене. Но Фред уезжать не хочет: так захватила его стройка плотины. И не один он остался здесь сверх срока. Манфред Зандик — слесарь из Цвиккау — работает в Зозе уже восьмую неделю. Он и его бригада, состоящая из десяти человек, монтируют теперь наверху, над долиной, кран.

— Как же я уеду, передав свою работу другому? Нет, я доведу ее до конца,— говорит Манфред.

Характерно, что желание остаться на стройке сверх срока изъявили юноши и девушки не только народных, но и частных предприятий. Маргот Гейс работает в частном фотомагазине в Дрездене и теперь не хочет туда возвращаться. Она говорит:

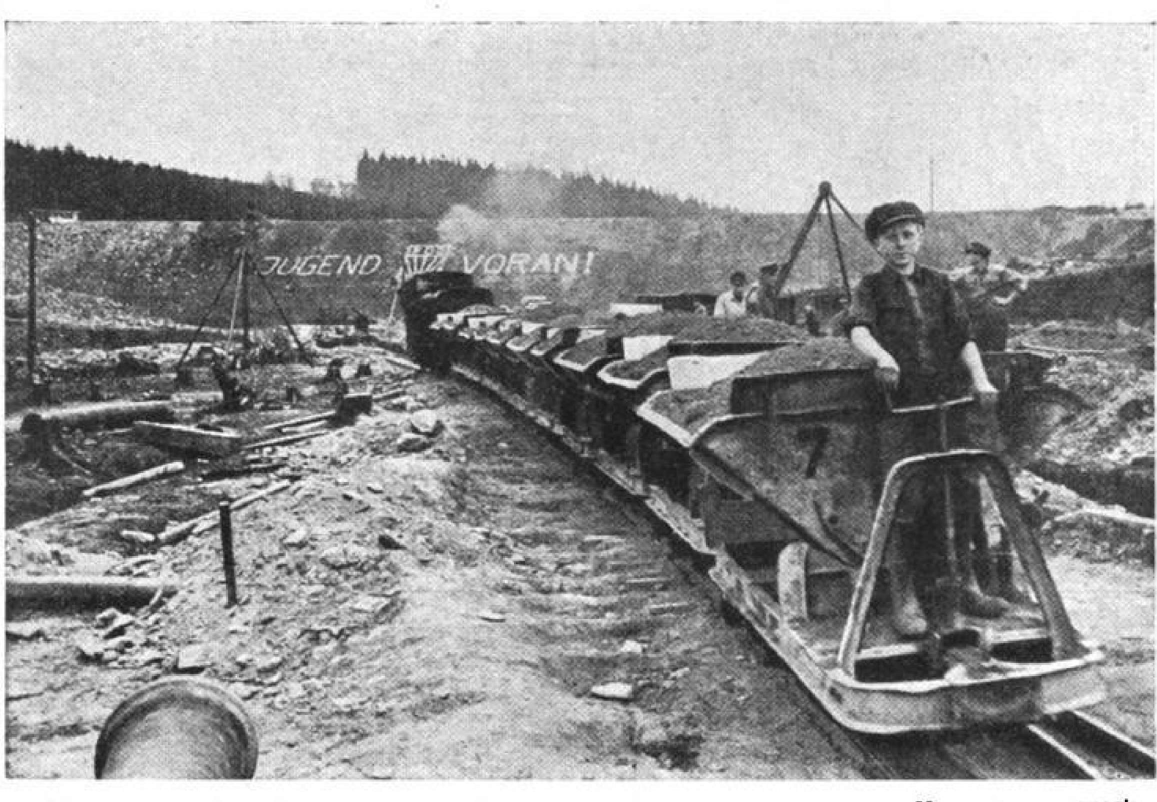
— Я впервые попала в такой хороший коллектив, он мне больше по душе...

Так же настроены девятнадцатилетний Экель, двадцатидвухлетний Хольце — оба землекопы из Эльстница,— сварщик Клос из Хемница, бурщик Гинтер из Фрайберга и др.

Хорошую закалку в городке «Комсомол» проходит и группа студентов высших художественных школ Веймара и Дрездена. Дети трудящихся, будущие художники Кюнтер Кречмар и Пайн Гильдегард работают вместе со всеми на сооружении плотины и в свободное время делают зарисовки. На центральной просеке городка мы видели галлерею портретов активистов Зозы; их нарисовали Кречмар и его товарищи.

В городке «Комсомол» есть специальный барак для культурной работы, вмещающий до 500 человек. В большом зале барака, имеющем сцену, устраиваются концерты самодеятельности, танцы, игры в настольный теннис и т. д. В библиотеке, разместившейся тут же, есть около тысячи книг.

— Конечно, этого еще мало,— говорит девушка-библиотекарь. — Особенно нехватает экземпляров романа «Как закалялась сталь». А эту книгу у нас читают больше всего. Я уже вынуждена записывать длинную очередь на роман Николая Островского...

Молодежный участок народной стройки Гранцаль. На насыпи надпись: «Молодежь, вперед!»

Активисты стройки — бурильщики Ральф Роте и Вальтер Петциг.

Молодые строители выходят из городка «Комсомол», направляясь на вечер германо-советской дружбы.

НАРОДНАЯ СТРОЙКА

Плотина Зоза стала подлинно народной стройкой Германской демократической республики. Сюда прибывают люди из многих районов страны. На перекрестках городов и сел мы встречали панно и плакаты, призывающие помогать Зозе.

И каждую субботу или воскресенье в Зозу едут тысячи добровольцев из ближних и дальних городов. На стройке уже побывали десятки тысяч людей — рабочих, конторских служащих, студентов, учителей, крестьян, инженеров. Ежемесячно в Зозе на воскресниках отрабатывается 70—90 тысяч человеко-часов.

Плотина будет иметь 60 метров в вышину, 200 метров в длину. Ее толщина в основании — 41 метр. Она образует бассейн с запасом воды в шесть с половиной миллионов кубических метров на площади в 34 гектара. Успехи, уже достигнутые строителями, позволили пересмотреть первоначальные наметки: плотина вступит в строй к осени 1950 года, на год раньше первоначального срока.

Зоза ликвидирует нужду в воде, ощущаемую сейчас районами Рудных гор. Сток из озера будет естественным. Позднее здесь намечается построить гидростанцию.

Зоза — крупнейшая стройка двухлетнего плана, но она не единственная. Трудящиеся Тюрингии методом народной стройки в марте — апреле 1949 года прорыли пятикилометровый канал на металлургический завод Максимилиан-Хютте, преодолев серьезные природные препятствия.

Осенью 1948 года в сорока километрах от Зозы развернулась еще одна стройка — трудящиеся создают дамбу в долине Кранцаль. Образованное здесь водохранилище уже дало 1 ноября 1949 года первую воду району Аннанберг.

Кроме того трудящиеся Саксонии восстанавливают старую плотину Мюльденберг возле Алауэна, которая обеспечит окрестное население питьевой водой.

Саксонское правительство уже приступило к созданию проекта кольцевого трубопровода между всеми плотинами района Рудных гор.

Во всем этом народ видит растущую силу нового порядка, силу Германской демократической республики.

Профессор Буйко—народный артист СССР Ю. Шумский и Кость Назарович—народный артист УССР Д. Милютенко.

Профессор Буйко

В Украинском драматическом театре имени Ивана Франко

Доктор медицинских наук профессор Петр Михайлович Буйко хорошо известен киевлянам как выдающийся хирург, отдавший все свои силы и знания борьбе за продление жизни человека.

В первые же дни Великой Отечественной войны верный сын своего народа профессор Буйко вступает в ряды советских воинов, ведущих самоотверженную борьбу против фашистских захватчиков.

Во время одного из кровопролитных сражений на подступах к украинской столице профессору Буйко пришлось под ураганным огнем противника проводить сложнейшую хирургическую операцию. Собственным телом профессор прикрывает от минных осколков оперируемого им советского воина.

Фашистам, окружившим медсанбат, удалось захватить в плен тяжело раненного профессора. Но, несмотря на крайнее истощение, вызванное большой потерей крови, Петр Михайлович бежит из плена и на оккупированной земле продолжает борьбу за свободу и независимость своей Родины.

Оправившись после ранения, Петр Михайлович Буйко поселяется в Фастове и, занявшись частной врачебной практикой, повседневно помогает партизанскому отряду Грисюка, оказывает медицинскую помощь народным мстителям и принимает непосредственное участие в боевых операциях.

Петр Михайлович свято выполняет исторические указания великого Сталина о борьбе в тылу врага, и, попав в руки фашистов, он до самого последнего своего часа не теряет большевистской стойкости и веры в победу.

Народ высоко оценил подвиг профессора Буйко. Правительство присвоило ему посмертно звание Героя Советского Союза. Яркая жизнь доблестного большевика служит незабываемым примером для нашей молодежи.

Бывший работник штаба партизанского движения украинский писатель Яков Баш в своей повести «Профессор Буйко» правдиво рассказал о делах партизана-ученого. Эта повесть, выдержавшая в течение полутора лет несколько изданий, завоевала популярность.

Не меньшим успехом пользуется и одноименная пьеса Я. Баша, поставленная в Киеве Украинским драматическим театром имени Ивана Франко.

Перед автором и театром стояла задача — отобрать из обширного документального материала эпизоды, наиболее полно и обобщенно характеризующие особенности партизанской борьбы на Украине, создать сценический образ Буйко. Эта задача решена в спектакле политически верно и художественно убедительно.

Постановщик спектакля заслуженный артист УССР Б. Балабан сумел донести до зрителя основное в пьесе — раскрыть величие духа советского человека, показать его беспредельную преданность большевистской партии, Родине.

Роль профессора Буйко, мастерски исполняемая народным артистом СССР Ю. Шумским,— новое достижение украинской сцены. Вдохновенна игра талантливого артиста. Мы видим на сцене профессора-большевика, темпераментного и рассудительного, непосредственного и умного.

Особенно удались Шумскому сцены в немецкой комендатуре, в партизанском лесу и в тюремном сарае, где Буйко предстает как пламенный борец и организатор масс.

Друг профессора Буйко, фастовский врач Кость Назарович под влиянием событий превращается из скромного служителя медицины в активного воина-партизана. В этом немалая заслуга профессора, указавшего своему коллеге правильный путь.

Народный артист УССР Д. Милютенко (Кость Назарович) прекрасно подчеркнул этот момент в созданном им колоритном сценическом образе.

Сдержанность и художественный такт характеризуют игру заслуженного артиста УССР Н. Братерского, исполняющего роль командира партизанского отряда Антона Грисюка, дисциплинированного, требовательного к себе и к своим подчиненным.

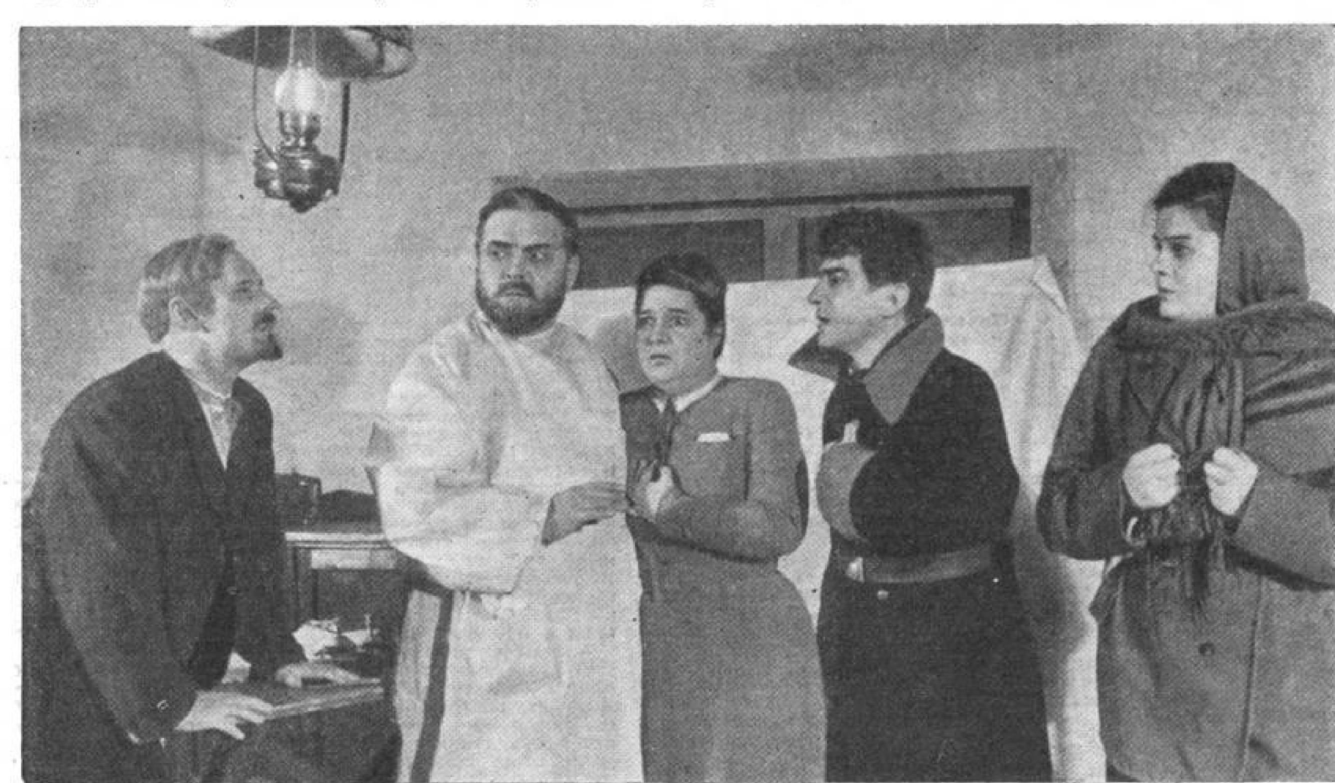
Искренно играет молодой артист С. Фещенко роль Миколы Полтавца, отважного лейтенанта Советской Армии, который, попав в окружение и встретившись с Петром Михайловичем Буйко, вступает в партизанский отряд и возглавляет одно из подразделений.

Заслуженная артистка УССР П. Нятко, исполняющая роль жены профессора Александры Алексеевны Буйко, создала яркий сценический образ самоотверженной советской женщины.

Пьеса Я. Баша рассказывает о великой дружбе советских народов в дни Отечественной войны. В партизанском отряде Грисюка русский Васильев, грузин Саид, армянин Гегам, вместе с украинцами — дедом Скибкой, старой колхозницей Горпиной Романовной и другими,— борются за освобождение Украины от гитлеровцев, видя в этой борьбе защиту кровных интересов своих народов.

Театр имени Ивана Франко, упорно и плодотворно работающий в текущем сезоне над пьесами украинских советских драматургов, порадовал киевлян еще одним хорошим патриотическим спектаклем.

Г. ПЛОТКИН, А. РОГОТЧЕНКО

Сцена из пьесы «Профессор Буйко» в Украинском драматическом театре имени Ивана Франко. На квартире Буйко в Фастове.

«Ленин в Горках»

Поэма «Ленин в Горках», которой открывается одноименный сборник стихов Виссариона Саянова, — это волнующий рассказ об Ильиче, его характере, воле, революционной страсти, его неиссякаемой энергии вождя, его мечтах и думах.

Автор поэмы переносит наше воображение в Горки, где в летние месяцы 1922 года Ленин лечился от тяжелой болезни. Стихи ведут нас в утренний сад, где выздоравливающий Ильич ходит по аллеям, вдыхает аромат плодовых деревьев, слушает песни, звенящие вдалеке, думает о зарницах над полями и лесами и, «быть может, над башней Кремля».

Картина русской природы, на фоне которой показан Ильич, чрезвычайно поэтична. Образ человека и вождя, предстающий в ее обрамлении, становится особенно обаятельным, и кажется, что природа сама перекликается с теми чувствами, которые живут в душе Ильича:

Светает от края до края,
Звезда догорела в пруду.
Идет он, кусты раздвигая,
К любимым деревьям
в саду.
Дубок молодой у обрыва,
У самого края бугра,
Садовник назвал
несчастливым:
Расколот он бурей вчера.
Хоть буря ломала угрюмо,
А вот не согнулся дубок.
И радостно Ленин подумал:
«Он все-таки сдаться
не мог!»
. . . .
Всю силу безмерную
солнца
Он в листья свои перельет,
Но будет на радость
потомству
Стоять у высоких ворот.

Ильич радуется такой жизненной силе. Он ходит по саду и думает о судьбах своего народа, который вынес многие бури и не был сломлен. Ильич думает о нашей социалистической Отчизне, которая предстает перед ним постоянно и в мыслях и в зримых явлениях жизни. Он видит, как освобожденный труд кипит на всей советской земле. Перед взором его проходят люди труда и науки, преобразующие вместе с ним жизнь: великий Мичурин, чьи золотые плоды стали «молодой отрадой» земли; Циолковский, берущий смелой рукой «предвестницу счастья, ракету», поэт Маяковский, который в комнатке ТАСС, «волнуясь, рисует плакат»; простые рабочие, кующие свободу и счастье республики, крестьяне, мечтающие о тракторах. Все это «люди особого склада». Все это «садовники светлого сада». Думы о них укрепляют силы Ильича, наполняют его неукротимой жаждой труда.

В центре поэмы стоит поэтическое описание встречи Владимира Ильича с Иосифом Виссарионовичем Сталиным. Эти главы особенно запоминаются, ибо здесь поэт в простых и ясных стихотворных строках сумел с большой выразительностью показать, как светла была дружба двух великих вождей, как трогательна была их забота друг о друге.

...Машина мчится к Горкам. Навстречу ей—селенья, тропинки. Иосиф Виссарионович в белом летнем кителе откидывает рукой прядь волос и смотрит на седую равнину, где шумят старые липы. Вот уже Горки. Вот «мелькнуло окно голубое, и Сталин идет по траве»:

И, солнечным светом
увенчан,
Вдруг Ленин встает
вдалеке,
В широком расстегнутом
френче
И с книгою в правой руке.
И вот распахнулась
калитка.
Все тот же он, быстрый,
простой...
Пожатье руки... и улыбка.
— Владимир Ильич!..
Дорогой!..—
Слезинка в глазах его
зорких...
Он за руку взял... говорит:
— Я счастлив, что снова
вы в Горках...—
Прищурясь, на друга
глядит.

Два друга, два соратника идут по тихому саду, затем по перелеску. Владимира Ильича интересует все, что рассказывает Иосиф Виссарионович. Его интересует: что происходит в Китае, кто выбран в Московский Совет, как дела с урожаем? Рассказ Сталина успокаивает Ильича. «Становится небо светлее в такой замечательный час», — говорит поэт, передавая состояние вождя.

Он голову поднял, шагая,
Как будто проходит
Москвой.

Немногими строчками, скупыми на слова, но богатыми содержанием поэт передает всю силу воли Ленина, который хочет скорее «вернуться в город» и стремится заверить Сталина, что «теперь я не так уже болен и сердце поменьше шалит...». И в быстрых движениях рук, застегивающих ворот френча, и в гордо поднятой голове, и в заразительном смехе Ильича — во всем этом рисуется нам облик воина, желающего до срока вернуться в строй, «в любимый свой полк».

Мы знаем, какое впечатление вынес от этой встречи с Лениным товарищ Сталин. Он писал:

«Мне приходилось встречать на фронте старых бойцов, которые, проведя «напролет» несколько суток в непрерывных боях, без отдыха и сна, возвращались потом с боя как тени, падали как скошенные, и, проспав «все восемнадцать часов подряд», вставали после отдыха, свежие для новых боев, без которых они «жить не могут». Тов. Ленин во время моего первого свидания с ним в июле, после полуторамесячного перерыва, произвел на меня именно такое впечатление старого бойца, успевшего отдохнуть после изнурительных непрерывных боев и посвежевшего после отдыха...

Поражает в тов. Ленине жадность к вопросам и рвение, непреодолимое рвение к работе».

Именно таким показывает нам Ильича и В. Саянов в своей поэме.

В предпоследней главе поэт рисует товарища Сталина после его возвращения из Горок в Москву. В ней есть строчки, подчеркивающие преемственность ленинских дел в делах Сталина:

И Сталин, задумавшись,
входит
Под сумерки в свой
кабинет,
Он комнату взглядом
обводит:
Там Ленина новый портрет,
Огонь до зари не погаснет...
Он папки и книги берет...
И снова за труд ежечасный
На долгие годы вперед.

Кроме поэмы «Ленин в Горках» в книге В. Саянова представлены также два цикла стихов «Нюрнбергский дневник» и «Стихи о Севере». Своим содержанием они как бы продолжают поэму. Не задаваясь прямо такой целью, поэт тем не менее показывает в них, что ленинские устремления, его великие дела стали знаменем для всего советского народа.

Определяя, какое место занимает каждый советский человек в нашем поступательном движении вперед, поэт говорит, обращаясь к Родине:

Как воин, каждый тобою
призван
На труд и в бой,
Чтоб встал в сиянье день
коммунизма
В стране родной.

Этим утверждается великая правда ленинско-сталинских дел, взглядов и призывов.

Книга стихов В. Саянова глубоко партийна. Она найдет горячий отклик у читателя.

К. ПОЗДНЯЕВ

В. САЯНОВ **«Ленин в Горках».** Стихи. «Советский писатель». 1949. 94 стр. Цена 3 руб.

Воспоминания Садриддина Айни

В деревне Соктара, на берегу Зеравшана, недалеко от крепости Гиждуван родился семьдесят два года назад крупнейший писатель и ученый Средней Азии, старейшина советской таджикской литературы Садриддин Саид-Мурадов, известный широкому кругу читателей под псевдонимом Айни. Псевдоним этот можно перевести русским словом «очевидец», и выбран он автором не случайно: в своих романах, повестях и рассказах Садриддин Айни описывает только то, что сам видел на протяжении своего трудного и славного пути.

Жизни таджикского народа в условиях средневековых феодальных порядков бухарского эмирата посвящены наиболее значительные произведения Айни: романы «Дохунда» и «Рабы», повести «Смерть ростовщика» и «Одина».

В годы Отечественной войны маститый писатель приступил к пятитомному труду, озаглавленному «Бухара». Первые два тома этих воспоминаний, «Деревня» и «Город», изданы на русском языке. Новый труд писателя не только не повторяет прежние его сочинения, но представляет собой принципиально новое изображение дореволюционной Бухары. Чувствуется, что душа и мысль писателя росли вместе с ростом всей страны социализма, что многое из пережитого он увидел вновь с той величественной духовной высоты, которой достиг советский народ. Айни увидел и живописал образы людей из народа, которые даже во мраке восточного средневековья сумели проявить свое благородство, природный ум и те душевные силы, которые так долго дремали в таджикском народе, но, разбуженные Октябрем, расцвели мощно и плодотворно.

В первом томе воспоминаний Айни рисует родную деревню. «Это была нищая деревня, застроенная убогими глиняными домами. Хотя все здесь занимались земледелием, но прожить на это никто не мог. Многим нехватало урожая даже на то, чтобы расплатиться с налогами, да еще сдать землевладельцам их долю, размер которой был установлен в давние времена. А богатеи, владевшие здесь землей, не платили с нее никаких податей эмиру». И автор добавляет: «Об этом я уже писал в своем романе «Рабы».

Были в деревне люди, которых оскорбляло такое рабское существование, которые ощупью искали свет истины. К ним принадлежал отец писателя, бедняк Саид-Мурад, занимавшийся летом земледелием и ткачеством, а зимой изготовлением мельничных жерновов. Не имея возможности учиться, он стремился дать образование своим детям, убеждая и соседей поступать так же. Когда один из соседей возразил ему, что из медресе — духовной школы — выходят лишь мироеды и тунеядцы, Саид-Мурад ответил насмешливо и сердито:

«— Они были волчатами и выросли волками, но ведь ты-то не из волков!».

Характеризует Саид-Мурада и такой эпизод. Старший сын его, Мухиддин, без отцовского разрешения отправился погостить к судье, правившему суд по шариату. Саид-Мурад страшно разгневался. «— Судьи — это свиньи! — сказал он.— Они, как свиньи, питаются падалью и мертвечиной. И кто заходит к ним в дом, тоже становится свиньей. Если же ты хочешь вырасти человеком, довольствуйся куском хлеба, который я могу тебе послать, и глотком воды, которую ты всюду достанешь сам».

Айни с большим искусством и теплотой рисует подобных односельчан-правдолюбов, споривших со взяточниками — корыстолюбивыми муллами и продажными судьями. Автор любит своих героев: сказочницу-крестьянку Царевну Тути, смелую таджикскую девушку Хабибу, талантливого самородка резчика по дереву дядюшку Усто-Ходжу. На всю жизнь запомнились мальчику слова этого веселого, остроумного художника:

«— Если бы ученик довольствовался тем, что дает ему его учитель, ремесло не развивалось бы, остановилось бы. Только те ученики и являются истинными наследниками славных мастеров, кто не довольствуется учением и не успокаивается, ищет новое, создает свое новое».

Значительны страницы воспоминаний, посвященные труду дехкан. Айни показывает, как умело, любовно, вдохновенно собирали его односельчане урожай хлопка, сажали цветники, боролись с безводием и засушливыми песками, столярничали, плотничали, строили и как этот труд бессовестно присваивался трутнями — феодалами, чиновниками и муллами. С горькой иронией вспоминает автор и учение у муллы: «Я окончил школу. Но читать я там не научился».

В другом произведении, в рассказе «Из прошлого», Айни говорит о религиозной школе: «В своей жизни я испытал два освобождения: одно — в 1917 году, когда мне было 39 лет и меня освободили из эмирской тюрьмы после того, как я получил семьдесят пять ударов палкой, а другое — когда мне было 6 лет и когда я освободился от занятий в школе».

Но даже и схоластическая школа, даже семинария, могла в то время хотя бы в малой мере удовлетворить страстную потребность в образовании. Автору исполнилось 12 лет, когда он переехал в Бухару и поступил в медресе. О жизни в Бухаре он рассказывает во втором томе воспоминаний:

«Эти старые медресе, построенные три или четыре столетия назад, доныне удивляющие нас своим великолепием, точно выражали феодальный строй, внешне нарядный, величественный, сверкающий, а внутри темный, удушливый, смрадный, невыносимо тесный. В этих зданиях выражены лицемерие и жестокость феодализма, то средневековье, которое в России давно изучают по книгам и в музеях, а я видел сам, пережил и перестрадал, прожив в нем половину своей жизни».

Долгое время существовал неправильный взгляд, что за древние стены Бухары не проникал якобы голос правды и прогресса из России. Всем опытом своей жизни Айни разрушает этот неправильный взгляд. Если не непосредственно, то через посредство таких прогрессивных деятелей культуры, как азербайджанец Ахундов, татарин Тукай, таджики узнавали о Пушкине, Толстом, Белинском, Салтыкове-Щедрине. Многое сделал в этом направлении и таджикский просветитель — энциклопедист Ахмади Дониш, полюбивший Россию и русскую культуру. Айни сближается с Ахмади Донишем и его кружком и отводит им лучшие страницы воспоминаний.

Примечательна глава под названием «Русский язык». Таджикское юношество, увлеченное новыми веяниями, стремилось познать революционную правду, идущую из России. Айни стал учиться русской грамоте. Его учитель Пирак предупреждает будущего писателя:

«Только смотри, никому не говори, что у нас есть русские слова. Иначе муллы нас со свету сживут!».

Русские слова «привез из Самарканда Тураб». Эмирские палачи казнили Тураба. Так кончается второй том воспоминаний Айни.

Эти воспоминания, замечательные своей достоверностью и живописностью, строгой, реалистической манерой письма, обладают огромной познавательной ценностью. Надо пожелать старому писателю доброго здоровья, чтобы он довел свои воспоминания до наших дней, когда вместо «темной, удушливой и смрадной» Бухары расцвела Бухара социалистическая, а на месте жалкого кишлака с бесцветным названием «Дюшамбе»—«Понедельник»—выросла цветущая столица свободного народа — Сталинабад.

С. ЛИПКИН

САДРИДДИН АЙНИ. **Бухара (Воспоминания).** Перевод с таджикского. Таджикгосиздат. Сталинабад. 1949.

Коротко о новых книгах

Евгений Федоров. У ГОРЫ МАГНИТНОЙ. Повесть. «Советский писатель». 1949. 170 стр. Цена 6 руб.

В большом и светлом Дворце металлургов в Магнитогорске автор встретился с мастерами мартеновских и доменных плавок. Они просили его рассказать о том, что было раньше на берегах казачьего Яика. Автор и написал в ответ повесть о старой станице Магнитной, давно похороненной на дне заводского пруда.

Г. Пенежко. ЗАПИСКИ СОВЕТСКОГО ОФИЦЕРА. Книга вторая. На одесском плацдарме. Литературная обработка Евгения Герасимова. Воениздат. 1949. 349 стр. Цена 10 руб.

Книга написана по фронтовым дневникам автора и фактам, сохранившимся в его памяти после того, как часть дневников сгорела в танке. В ней рассказывается о том, что автор лично видел в дни героической обороны Одессы.

ФАКТЫ О ПОЛОЖЕНИИ ТРУДЯЩИХСЯ В США (1947—1948 гг.). Перевод с английского. Иноиздат. 1949. 133 стр. Цена 5 р. 75 к.

Название сборника говорит ясно о его содержании. В нем приведены факты и цифры, относящиеся к тем предкризисным годам, когда США будто бы открыли «секрет вечного процветания». О том, что представляет собой это «процветание» для трудящихся Америки, и рассказывает книга.

Басни и сказки Гамзата Цадасса на экране

Киностудия художественных цветных мультипликационных фильмов, наряду с фильмами, поставленными на сюжеты старых народных и современных русских сказок и басен, выпустила в 1949 году две картины, в основу содержания которых положены произведения народного поэта Дагестана Гамзата Цадасса — басни «Слон и Муравей» и «Сказка о Льве и Зайце».

Постановочная группа в составе режиссеров Б. Дежкина и Г. Филиппова, сценариста Р. Фатуева, художника Г. Позина, композиторов Ю. Левитина и Г. Гамбурга, оператора Е. Петровой проделала сложную творческую работу по экранизации произведений известного дагестанского баснописца и сказочника.

Мультипликационные картины «Слон и Муравей» и «Лев и Заяц» представляют большой интерес как для юного, так и для взрослого зрителя: они богаты по своему цветовому решению и имеют оригинальные и занимательные сюжеты.

Лучшим из названных фильмов является «Слон и Муравей». Это живой и поучительный рассказ о победе гибкого и ясного ума над грубой физической силой. Он направлен против высокомерия и бахвальства. В этой умной и веселой басне побеждает скромный и благородный Муравей. К достоинствам фильма необходимо отнести мастерски показанные постановщиками, на фоне чудесной кавказской природы, горячие и стремительные национальные танцы.

В фильме-сказке «Лев и Заяц» повествуется о жизни и гибели жестокого и жадного Льва и об умном, находчивом и храбром Зайце, спасшем от смерти своих друзей. Великолепно показаны в картине проход Льва по тропическому лесу и сцена, где он «разговаривает» с собственным отражением в колодце.

Приобщение драматургов, режиссеров и художников рисованного фильма к литературе народов СССР, этому неиссякаемому поэтическому роднику, обогащает идейно и художественно нашу отечественную мультипликационную кинематографию.

КАДРЫ ИЗ ФИЛЬМА

«ЛЕВ И ЗАЯЦ»

Лев издал грозный приказ. Испуганные звери читают предписание владыки.

— Я тебя уничтожу! — прорычал Лев, разглядывая в колодце собственное отражение.

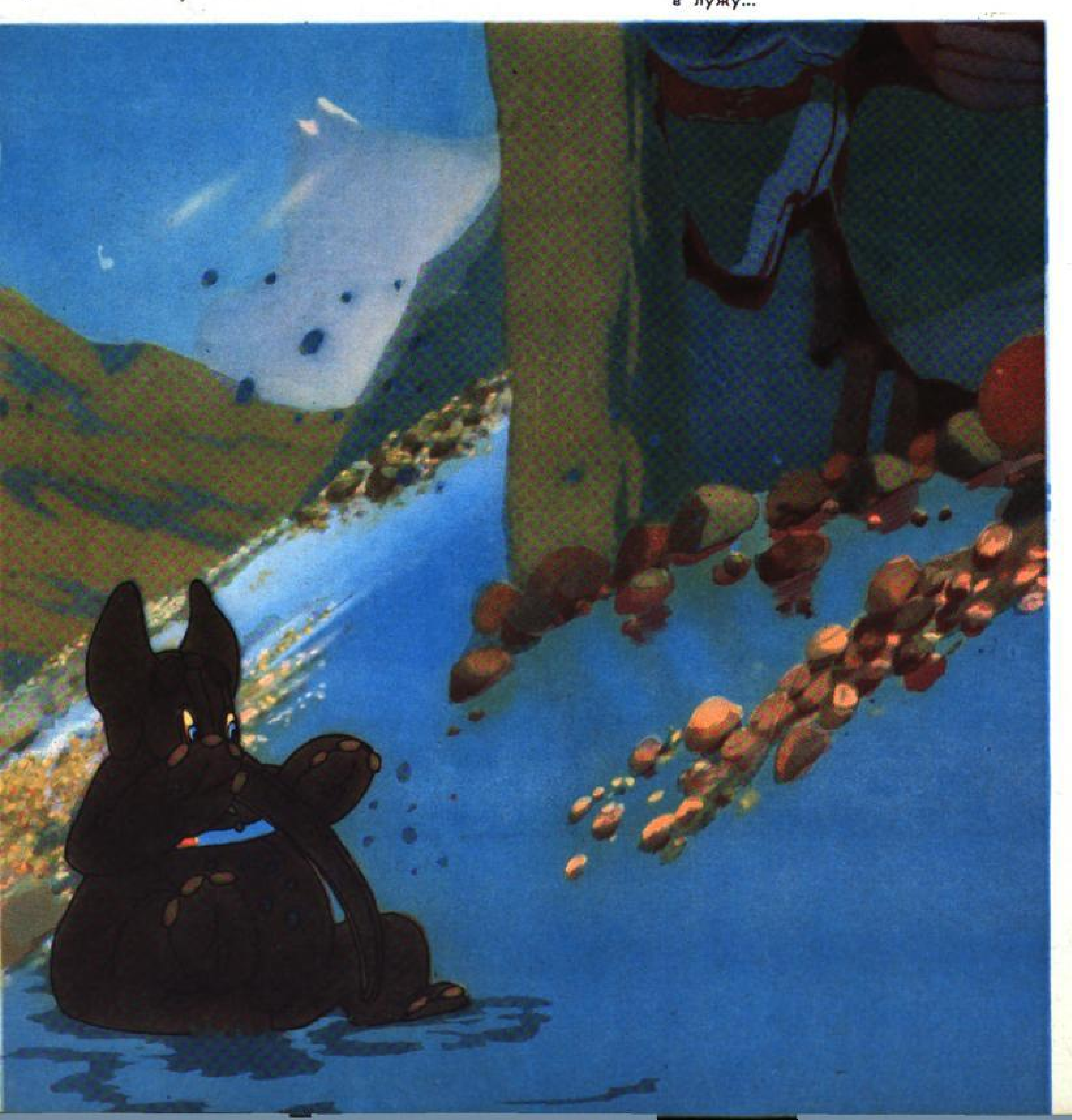
Первым, ясно, жадный Волк,
Он ведь знает в этом толк.
За Волком явился Мишка,
Его мучила одышка,
Он стоял мрачнее тучи:
Нелегко взойти на кручу.

КАДРЫ ИЗ ФИЛЬМА

«СЛОН И МУРАВЕЙ»

Медведь и Волк направляются на свадьбу к Лисе:

Слон от толчка Муравья попал в лужу...

Слон свалился прямо в лужу.
Ничего, могло быть хуже!..
Был наказан Слон кичливый
За свое бахвальство силой.

Страницы прошлого

Петя — В. Тулубьев.

Балет «Юность» М. Чулаки в Ленинградском малом оперном театре

Лена — С. Шеина.

У многих советских людей, чья жизнь неслышно подкрадывается к пятидесяти годам, юность была порой суровых испытаний гражданской войны, наполненной борьбой за новый мир.

Об этой «юности отцов» написал в свое время пьесу Борис Горбатов, этой юности посвятил Николай Островский свою вдохновенную книгу «Как закалялась сталь». И не одна сотня страниц в различных романах, повестях, рассказах изображала закалку комсомольской юности.

И вот теперь этим горячим дням посвятил свой новый балетный спектакль «Юность» Ленинградский малый оперный театр.

Над созданием такого далеко не обычного для нашего балетного искусства произведения работала целая творческая бригада: сценарист Ю. Слонимский и композитор М. Чулаки, балетмейстер Б. Фенстер, художница Т. Бруни, дирижер Е. Корнблит. А балетная труппа взяла на себя воплощение рабочих большевиков, пожилых и молодых красногвардейцев, смелых подростков из рабочей среды, контрреволюционно настроенных обывателей, гимназистов и гимназисток — отпрысков буржуазных семей, белогвардейских офицеров.

Так вместо средневековых замков «Раймонды», пышных садов «Спящей красавицы» возник на сцене небольшой захолустный городок Центральной России, который временно захватили какие-нибудь «марковцы» или «дроздовцы», «деникинцы» или «корниловцы» и принесли сюда виселицу, грабежи, убийства и насилия.

В таких оккупированных белогвардейцами городах коммунисты и комсомольцы уходили в подполье и почва горела под ногами у захватчиков. И когда части Красной Армии, разбивая белогвардейские дивизии, победоносно двигались вперед, их встречали мужественные подпольщики — борцы за советскую власть.

Все эти славные страницы прошлого не раз воскрешались на экранах кино, на драматических сценах, в художественной прозе. Но рассказывать об этом языком танца, средствами жестов и немых мизансцен не так-то просто.

Вот почему надо особенно отметить смелую инициативу авторов и участников балета «Юность», сумевших в тесном кольце балетных условностей создать спектакль, лишенный претенциозности, фальши и стремящийся к жизненной правде.

Это совсем не означает, что «Юность» — произведение вполне зрелое и законченное. Можно о многом поспорить и с драматургом, и с композитором, и с балетмейстером, и с художником. И все же прежде всего отмечаешь положительное в этом балете. Оно заключается в том советском чувстве действительности, в том мужественном и глубоком оптимизме, которые скрепляют воедино все отдельные сцены балета. Пусть многое еще эскизно, и все же по-весеннему свежо. Поэтому на пути к созданию балета больших советских тем «Юность» кажется верным шагом.

Если бы не было в балете этом внутренней правды, никаким артистам, даже очень талантливым, не удалось бы создать хорошо запоминающиеся реалистические прочувствованные образы — рабочих-подростков Пети, Даши, Димы (В. Тулубьев, Г. Исаева, Ф. Шишкин), идеалистически настроенной гимназистки Лены (С. Шеина) и пустенькой гимназистки Оли (В. Розенберг). Оттого-то и воспринимает зрительный зал всех этих действующих лиц «Юности» не просто как искусных танцовщиц и танцовщиков, а как подлинно живых юношей и девушек тех давних лет. Те, кто постарше, чувствуют при этом тепло лирических воспоминаний. А те, кто по возрасту являются сверстниками Даши, Лены, Димы, Пети, начинают и сами мечтать о героической юности.

Так образы молодой гвардии гражданской войны, как и замечательные образы представителей молодой гвардии Великой Отечественной войны, становятся «школой жизни» для счастливой советской молодежи.

Н. ВОЛКОВ

Балет «Юность» в Ленинградском малом оперном театре. Сцена из первого действия.

Справа — второе действие балета. Семен — Н. Филипповский. Даша — Г. Исаева, поручик Чубенко — А. Сычков.

Фото Д. Трахтенберга

Гордость НОВОСИБИРСКА

В феврале 1944 года, когда война еще была в разгаре, в Новосибирске закончилась стройка огромного сооружения.

Какое же новое предприятие вступало в строй?

Не завод и не фабрика. Специальная комиссия, в состав которой входили представители власти, рабочие и люди науки, принимала здание театра.

Не только в Сибири, но и во всей Советской стране, во всем мире мало найдется подобных театральных сооружений. Сцена Новосибирского театра оперы и балета по размерам равна сцене Большого театра в Москве, а зрительный зал рассчитан на две тысячи мест.

В суровое военное время трудящиеся Новосибирска нашли силы и средства закончить строительство величественного храма искусства.

Первый спектакль в оперном театре Новосибирска—«Иван Сусанин»—был осуществлен в мае 1945 года, когда наша Родина праздновала победу над гитлеровской Германией.

За пять лет театром поставлены 33 спектакля. Балет «Доктор Айболит» в 1948 году был отмечен Сталинской премией.

Яркой иллюстрацией огромного подъема культуры в Советской стране может служить стремительный творческий рост этого молодого театра в центре Сибири.

Сегодняшняя Сибирь — край не только развитой промышленности и механизированного сельского хозяйства, но и передовой науки и искусства. Оперный театр не одинок: рядом с ним хороший драматический театр «Красный факел», Театр юного зрителя, самодеятельные драматические и музыкальные коллективы предприятий.

В просторном зрительном зале оперного театра, украшенном античными скульптурами, десятки тысяч рабочих, служащих, учащихся Новосибирска, шахтеров соседнего Кузнецкого бассейна, колхозников близлежащих районов впервые увидели оперы «Евгений Онегин», «Борис Годунов», «Князь Игорь», «Фауст», «Риголетто» и другие.

В нашей стране исчезают понятия «провинция», «провинциальность». Это особенно остро ощущается в Новосибирском театре оперы и балета. Большинство его постановок отличается высоким профессиональным мастерством. Это отметил и народный артист Союза ССР И. Козловский, в прошлом году с большим успехом выступавший на сцене Новосибирского театра в содружестве с местными силами.

Театр сумел воспитать свои кадры солистов и режиссеров. Молодежь — не только в оркестре и хоре, насчитывающем около ста человек, не только в балете, состоящем сплошь из юных выпускников балетных училищ, но и среди ведущих актеров.

Молодой певец Михаил Киселев, бывший рабочий, поет партию Мазепы в одноименной опере Чайковского.

Артист создал выразительный образ холодного политикана, надменного честолюбца, которого ненавидит народ. Запоминается сцена в застенке, когда стойкость Кочубея, истерзанного пытками, приводит в смятение Мазепу. Отлично проводит эту сцену и артист В. Кирсанов, играющий Кочубея.

Партию Марии исполняет одна из лучших солисток труппы — Н. Куртенер. Дарование певицы, выросшей в Сибири и овладевшей мастерством в стенах родного театра, снискало ей популярность у новосибирских зрителей. Свободно, вдохновенно, с неподдельным лиризмом передает Куртенер нежность, страсть, тоску — все чувства любящей женщины, выраженные в музыке Чайковского. В заключительной сцене оперы игра молодой артистки достигает большой драматической выразительности.

Театр проводит широкую и разнообразную работу с массовым зрителем. Каждая новая постановка сопровождается лекциями, беседами. Их тематика разнообразна: от анализа произведения до ответов на вопросы, что такое опера, как надо слушать музыку и т. д.

* * *

В один из воскресных дней, когда давали оперу «Черевички», к массивным колоннам театрального подъезда торопливо шли вереницы людей, подъезжали легковые и грузовые машины, колхозные сани-кошевки. Вешалку быстро заполняли пальто, шинели, тулупы, дохи, полушубки.

Вместе с горожанами оперу Чайковского смотрели в это воскресенье и колхозники, приехавшие на спектакль за тридцать километров.

Около тысячи колхозников сельскохозяйственных артелей «Колос Октября», «Большевик», «Юный ленинец», «Политотделец», имени Орджоникидзе сидело в зале и дружно аплодировало каждой удачно спетой арии, балетному номеру. Одобрение зрителей заслужила также работа художников спектакля А. Морозова и А. Грантовского, создавших пленительную картину украинского села.

— Колхозники не пропускают ни одной новой постановки,— рассказали нам в дирекции театра.

Значительны успехи Новосибирского оперного театра, но еще мало в его репертуаре произведений, отражающих героическое прошлое и героическое настоящее советской Сибири.

Новосибирцы гордятся своим Театром оперы и балета. Но с полным основанием требуют они от коллектива театра обогащения репертуара постановками еще более высокого уровня, требуют еще более заботливого выращивания молодых творческих кадров.

Мих. ЗЛАТОГОРОВ

Зрительный зал Новосибирского театра оперы и балета.

Первое действие оперы «Пиковая дама» (постановка заслуженного артиста РСФСР В. Сорочинского)

↓ Сцена из оперы «Черевички» (режиссер-постановщик — И. Ажоткин).

Мазепа — артист М. Киселев.

В роли Марии — Н. Куртенер.

Кочубей — артист В. Кирсанов.

Фото М. САВИНА

На трассе Сидоровы

Мастер спорта Евгения Сидорова на тренировке

На вершине горного склона стоит синеглазая хрупкая с виду девушка и очень внимательно смотрит вниз. Девушке предстоит скатиться с горы на лыжах. Но перед ней не заманчивый для всякого лыжника пологий и ровный склон, а гора с очень капризным рельефом, вся пересеченная буграми и впадинами.

На пути синеглазой лыжницы расставлено множество трепещущих в морозном воздухе флажков. Условно это деревья, кусты, скалы, которые надо объехать. За каждый сваленный флажок лыжник платится штрафными очками. Один из увлекательных и труднейших видов лыжного спорта — слалом — как бы имитирует спуск с горы, поросшей лесом.

Чем же, однако, труден слалом? В конце концов человек, хотя бы немного владеющий лыжной техникой, смог бы спокойно и неторопливо объехать все эти флажки-деревья и флажки-скалы. Но в слаломе как раз медлить и нельзя! Слалом—скоростное соревнование. Движение слаломиста непрерывно, и всю трассу с многочисленными препятствиями он проходит на большой скорости, достигающей 60—70 километров в час.

Девушку на вершине горного склона, видимо, не страшат ни скорость, ни лабиринт флажков, ни капризы рельефа, по которому проложена трасса. Еще раз спокойно оглядывает она предстоящий путь и, полусогнув ноги, подается корпусом вперед. Лыжница стоит над крутизной горы в позе пловца, готового прыгнуть в воду. Еще мгновенье — и она сорвалась с места, словно нырнула вниз.

Девушка мчится прямо на частокол флажков... Нет, она неминуемо их опрокинет! Но тут происходит то, что человеку, впервые наблюдающему слалом, может показаться невероятным. Хрупкое тело спортсменки вдруг становится необычайно сильным, гибким, пружинистым, оно изгибается в четких, отлично оттренированных наклонах и выпадах, в ловких, почти акробатических движениях, а лыжи спортсменки начинают вычерчивать на снегу то большие, то малые дуги, стремительные, идущие вниз полукружья и зигзаги.

Делая все новые и новые повороты, почти не уменьшая скорости на самых трудных из них, девушка мчится сквозь строй флажков, через образуемые ими ворота, не задевая ни телом, ни лыжами хитроумно расставленных препятствий. И вот она уже миновала последние, финишные ворота. Раскрасневшаяся, усталая лыжница срывает с кудрей голубую шапочку и приветственно машет ею тренеру.

Чемпионке Советского Союза по слалому Евгении Сидоровой недавно минуло 19 лет. Молодая спортсменка уже трижды завоевывала женское первенство страны по слалому и дважды по альпийскому двоеборью. Евгения Сидорова впервые стала чемпионом СССР в 1946 году, когда ей было 15 лет.

Необычайная победа московской школьницы над лучшими советскими слаломистами, опытными мастерами была одержана за Полярным кругом, близ города Кировска, на горе Вудьяврчорр... Приехала Женя Сидорова сюда вовсе не за тем, чтобы соревноваться со взрослыми. Куда там ей! Просто воспользовалась возможностью потренироваться в слаломе на большой горе. Ведь она всего полтора года назад начала заниматься спортом в детской группе центральной горнолыжной секции общества «Динамо».

Правда, тренер динамовских слаломистов В. Э. Нагорный находил у девочки большие способности. Уже через несколько месяцев после начала занятий Женя Сидорова довольно уверенно скользила на лыжах, хорошо спускалась с отлогих возвышенностей, делала несложные повороты. Больше того, в 1945 году она выиграла первенство Москвы, а затем и всесоюзное первенство по слалому среди девочек. За зиму 1945—1946 года Женя далеко шагнула вперед. Она еще увереннее и устойчивей держалась на лыжах, все меньше боялась скорости и крутизны, выполняла все более сложные приемы, необходимые в слаломе. Юная слаломистка, несомненно, прогрессировала, но куда ей все же состязаться с мастерами, собравшимися на горе Вудьяврчорр!

Здесь были Нина Полякова, Марта Семиразумова, Екатерина Вогулкина, Дина Овчинникова, Александра Басалова, Татьяна Григорьева, Мария Потапова и другие прославленные горнолыжницы, многие из них чемпионки прошлых лет. С почтительным восхищением наблюдала Женя за тренировками старших. Правда, и у ней самой кое-что уже получается, но, конечно, не так хорошо, как у них! И вдруг тренер сообщает, что Евгению Сидорову в виде исключения допустили к участию в соревнованиях. Нет, нет, она ни за что не будет участвовать!

— Но, послушай, Женя! Ты же пойдешь не на выигрыш! — уговаривал свою ученицу В. Э. Нагорный.— А участие в таких соревнованиях — для тебя отличная тренировка... Кто осудит девочку за то, что она окажется позади взрослых?

Женя согласилась. И она не отстала, а опередила всех.

За день до соревнований утих буран, усложнивший трассу снежными надувами. В борьбе за секунды противницы Жени Сидоровой забывали об осторожности, а поэтому падали и теряли время. Не упала только одна Женя, которая шла особенно внимательно. За два спуска по трассе в 350 метров она выиграла у своей ближайшей соперницы 49 секунд!

И вот маленькая школьница, взволнованная и как будто даже перепуганная собственной победой, стоит перед судейской кол-

Лыжники слаломисты Сидоровы (слева направо): Юра, Володя, Лева, Тамара, Евгения и Коля.

легией. Присуждать ей звание чемпиона или не присуждать? С одной стороны, она победительница... С другой — ей всего же только 15 лет... Но у судей был уже прецедент. За год до этого мужское первенство страны по слалому выиграл 16-летний Александр Филатов, и ему вручили красный свитер чемпиона. На этот раз почетный свитер был вручен Жене.

Следующей зимой она продолжает упорные, настойчивые тренировки. В Москве, на склонах Ленинских гор, возле которых она родилась и живет, Женя продолжает изучение слаломной техники. Чемпионка старается овладеть более высокими скоростями, усиленно отрабатывает приемы подхода к фигурам, изучает все новые варианты поворотов.

Школьные занятия не позволяют Жене ехать на Урал в 1947 году на всесоюзные соревнования по слалому. Она выступает лишь на первенство Москвы и выигрывает его. Следующие два года Евгения Сидорова снова состязается с лучшими горнолыжницами страны, но теперь как равная с равными, как мастер с мастерами, и вновь побеждает.

Многократная чемпионка Советского Союза попрежнему недовольна собой.

— С техникой теперь как будто благополучно,— говорит она,— но вот с тактикой...

Да, в слаломе нужна не только совершенная техника, нужна и очень гибкая, дальновидная тактика. Ведь прежде всего дистанция слалома не стандартна по размеру и колеблется от 100 до 800 метров. Различна бывает трасса и по своему профилю. Наконец, дистанция слалома никогда не повторяется по форме. Изменяя расстояние между воротами и угол между ними, судьи могут бесконечно разнообразить трассу даже одной и той же длины, ставя перед слаломистами все новые и новые трудности.

В зависимости от условий на трассе слаломист должен безошибочно и мгновенно решать множество тактических вопросов: о скорости, о подходе к фигурам, о наиболее выгодном направлении между препятствиями. Вот почему Евгения Сидорова, готовясь сейчас к розыгрышу первенства 1950 года, неутомимо расставляет на снегу флажки в десятках самых разнообразных вариантов... И в этой упорной работе, в высокой требовательности к себе — залог ее будущих успехов.

Если успокоиться на достигнутом, того и гляди через год—два обгонит и собственная сестренка! Младшей сестре, Тамаре Сидоровой, нет еще 16 лет, но она уже третий год занимается в горнолыжной секции. В прошлом году она выиграла первенство Москвы по слалому среди девочек ее возраста.

Слаломисты — и братья Евгении Сидоровой: три родных — Владимир, Николай и Лев — и двоюродный — Юрий. Двадцатилетний автомеханик Владимир Сидоров — спортсмен первого разряда, он входит в сборную горнолыжную команду «Динамо». Не первый уже год постигают искусство слалома подростки Юрий и Николай. Самого младшего из Сидоровых, десятилетнего Леву, по малолетству еще не принимают в секцию. Нимало не смущаясь этим, он носится по горе за старшими братьями и сестрами на самодельных лыжах.

Шесть Сидоровых выходят на трассу слалома. Шесть разных по мастерству и стажу спортсменов из одной семьи!

Во всех капиталистических странах слалом, как и теннис или академическая гребля, считается наиболее «аристократическим» видом спорта, точнее, спортом для богатых.

В Советском Союзе любой вид спорта доступен для самых широких масс. И вот лишнее подтверждение этому — сестры и братья Сидоровы на снежной слаломной трассе.

Е. ШАТРОВ

Хоккей в Чехословакии

Когда на прямоугольник льда выезжают четырнадцать рослых спортсменов с эмблемой «ЛТЦ», трибуны пражского зимнего стадиона взрываются аплодисментами.

Зрители с нескрываемым удовольствием повторяют вслух фамилии своих любимцев. И, может быть, чаще других слышит свое имя вратарь команды Богумил Модрый.

На хоккейных полях многих европейских столиц и на льду Сен-Морица в олимпийском турнире Модрый снискал себе славу лучшего вратаря Европы. Шайба, как заколдованная, отскакивает от его вездесущей клюшки или, схваченная на лету, тут же оказывается в ногах партнера.

Любят чехословацкие зрители и изящные, полные сдержанной силы атаки нападающих ЛТЦ. Вот крайние, выдвинувшись вперед, быстро продвигаются вдоль бортов к воротам противника, а по центру поля мчится Забродский — душа команды, лучший игрок страны.

Шайба у Забродского. Он передает ее Станиславу Конопасику. Бросок — и за воротами вспыхивает сигнальная лампа. Гол!

Хоккейная команда пражского клуба ЛТЦ сильнейшая в Чехословакии. Большая часть игроков этой команды входит в состав сборной страны. А сборная команда народно-демократической Чехословакии — лучшая в Европе, чемпион мира 1947 года и второй призер олимпийского турнира в Сен-Морице.

Москвичи, любители хоккея с шайбой, хорошо помнят выступления пражских хоккеистов на московском стадионе «Динамо» в 1948 году. Команда ЛТЦ провела тогда три тренировочных матча с советскими хоккеистами, из которых один выиграла, другой проиграла и третий свела вничью.

Гости блеснули разнообразием тактических комбинаций, точными бросками по воротам, безупречной техникой обводки, артистическим владением клюшкой, корректной и расчетливой игрой корпусом.

Высокий международный класс чехословацких хоккеистов объясняется исключительной популярностью этой игры в стране. Хоккей с шайбой имеет здесь такие же традиции, как и футбол.

В чемпионате Чехословакии 1950 года участвуют восемь команд. Это пражские ЛТЦ, АТК и «Спарта», «Стадион» (Ческа Будейовице), «Кралово поле» (Брно), «Братислава», «Витковице Железарни» и «Збройовка Жиденице».

Большинство игр проходит в острой, упорной борьбе и изобилует интересными положениями. После пяти туров впереди с одинаковым числом очков — по 8 — шли четыре команды: «Витковице Железарни», ЛТЦ, «Стадион» и АТК.

Хоккеисты «Братиславы», проиграв в четвертом туре команде АТК, встретились в пятом туре с наиболее вероятным претендентом на титул чемпиона страны — командой ЛТЦ. Матч закончился крупной победой пражских хоккеистов — 10 : 1. В этой игре четыре шайбы забил Забродский.

Сейчас закончился первый круг чемпионата Чехословакии по хоккею с шайбой. Хоккеисты пражского клуба ЛТЦ набрали 12 очков и возглавили таблицу розыгрыша. У ЛТЦ отличное соотношение забитых и пропущенных шайб — 53 : 20.

В последнем туре первого круга ЛТЦ победила «Спарту» с рекордным счетом 15 : 2. АТК выиграл у «Стадиона», «Витковице Железарни» у «Збройовка Жиденице». Заводская команда «Кралово поле» сыграла вничью с «Братиславой».

Одним из интереснейших событий нынешнего хоккейного сезона был международный матч Чехословакия — Швеция. Игра состоялась в Стокгольме.

Десять тысяч зрителей бурными аплодисментами приветствовали команду народно-демократической Чехословакии. Чехословацкие хоккеисты провели весь матч в отличном стиле и победили шведов со счетом 5 : 3.

Н. ТАРАСОВ

На снимке: команда ЛТЦ в момент атаки.

Наш знакомый

Фельетон

Арк. ВАСИЛЬЕВ

Рисунки И. Семенова

Все, кто не видел Егора Кузьмича Колбасина лет пять — шесть, встретившись с ним, чрезвычайно удивлялись:

— Егор Кузьмич! Батюшки!.. Что это с вами?

Колбасин отдувался и, пыхтя, как старый, заезженный сельский движок, в свою очередь тоже изумлялся:

— А что? Что случилось?

— Да уж очень вы, Егор Кузьмич, раздобрели.

Действительно, когда-то Егор Кузьмич никак не походил на теперешнего. Должность он тогда занимал среднюю, по должности у него была и фигура.

И вдруг Егора Кузьмича со средней должности переместили на крупную. Об этом переводе ходило немало легенд. Одни рассказывали, что его выдвинули за необычайную усидчивость и усердие за преферансом, побаловаться которым якобы обожал его начальник. Другие, опровергая карточную протекцию, уверяли, что Егора Кузьмича повысили за уменье хранить случайно обнаруженные им секреты начальника от его жены.

Все это была чепуха на самой настоящей искусственной олифе. Егора Кузьмича выдвинули случайно и только потому, что в данный момент не оказалось другой, более подходящей кандидатуры.

Как только выдвижение состоялось, Егора Кузьмича словно подменили. До этого он всю жизнь был обладателем небольшого тенорка, падавшего в беседах с начальством почти до шепота. Вскоре после утверждения в новой должности Егор Кузьмич заговорил басом. И откуда он у него только взялся: густой, устоявшийся, с львиными перекатами!

Вслед за голосом изменилась у Егора Кузьмича и походка. Вылезая у подъезда из персональной машины, он крякал так, как будто колол тяжелым колуном толстый сучковатый кряж. Выгрузив с переднего места свое сразу располневшее тело, Егор Кузьмич не трусил, как бывало, мелкой иноходью, а, постояв у машины, отдышавшись, медленно, тяжело ступая, направлялся на свой этаж.

Все эти внешние перемены не имели бы никакого значения. Но Егор Кузьмич вообразил, что вместе с новой должностью ему в отделе кадров одновременно пожаловали дополнительный паек ума и таланта. Дел у него прибавилось, и ему бы в самый раз побольше учиться, почаще советоваться с подчиненными, а он решил, что он всех превзошел и достиг всего, что отпущено было на его долю матерью-природой. Недостаток образования Егор Кузьмич умело маскировал самоуверенностью. Через час после утверждения на его лице появилось выражение: «Я все знаю, и учить меня нечего».

Его резолюции на докладных записках, заявлениях, жалобах, предложениях стали кратки и выразительны. Если документ исходил от низшего по положению и для путешествия в более высокие инстанции не предназначался, Егор Кузьмич удивлял всех предельной лаконичностью: «Я посмотрю», «Я учту», «Я разберусь», «Я подумаю».

Иногда он, прочитав какую-нибудь бумажку и забыв, какой он пост занимает, по старой привычке начинал писать подробное объяснение, но затем, спохватившись, все зачеркивал и красным карандашом писал: «К исполнению».

Но было бы неправильным отрицать за Егором Кузьмичом некоторых, если так можно сказать, новаторских свойств. К концу первой недели Егор Кузьмич, после многократных посещений комиссионного магазина, подобрал для своего кабинета новую мебель. Когда ее привезли, то оказалось, что по своим габаритам она никак не подходит к размерам кабинета. Этот вопрос был решен энергично и просто. Площадь местопребывания Егора Кузьмича была увеличена за счет уменьшения площади трех отделов. Охотников заполучить старую, вполне сохранившуюся обстановку кабинета было немало. Но и тут Егор Кузьмич показал себя знатоком субординации. Весь гарнитур целиком был передан его первому заместителю.

Ценный вклад внес Егор Кузьмич в организацию служебной переписки. У него оказалась на сей счет своя собственная стройная система.

— Предположим, — объяснял Егор Кузьмич своему управляющему делами,—нам надо послать запрос этому... как его... Каткову. Кто такой Катков? Ниже меня. Ему можно просто написать: «Т. Каткову». Семену Петровичу Слонову так писать уже нельзя: он со мной на одной ступени. Ему надо писать: «Тов. Слонову». Заместителю председателя облисполкома надо писать полностью: «Товарищу Назарову Я. С.», а председателю исполкома — «Уважаемому товарищу Ивану Павловичу Морозову».

Немало труда вложил Егор Кузьмич в искусство скреплять бумаги.

— Тому же Каткову,— говорил он,— бумаги, во избежание лишних расходов, можно посылать без скрепок. Слонову надо обязательно скрепить простым способом. Можно даже проколоть булавкой, конечно, только не ржавой. А вот товарищу Назарову или товарищу Морозову без «подхалимки» посылать нельзя. Для Назарова надо под скрепочку подложить голубую бумажечку, а Морозов любит малиновый цвет.

Так же тщательно разбирался Егор Кузьмич в сортах бумаги. Для нижестоящих—газетный срыв. Равновеликим — писчая второго сорта, вышестоящим — белая первого сорта. В личном столе хранился у него спецзапас плотной, матовой бумаги, которую машинистки называли «колбасьевкой». На «колбасьевке» Егор Кузьмич посылал доклады в министерство.

Понятно, что все эти мероприятия отнимали у Егора Кузьмича солидную часть рабочего дня. Поэтому он, в целях, так сказать, мобилизации ресурсов времени, для начала распорядился принимать посетителей вместо трех раз в неделю только по понедельникам. Но как-то получалось, что в понедельник его обязательно не оказывалось на месте. Чего бы проще — перенести прием посетителей на вторник или на среду, но Егор Кузьмич был неумолим:

— Я своих распоряжений отменять не люблю; они для меня закон.

— Но ведь вас ждут посетители. Они пятый понедельник приходят.

— Придут в следующий раз.

— Но ведь вы...

— Я сказал...

Служили в управлении два приятеля, Ухов и Переплеткин. У обоих был один и тот же нюх. Уж очень ловко умели они заранее угадывать человека, который скоро займет «положение». Здорово они еще чувствовали, на какое поведение предъявляется спрос. Если начальник, скажем, любил хоровое пение, то они, загодя, сколачивали хоровой кружок. Во время исполнения они становились на возвышения и, хотя их слабых голосов слышно не было, разевали рот, как щуки, шире всех.

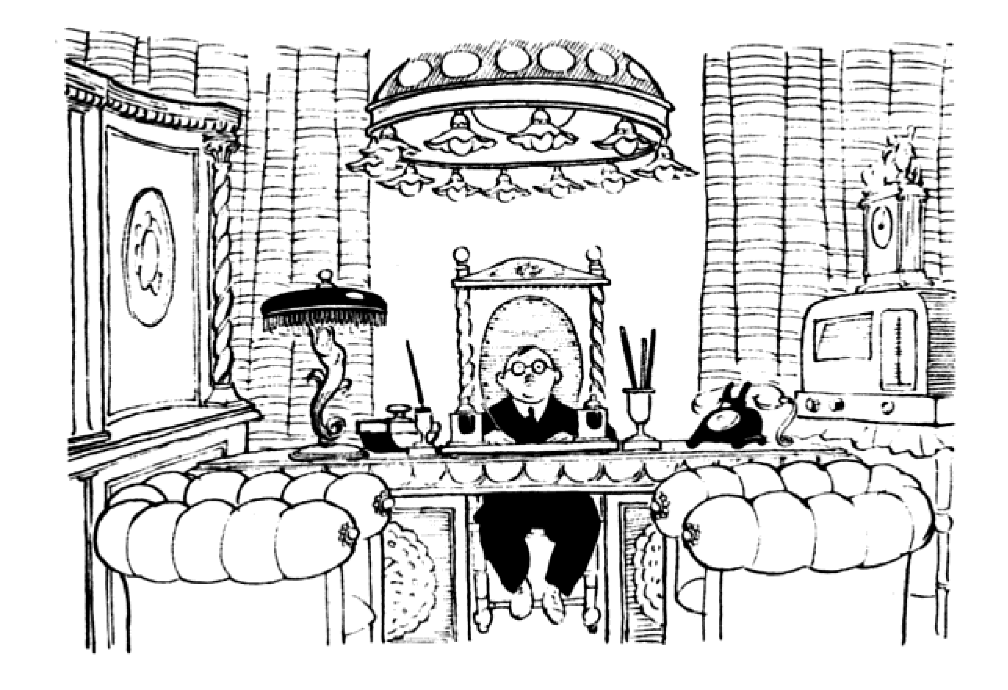
И вообще они были выдумщиками на все руки. А уж пыль в глаза пускать умели! Надо, к примеру, докладную записку сочинить. Другой, недогадливый, сядет втихомолку, закроется,— смотришь, к вечеру труд уже в машинописном бюро лежит. А Ухов и Переплеткин шум поднимут, нагалдят, к начальнику раз двадцать сходят, чаю стаканов двадцать выпьют и, глядишь, к концу недели что-нибудь неудобоваримое сотворят. Они и приручили Егора Кузьмича и стали его первейшей опорой. Он думал, что он их взнуздал, а на самом деле они его оседлали и вертели им, как хотели. Но вертели приятно, с улыбочками:

— Егор Кузьмич, разрешите за вас промокнуть вашу резолюцию...

Вскоре подчиненные установили у Егора Кузьмича две слабости. Во-первых, он очень любил, чтоб о нем писали в газетах. Поэтому он не пропускал ни одного совещания и старался сесть в президиуме, поближе к председателю. Утром, найдя в газете отчет, он подчеркивал свою фамилию синим карандашом. Газета весь день лежала на столе для всеобщего обозрения. Вечером жена заметку вырезала и убирала в особую папку с надписью: «Персональное».

Второй слабостью Егора Кузьмича была неодолимая страсть к ораторскому искусству. Общеизвестно, что прежде чем выступать, надо обдумать, о чем будешь говорить. Этого уменья Егору Кузьмичу нехватало, так как его мыслительный аппарат гибкостью не отличался. Выручал начальника экономист Беззлобин, отличавшийся необычайной бойкостью пера. Перед каждым совещанием он приносил Егору Кузьмичу подробнейшие «тезисы», перепечатанные для удобства через два интервала.

И вот, может быть, оттого, что его речи были не его речами, Егор Кузьмич говорил одно, а делал другое. На совещаниях он до хрипоты ратовал за самокритику: и сверху, и снизу, и невзирая на лица. Но стоило инструктору Федяшину неосторожно обмолвиться о том, что, дескать, Егор Кузьмич мало внимания уделяет посетителям, как Колбасин даже побагровел от этой непростительной дерзости. Вечером же Федяшин был вызван в кабинет, где между ним и начальником произошел откровенный разговор.

Говорил больше Егор Кузьмич, Федяшин только краснел и бледнел.

— Что это вы, батенька, все изнанку изображаете? Если верить вам, то в моем учреждении нет никаких достижений. Так, что ли? Я тоже за критику, но не за всякую. Ваша критика не выдерживает никакой критики. Это уж, извиняюсь, не критика, а беспорядок...

Вскоре после этого случая Федяшин был выдвинут на самостоятельную работу в отдаленную сельскую местность. На некоторое время в управлении все притихли, но ненадолго. Снова начали раздаваться голоса о том, что Егор Кузьмич не подходит для занимаемой должности. Больше всех горячился некто Пряхин. Благоразумные сослуживцы сначала уговаривали Пряхина:

— Да что ты, Алеша, волнуешься? Все равно тебе Колбасина не перевоспитать, а места лишишься.

А Пряхин еще больше кипятился:

— Я свою гражданскую совесть до дыр еще не износил. И не могу равнодушно смотреть, как он всех нас топит.

Как предсказывали, так и случилось. Пряхин был от должности отстранен «ввиду необеспеченности руководства».

Ну тут уж самые закоренелые фанатики тишины и покоя, и те не выдержали. Был в управлении один кроткий человек, Курицын. Больше всего на свете боялся он всяческих комиссий и обследований. Как только при нем о чем-нибудь подобном заговорят, он бледнеет и отходит в сторону:

— Не люблю я этого. После обследования еще хуже будет.

Но тут даже эта «лирическая» натура, и та не выдержала. Правда, на открытое выступление Курицын не рискнул, но в коридорах шумел:

— Тут без комиссии не обойтись!

Комиссия себя ждать не заставила. И выяснилось, что Колбасина критикой сверху тоже не обходили. Еще до этого ему несколько раз внушали, два раза предупреждали и даже выговор объявили, но он все это, по гордости, сохранял в тайне.

На этот раз подходящая кандидатура была под рукой, и поэтому управление освободилось от Колбасина незамедлительно. И вот что удивительно: больше всех этому радовались Ухов и Перепleткин. Оба в один голос не говорили, а прямо пели:

— Мы же говорили... Дышать стало легче... Свежим ветерком повеяло.

Когда Егору Кузьмичу объявили, что он снят с работы за бюрократизм, зажим самокритики и чрезмерное раздувание значения собственной личности, он очень удивился:

— Да какой же это я бюрократ? Не скрою, было, конечно, некоторое головокружение...

Рассказывают, что у него даже слезы на глазах при этом навернулись. Но никто его не пожалел. Опечалилась за него только старуха-гардеробщица, которую он однажды по ошибке премировал. Когда он, сдав дела, уходил из управления, она жалостливо сказала:

— Страдает человек за свою доброту.

Никто ее не поддержал.

Страсть охотника

Бывают моменты, когда не только не охотники, а и сами охотники до упада смеются над своим же собратом, на их глазах совершившим тот или иной из ряда вон выходящий поступок.

А пройдет некоторое время, и сам смеявшийся в порыве охотничьей страсти «выкинет» что-нибудь такое, что вызовет смех у всех окружающих.

О таких охотничьих приключениях мне и хочется рассказать.

УДАЧА

Проживал в деревне Савино известный на всю округу охотник Сергей Яковлевич Леонов. Для него охота, действительно, была пуще неволи. Стрелял он всегда без промаха.

В один из зимних дней большая компания нас, начинающих охотников, гоняла русака. Была с нами и собака, но, ведя свою родословную от дворняг, она в нашей охоте играла далеко не первую роль. Большинство собачьих обязанностей мы выполняли сами, а наш лохматый друг изредка только подбрехивал.

Русак оказался «ученым». Его маршрут не превышал двух километров. Он то огибал деревню, то уходил в кусты.

Мы безрезультатно гоняли его не менее двух часов.

Вот заяц мелькнул у околицы. Тявкнула собака, и... неожиданно прогрохотал выстрел. Мы бросились на звук.

И что же? Издали увидели нашего знаменитого охотника. Он стоял у своего сарая и за уши держал зайца. Из правого ствола его двустволки еще струился сизый дымок.

— Охотнички!.. — насмешливо крикнул Сергей Яковлевич, показывая зайца.

Мы подбежали к нему и невольно обратили внимание на его внешность. Взглянули и залились безудержным хохотом.

И можно ли было удержаться? На нем была одна рубашка. А на ногах... На одной ноге был валенок, на другой ничего не было. И на пушистом снегу отчетливо виднелись отпечатки человеческой ступни.

Оказывается: лежал он на печке, услышал — тявкнула собака. Не выдержал. Схватил ружье и на улицу. Только и успел один валенок надеть.

Мы дружно смеялись, а Сергей Яковлевич был так доволен своей неожиданной добычей, что не обращал на нас внимания.

«ОНИ ВСЕГДА ПАРОЙ ХОДЯТ»

Стоял холодный, нелюдимый день, какие могут быть только в конце октября. Я шел берегом реки. Голые сучья ольхи раскачивались над свинцовыми водами. Жесткий ветер пронизывал меня насквозь.

У омута, на противоположном берегу я заметил Соколова. Этот сухонький старичок был заядлым рыбаком и не боялся никакой стужи.

Весь вытянувшись, он в правой руке держал длинное удилище, а левую далеко отбросил назад для равновесия. Его худое лицо с жиденькой рыжеватой бороденкой повисло над водой. На нем был полушубок, а на ногах легкие ботинки.

— Ну, как дела? — поинтересовался я.

Ответа не последовало. Соколов только нервно махнул левой рукой, что выражало:

— Молчи!.. Не шуми...

Я повиновался и тут же заметил, что поплавок не стоит спокойно на месте, а както странно подпрыгивает и тянет леску к плесу. Момент подсечки, как видно, еще не наступил. Чтобы дать снасти хоть сколько-нибудь ходу, оставалось одно — шагнуть в воду. И Соколов шагнул. Он оказался в воде выше колен.

Леска ослабла, а через несколько секунд поплавок спокойно и уверенно пошел против течения.

Соколов рванул двумя руками удилище вверх. Оно согнулось в дугу, а затем из воды вылетела длинная рыбина и шлепнулась на землю. Соколов проворно выскочил из воды и всем своим телом навалился на рыбу.

Затем он встал и торжествующе показал извивавшуюся щуку. С лица его не сходила довольная улыбка, рыжая бороденка дрожала.

— Сматывай скорей и на печку! — посоветовал я ему.

— Нельзя... Они всегда парой ходят. Заброшу еще разок. Должна и другая клюнуть...

СЛУЧАЙ У МЕЛЬНИЦЫ

Небольшой мельничный омуток привлекал многих рыболовов. Стоял очень холодный и ветренный осенний день. Кроме меня, здесь ловили и другие рыболовы. К вечеру на берегу появился Шолохов — мужчина лет тридцати, страстный охотник и рыболов.

— Ну, как без меня идут делишки? — издали крикнул он.

— Не разматывай! Клева нет.

— Она не дура! Знает, к кому идти. Вот сейчас поглядите, как начну таскать.

Шолохов ловко спрыгнул на сливной мост и быстро настроил удочку. Не успел он взяться за вторую, как поплавок на наших глазах скрылся под водой.

Он схватил удилище, и... завязалась борьба. Рыболов к себе, рыбина к себе. Мы все повскакали с мест и замерли.

Наконец на поверхности воды что-то блеснуло серебром и скрылось. Удилище выпрямилось.

Шолохов постоял в каком-то оцепенении несколько секунд, посмотрел на расходящиеся круги, отшвырнул удилище и как был — в ватном пиджаке и сапогах — бросился в воду. Прокатился громкий хохот.

Шолохов с трудом выбрался на берег. Он блестел, точно только что пойманный сом. Фуражка его плавала посредине омута. Один из рыболовов удачно набросил на нее крючок и подтянул к берегу.

— Ты зачем так сделал? — не выдержал кто-то из нас.

— А чорт ее знает, — выбивая зубами мелкую дробь, проговорил он. — Я сам не знаю, зачем. Будто кто в спину толкнул.

ЗАЧЕМ Я ЭТО СДЕЛАЛ?

А через несколько лет почти такой же случай произошел со мной.

Декабрь подходил к концу. В один из выходных дней мы ловили рыбу в Икшинском водохранилище канала имени Москвы. На льду было не менее двухсот рыболовов.

У меня на жерлицу взялась огромная щука, и тотчас вокруг меня образовалось плотное кольцо из рыболовов.

Долго мне пришлось повозиться, пока, наконец, огромная щучья пасть не показалась из лунки. Может быть, я с такой хищницей и совладал бы, если б не один из рыболовов. Он подскочил к лунке и ткнул багориком в пасть щуки. Услуга оказалась медвежьей. Он сбил щуку с крючка, и та скрылась подо льдом.

Я постоял, посмотрел на прорубь, упал на колени и зачем-то запустил руку в воду до самого плеча. Когда потом встал на ноги, из моего рукава хлестала вода, точно из водосточной трубы после ливня.

Зрители заливались неудержимым хохотом.

А я стоял, думал и не мог отдать себе отчета: зачем это сделал?

Не могу этого объяснить и сейчас.

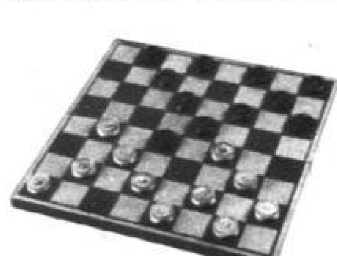
С. МИНАЕВ

ШАШКИ

Под редакцией мастера Г. Я. ТОРЧИНСКОГО

ЛОВУШКА В ДЕБЮТЕ

В партии Каплан (Киев) — Левинсон (Москва) из чемпионата ЦСДСО «Наука» после ходов 1. c3—d4 d6—e5; 2. d2—c3 e7—d6; 3. e3—f4 b6—c5; 4. d4:b a7:c5; 5. c1—d2 черные, сыграв 5. ... c5—d4, поставили своему противнику тщательно замаскированную ловушку, рассчитанную на ход 6. a3—b4? Теперь, казалось бы, черные не могут защитить своей шашки d4 и должны проиграть, однако в их распоряжении оказывается возможность провести следующую красивую комбинацию:

6. ... d6—c5!!
7. b4:d6 b8—a7!
8. d6:b8 f6—g5
9. f4:d6 d8—c7
10. e3:e5 g7—f6
11. e5:g7 c7:e5!
12. b8:f4 g5:a3 и выигрывают.

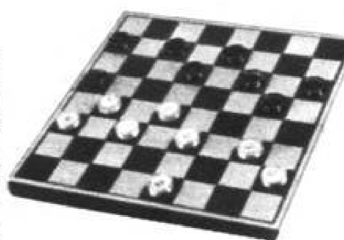
Каплан не сыграл 6. a3—b4 и выиграл партию.

ОКОНЧАНИЕ ПАРТИИ

С. Блиндер (Белые) — Б. Городецкий (Черные)

Играна в полуфинале XII чемпионата СССР. Казань, 1949 год.

Позиция белых проиграна из-за связки их левого фланга и отсутствия разменов. В этом безнадежном положении С. Блиндер решил попытаться спасти партию, завлекши своего противника в ловушку. Последовало:

1. e1—f2 d6—e5?

На этот ход и возлагали свои надежды белые. После 1... c7—b6 черные легко выигрывали. Теперь белые проводят спасительную комбинацию.

2. g3—f4!! e5:e1
3. e3—f4 g5:c5
4. b4:b8 e1:b4
5. a3:c5 и черным пришлось добиваться ничьей.

РЕШЕНИЕ ЭТЮДОВ Г. Д. МАРКОСОВА, ПОМЕЩЕННЫХ В № 5

I. 1. g7—h8! a3—b2; 2. e3—d4!! c3:g3; 3. h8:a1! g3—f2; 4. a1—d4! f2—g1 (если 4. ... f2—e1, то 5. d4—f2); 5. d4—a7 h4—g3; 6. h2:f4 g1—h2; 7. a7—b8 и выигрывают.

II. 1. e7—f8! e5—f6 (если 1. ... e5—h8 (b2 или a1), то 2. f8—e7 и т. д. На 1. ... e5—g7 следует 2. f8—c5 и белые выигрывают. При 1. ... e5—d4 или c3 белые проводят простую h6 в дамки с ничьей); 2. f8—e7! (Другие ходы проигрывают, так как на 2. f8—d6 следует 2. ... b4—c3, а на 2. b2—e3, 2. ... b4—c3 с выигрышем.) f6:d8; 3. h6—g7 a3—b2 (иначе белые займут «большую дорогу»); 4. g7—f8 b4—a3; 5. d2—c3! b2:d4; 6. f8—g7 — и ничья.

КАВЕРЗНЫЕ ЗАДАЧИ

ГЛУБИНА МОРЯ

На корабле измеряли с помощью эхолота глубину. Пассажиры заинтересовались техникой и результатами измерения. Один из пассажиров объяснил:

— Устройство эхолота очень простое. В трюме, у днища корабля, взрывается патрон. Время прохождения звуковой волны от корабля до дна моря и затем отраженной волны, то есть эха, от дна до корабля точно засекается специальным прибором с секундомером. В данном случае эхо вернуло звук через три секунды. Делаем несложный расчет. Звук проходит в секунду, как известно, 330 метров. Множим на три, получается 990. Делим на два, — так как звук за 3 секунды прошел до дна и обратно, — и получаем точную глубину — 495 метров.

Всем понравилась простота и точность такого измерения. Однако другой пассажир возразил:

— Подвела вас техника. Я на глаз определю правильнее, — он посмотрел за борт, подумал немного и сказал: — Глубина здесь 2152,5 метра.

Стоявший рядом моряк подтвердил правильность этого результата

Кому же верить?

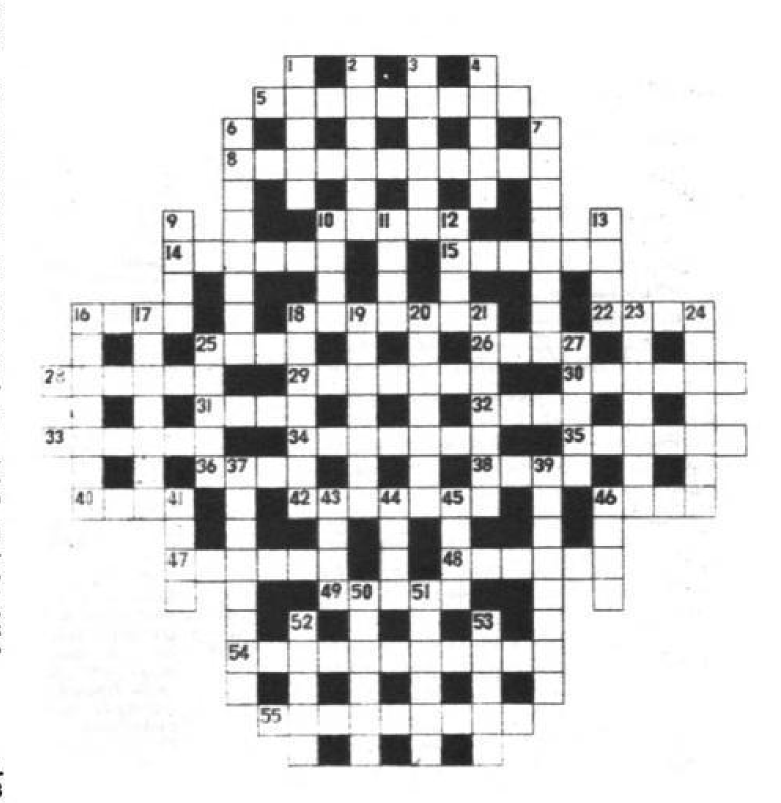
ФОТОГРАФИРОВАНИЕ ПОД ВОДОЙ

Понадобилось заснять растительность на дне моря. В особом приборе опустили на глубину 1800 метров фотографический аппарат. При этом, конечно, учли поглощение света водой и изготовили фотопластинки повышенной чувствительности к наиболее глубоко проникающим в воду фиолетовым лучам. Съемку назначили ровно в полдень, когда лучи солнца падают отвесно и менее всего отражаются поверхностью моря. Были учтены и другие технически необходимые особенности этой съемки.

Но в группе, организовавшей съемку, возник спор о времени экспозиции. Одни считали, что необходима минимальная выдержка, чтобы изображение не получилось расплывчатым, другие стояли за экспозицию не менее часа, учитывая недостаточность освещения под водой.

Кто был прав?

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Участник строительства. 8. Способ выражения мнения. 10. Изображение лица спереди. 14. Южный плод. 15. Русский крейсер. 16. Принадлежность тайного голосования. 18. Человек следующего поколения. 22. Работа. 25. Город в БССР. 26. Имя. 28. Остов. 29. Приспособление для переливания жидкости. 30. Избрание. 31. Человеческий организм. 32. Электромагнитный прибор. 33. Пробка. 34. Механизм для подъема тяжестей. 35. Венгерский танец. 36. Спортивная игра. 38. Путешествие. 40. Затвор у сосуда. 42. Соприкосновение. 46. Стадия. 47. Усердие. 48. Музыкальная пьеса. 49. Система общественного устройства. 54. День. 55. Ход в шахматной игре.

По вертикали:

1. Металл. 2. Негритянский общественный деятель. 3. Штаб главнокомандующего. 4. Животное. 6. Человек, убеждающий массы. 7. Набор добровольцев. 9. Склад. 10. Вольный бой в фехтовании. 11. Снимок. 12. Род крупы. 13. Месяц. 16. Небольшой район. 17. Украшение на прическе. 18. Весенний разлив воды. 19. Национальность. 20. Походная фляжка. 21. Басня И. А. Крылова. 23. Край железнодорожного колеса. 24. Государство. 25. Персонаж из повести Н. В. Гоголя. 27. Единица измерения силы света. 37. Совокупность людей, объединенных производственными отношениями. 39. Работник ж.-д. транспорта. 41. Ароматическое вещество. 43. Злак. 44. Надпись. 45. Административно-территориальная единица. 46. Химический элемент. 50. Гимнастический прибор. 51. Осадок. 52. Начало реки. 53. Рыболовное судно на севере.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 6

По горизонтали:

4. Слава. 10. Перевал. 11. Станция. 12. Торпедо. 14. Мужество. 15. Площадка. 17. Балалайка. 22. Диаметр. 25. Мелехов. 26. Паровоз. 27. Утка. 28. Агат. 29. Колхоз. 30. Дарьял. 31. Анис. 34. Мост. 35. Монитор. 36. Кипарис. 37. Скрябин. 40. Катакомбы. 45. «Бородино». 48. Комиссар. 49. Исакова. 50. Телефон. 51. Капитан. 52. Сайка.

По вертикали:

1. Ребус. 2. Телеграмма. 3. Лапта. 5. Лира. 6. Веер. 7. Отрог. 8. Антарктика. 9. Читка. 12. Токай. 13. Опока. 16. Слалом. 18. Дистанция. 19. Станочник. 20. Земляника. 21. Можайский. 23. Пароход. 24. Доватор. 32. Стахановец. 33. Лирика. 34. Маяковский. 38. Навои. 39. Абака. 41. Ковер. 42. Лимон. 43. Амбар. 44. Салат. 46. Фара. 47. Толк.

Поправка: В кроссворде, напечатанном в № 6, по горизонтали ошибочно дано слово «Мелихов».

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ (№ 6)

СТАРИК И МОЛОДОЙ

С возрастом чувствительность уха к высоким звукам понижается. У старых людей она обычно ограничена звуками с частотой колебаний в 10—12 тысяч в секунду. Поэтому они не слышат комариного пения, стрекота кузнечиков, а иногда даже и чирикания воробьев.

Слышал писк комаров и стрекот кузнечиков Иван Иванович: следовательно, он молодой человек.

ОШИБКА МАЛЬЧИКА

Мальчик спутал смешение цветных лучей со смешением красок, законы смешения которых различны. Так, при смешении синей и желтой красок получается зеленая, а синих и желтых лучей — желтые или белые лучи. Смешение синей и красной красок дает фиолетовый цвет.

РЕАКЦИЯ НА РЕАКЦИЮ

В США проводится чистка преподавательского состава в целях искоренения свободомыслия.

— Этот красный профессор даже при нас завел разговор о реакции. Надо его убрать!..

Рисунок Л. Самойлова

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, С. И. СОКОЛОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление Л. Шумана.

А — 00837. Подписано к печати 7/II—50 г. Изд. № 141. 5½ печ. л. Тираж 381 000. Заказ 269. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24

Смотрите на экранах кинотеатров

новый цветной художественный фильм

ПАДЕНИЕ БЕРЛИНА

(В ДВУХ СЕРИЯХ)

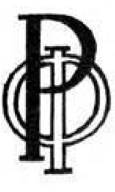
Постановка — Михаила ЧИАУРЕЛИ.
Сценарий — П. ПАВЛЕНКО, М. ЧИАУРЕЛИ.
Гл. оператор — Л. КОСМАТОВ.
Композитор — Д. ШОСТАКОВИЧ.
Художники — В. КАПЛУНОВСКИЙ, А. ПАРХОМЕНКО.

В ГЛАВНЫХ РОЛЯХ АРТИСТЫ: Михаил ГЕЛОВАНИ, Борис АНДРЕЕВ, Марина КОВАЛЕВА, Владимир САВЕЛЬЕВ, Георгий ТИМОШЕНКО.

ПРОИЗВОДСТВО ОРДЕНА ЛЕНИНА КИНОСТУДИИ «МОСФИЛЬМ»

1949 года

ВЫПУСК ГЛАВКИНОПРОКАТА

Цена 3 руб.